

ISSN 2074-9848

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2009

2

Калининград
Издательство
Российского государственного университета имени Иммануила Канта
2009

Калининград:
Изд-во РГУ
им. И. Канта, 2009.
140 с.

Учредители:

Российский
государственный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политологии и социологии, ректор РГУ им. И. Канта — **сопредседатель**, *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., декан факультета международных отношений, проректор по международным связям СПбГУ — **сопредседатель**, *С. С. Артоболевский*, д-р геогр. наук, проф., зав. отделом экономической и социальной географии Института географии РАН, *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, проф., зам. директора ИМЭМО РАН, *К. Веллман*, д-р, исполняющий обязанности директора Отдела по вопросам исследований мира и конфликтов Института социальных наук Университета Христиана-Альбрехта, г. Киль (Германия), *А. В. Кортунов*, канд. ист. наук, президент АНО «ИНО-Центр», *К. Люхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия), *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, *А. Ю. Мельвил*, д-р филос. наук, проф., проф. кафедры прикладной политологии Государственного университета – Высшая школа экономики, *Р. М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков Государственного университета — Высшая школа экономики, *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН, *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф., генеральный директор Фонда «Бюро экономического анализа», профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Редакционная коллегия

Н. В. Каледин, канд. геогр. наук, доц., декан ф-та географии и геоэкологии, проректор по учебной работе СПбГУ — **сопредседатель**, *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зав. кафедрой социально-экономической географии и геополитики, проректор по научной работе РГУ им. И. Канта — **сопредседатель**, *Н. Г. Бабенко*, д-р филол. наук, доц., директор Института русского языка и культуры РГУ им. И. Канта, *С. И. Богданов*, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры общего языкознания, декан факультета филологии и искусств СПбГУ, *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, доц., директор Института Балтийского региона РГУ им. И. Канта, *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ, *Э. Кнаппе*, начальник отдела «Региональная география Европы», Институт землепользования им. Лейбница, г. Лейпциг (Германия), *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН, *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой международных отношений Северо-Западной академии государственной службы, *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ, *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., директор Института географии, зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша), *Н. Г. Скворцов*, д-р социол. наук, проф., декан факультета социологии, проректор по научной работе СПбГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (<i>А. П. Клемешев, К. К. Худолей</i>).....	5
Теория региональных исследований	9
<i>Шаститко А. Е.</i> Кластеры как форма пространственной организации экономической деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения... 9	
<i>Федоров Г. М., Корнеевец В. С.</i> Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход	32
<i>Баженов Ю. Н., Никольченков К. Е.</i> Конкурентоспособность экономики приграничных регионов.....	42
Трансграничное сотрудничество	49
<i>Кузнецов А. В.</i> Перспективы еврорегионов с российским участием с учетом новаций региональной политики ЕС	49
<i>Давидов Д. М., Чекалина Т. Н.</i> Трансграничное сотрудничество как инструмент регионального маркетинга в Балтийском регионе.....	57
<i>Тицьяна Мелькьорре.</i> Балтийский регион и Черноморское пространство: две детали одной головоломки.....	65
<i>Кузнецов А. И.</i> Добрососедство и Европейская политика соседства — в чем различие?.....	76
Образование в Балтийском регионе	87
<i>Воронов В. В.</i> Состояние экономического сознания и ценностные ориентации выпускников латвийских вузов	87
<i>Брунова Н. В., Московкин Л. В., Юрков Е. Е.</i> Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и ее деятельность в странах Балтийского региона	98
Российский эксклав на Балтике	102
<i>Клемешев А. П.</i> Российский эксклав на Балтике: эволюция эксклавности и поиск путей ее преодоления	102
<i>Артоболевский С. С.</i> Калининградская область: уникальный регион и типичный центр	115
<i>Шильберг З.</i> Приграничное сотрудничество Калининградской области РФ с Литвой и Польшей: препятствия и возможности	129
Сведения об авторах	136

CONTENTS

Preface (<i>A. Klemeshev, K. Khudoley</i>)	5
Theory of Regional Studies	9
<i>Shastitko A.</i> Clusters as a Form of Spatial Organisation of Economic Activity: Theory and Practical Observations	9
<i>Fedorov M., Korneevets V.</i> Cross-border Regions in System of Regional Hierarchy: System Approach	32
<i>Bazhenov Yu., Nikulkhenkov K.</i> Competitiveness of Cross-Border Regional Economies	42
Cross-Border Cooperation	49
<i>Kuznetsov A.</i> Perspectives of Euroregions with Russian Participation Adjusted to Changes in EU Regional Policy	49
<i>Davidov D., Chekalina T.</i> Cross-border Cooperation as Mechanism of Regional Marketing in Baltic Region	57
<i>Melchiorre T.</i> Baltic Sea Region and Black Sea Area: Two Pieces of Same Puzzle	65
<i>Kuznetsov A.</i> Neighbourhood and European Neighbourhood Policy — What is the Difference?	76
The Kaliningrad Region	87
<i>Artobolevsky S.</i> Kaliningrad Region: Unique Region and Typical Centre	87
<i>Schielberg S.</i> Cross-Border Cooperation between Kaliningrad Region, Lithuania and Poland: Obstacles and Possibilities	98
Education in the Baltic Region	102
<i>Klemeshev A.</i> Russian Exclave on the Baltic: Evolution of Exclavity and Ways to Overcome It	102
<i>Voronov V.</i> Economic Attitudes and Systems of Values of Latvian University Graduates	115
<i>Brunova N., Moskovkin L, Yurkov Ye.</i> International Association of Teachers of Russian Language and Literature and its Activity in Baltic Sea States	129
About authors	136

ВВЕДЕНИЕ

Во втором номере журнала рассматривается ряд актуальных аспектов развития Балтийского региона.

Раздел *«Теория региональных исследований»* посвящен теоретическим подходам к таким важнейшим понятиям, как кластеры, трансграничные регионы, пограничные регионы. *А. Е. Шаститко* ставит проблему возможностей применения инструментария новой институциональной экономической теории, а в более узком плане — теории трансакционных издержек к объекту с описательными характеристиками, которые объединяются одним словом — кластер. В данном контексте кластеры рассматриваются как одна из разновидностей гибридных институциональных соглашений. Такие соглашения существуют, как правило, в формате сети двусторонних и многосторонних контрактов между компаниями, которые в силу пространственного расположения и отраслевой принадлежности с большей вероятностью вступают в повторяющиеся экономические обмены, чем компании, относящиеся к не связанным друг с другом отраслям и находящиеся на значительном пространственном (в экономическом смысле) удалении друг от друга. Рассмотрены подходы к классификации кластеров по следующим критериям: наличия или отсутствия ядра (центра); локализованности связей; механизмов возникновения и развития.

Г. М. Федоров и *В. С. Корнеевец* предлагают иерархию регионов — от глобального до локального уровня, в которой для каждого иерархического уровня учитывается в числе прочего и функциональный тип региона (политический регион, экономический регион, социально-культурный регион). Особое внимание уделяется международным регионам, прежде всего такому их виду, как трансграничные регионы, которые создаются в ходе сотрудничества административно-территориальных и муниципальных образований соседних государств или (в случае социально-культурных регионов) включают близкие по важным параметрам приграничные регионы стран-соседей. Рассмотрена специфика международных регионов на примере транснационального Балтийского региона, в котором выделяется два уровня трансграничных регионов: мезо- и микроуровень.

Статья *Ю. Н. Баженова* и *К. Е. Никульченкова* посвящена проблемам конкурентоспособности экономики приграничных регионов Российской Федерации. При этом под приграничным регионом понимается экономическая, социальная и культурная целостность, занимающая

определенную территорию, имеющая таможенную границу с одним или несколькими зарубежными регионами и взаимодействующая с ними на основе межправительственных соглашений с целью максимального удовлетворения потребностей населения. По мнению авторов, становление конкурентоспособности приграничного региона представляет собой последовательную смену этапов от стадии инвестирования к стадии инноваций. Рассмотрены различные методики оценки конкурентоспособности регионов. Проанализированы особенности, на основе которых возникают конкурентные преимущества Республики Карелия как приграничного региона Северо-Западного федерального округа, и предложены механизмы повышения ее конкурентоспособности.

Раздел *«Трансграничное сотрудничество»* посвящен теоретическим и практическим аспектам трансграничного сотрудничества в Балтийском регионе. *А. В. Кузнецов* рассматривает перспективы еврорегионов с российским участием с учетом новаций региональной политики Европейского союза. Анализируется эволюция политики ЕС в сфере поддержки транснационального и трансграничного сотрудничества. По мнению автора, с точки зрения задач, которые ставят перед собой участники, перспективы развития еврорегионов России и ЕС представляются вполне радужными. Однако из-за «топтания на месте» на более высоких уровнях сближения России и ЕС многие «малые» достижения еврорегионов и подобных им проектов могут потерять смысл.

Д. М. Давидов и *Т. Н. Чекалина* исследуют трансграничное сотрудничество как инструмент регионального брендинга в Балтийском регионе. Авторы доказывают, что постепенный отказ от товароцентричного подхода к маркетингу и брендингу, переход к пониманию сетевого характера взаимоотношений между заинтересованными акторами, с одной стороны, и превращение взаимосвязей и сетей в центральный компонент возникающей в настоящее время теории трансграничного сотрудничества — с другой, создают возможность для использования обновленной концепции бренда в качестве модели для изучения механизмов трансграничного сотрудничества.

Т. Мелькьорре в своей статье проводит сравнительный анализ политических и экономических факторов, влияющих на региональное сотрудничество в регионах Балтийского и Черного морей, принадлежащих к единой геополитической системе, а также дает обзор этих регионов, выделяя их сходства и различия. Они, как указывает автор, имеют особое значение для европейской геополитической системы, прежде всего потому, что данные регионы в силу своего географического положения обеспечивают европейским державам непосредственный доступ к стратегическим энергетическим ресурсам. Отмечается, что международным отношениям в регионе Черного моря, в отличие от Балтийского региона, свойственны конфликты и напряженности, которые в последние годы заметно увеличиваются. В связи с этим ЕС и НАТО должны прикладывать еще больше усилий для ускорения процесса стабилизации в Черноморском регионе.

В статье *А. И. Кузнецова* сравниваются между собой устоявшееся в международной практике понятие «добрососедство» и нововведение — Европейская политика соседства (ЕПС). В стратегии ЕС о «добрососедстве» говорится только там, где речь идет об отношениях между собой стран-соседей, то есть третьих стран, а не об отношениях между Евро-союзом и его партнерами и тем более не между союзниками внутри ЕС. Все выглядит так, как будто международные отношения с участием Европейского союза выстраиваются не добрососедскими, а качественно иными — европейскими, нацеленными не только на поддержание добрых отношений, но и на эффект европеизации соседей. ЕПС, таким образом, поглощает старый термин «добрососедство», характеризующий симметричные отношения международных субъектов по вестфальской модели мира, и выводит на первый план евро-центристскую модель асимметричных отношений. Это создает определенные трудности в развитии отношений между Россией и Евро-союзом, в особенности для участия российской стороны в евро-союзных Программах соседства.

В разделе *«Российский эксклав на Балтике»* помещены две статьи. *С. С. Артоболевский* анализирует усилия федерального Центра по решению проблем Калининградской области, превратившейся в эксклав РФ после распада СССР. Автор полагает, что пока Центр (под которым понимается, прежде всего, исполнительная власть) запаздывает с решениями, не учитывает все действующие факторы, заменяет проведение последовательной стратегии и политики в отношении региона шумными разовыми кампаниями. По его мнению, для ускоренного социально-экономического развития области необходимо прежде всего преодолеть ее изоляцию от соседей, увеличить открытость региона, усилить приграничное сотрудничество с Литвой и Польшей. Калининградская область должна стать объектом масштабной, долговременной и четко ориентированной федеральной политики (предпочтительнее в рамках общестрановой региональной политики), закрепленной законодательно и институционально, обеспеченной материально и рассчитанной на длительный период времени.

З. Шильберг анализирует историю, современное состояние и перспективы трансграничного сотрудничества между Калининградской областью и соседними регионами Литвы и Польши. Среди препятствий для развития сотрудничества называются отсутствие стратегии развития пограничного региона, недостаточное финансирование проектов по приграничному сотрудничеству, пограничный режим, неравные экономические, правовые и институциональные условия. По мнению автора, на фоне указанных препятствий в первую очередь необходимо реализовывать культурные и социальные проекты силами неправительственных организаций и других структур. Данные проекты будут способствовать поддержанию контактов и расширению процесса сотрудничества. Жители по обе стороны границы благодаря соседству получают реальную возможность лучше узнать друг друга, избавиться от страхов и предрассудков. В результате появляется доверие к соседям и улуч-

шаются перспективы трансграничного сотрудничества в различных сферах.

Завершается этот номер журнала разделом **«Образование в Балтийском регионе»**. В. В. Воронов рассматривает особенности экономического сознания и ценностных ориентаций выпускников вузов одного из регионов Латвии (Латгалии). Эмпирической базой исследования, первого по данной теме в Латвии, стало социологическое обследование, проведенное в конце мая — начале июня 2008 г. Сделан вывод, что в экономическом сознании выпускников вузов региона в ближайшие годы будут уживаться две системы ценностей: традиционно-трудовая и индивидуалистическая (рыночно-прагматическая). Из ответов респондентов следует вывод об общем невысоком уровне достижимых целей, притязаний выпускников вузов; результаты опроса свидетельствуют о преобладании активно-адаптационного и пассивно-адаптационного типов практического экономического сознания (и мышления) над активно-деятельным типом.

Статья Н. В. Бруновой, Л. В. Московкиной и Е. Е. Юркова посвящена деятельности в Балтийском регионе Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), основанной в Париже в 1967 г. и объединяющей русистов более чем 70 стран мира. Описываются усилия МАПРЯЛ по сохранению русского языка и поддержке его преподавания в странах Балтийского региона, что включает проведение научных конференций и методических семинаров, фестивалей и праздников русского языка и русской культуры, конкурсов на лучшее владение русским языком.

А. П. Клемешев,

*сопредседатель редакционного совета,
д-р полит. наук, профессор, ректор РГУ им. И. Канта*

К. К. Худoley,

*сопредседатель редакционного совета,
д-р ист. наук, профессор, проректор
по международным связям СПбГУ*

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК: 332.14

А. Е. Шаститко

КЛАСТЕРЫ КАК ФОРМА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ ВОПРОСА И ЭМПИРИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ¹

Цель статьи — объяснение кластеризации экономической деятельности с применением инструментария новой институциональной экономической теории и с учетом известных описательных характеристик кластера, а также современных разработок в области исследований гибридных форм институциональных соглашений, в первую очередь исследований, выполненных Майклом Портером, Клодом Менаром и другими авторами.

The article is aimed at the explanation of economic activity clustering by means of new institutional economics instruments taking in account the well-known descriptive characteristics of a cluster as well as the recent developments in the field of research on hybrid institutional agreement forms, primarily, the research conducted by Michael Porter, Claude Ménard and others.

Ключевые слова: кластер, регион, новая институциональная экономическая теория, классификация кластеров.

Key words: cluster, region, new institutional economics, cluster classification.

Введение

С исследованиями современных кластеров сопряжено обсуждение множества вопросов — не только позитивных, но и нормативных, связанных с построением экономической политики. В этой связи один из фундаментальных тезисов, который объясняет актуальность кластерной проблематики, сводится к следующему: повышение конкурентоспособности на уровне сектора и/или региона может быть достигнуто только усилиями многих компаний, которые, конкурируя друг с другом и/или взаимодействуя в рамках вертикальных или конгломератных соглашений, создают локальную бизнес-среду и, опираясь на ее свойства, выявляют новые возможности использования известных ресурсов, а также создают новые ресурсы. Именно усилия многих позволяют использо-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта ГУ-ВШЭ по приоритетной тематике 09-08-0006 «Инновационные кластеры и структурные изменения в российской экономике».

вать основные источники повышения конкурентоспособности в рамках кластеров — общие ресурсы, общие навыки.

Вот почему представляет особый интерес то, в какой степени взаимодействие и сотрудничество между российскими компаниями соответствует определению кластера как формы координации, в том числе между компаниями, конкурирующими на одном и том же рынке (в продуктовых и географических границах). В данной статье используются результаты опроса организаций, которые предварительно были квалифицированы в качестве участников того или иного кластера². Следует подчеркнуть, что, поскольку опрос, результаты которого используются автором, в целом не может рассматриваться как репрезентативный в плане исследования механизмов координации российских компаний, представленные оценки можно рассматривать в терминах первоначальной диагностики и предварительных оценок.

В целом статья претендует лишь на постановку проблемы возможностей применения инструментария новой институциональной экономической теории, а в более узком плане — теории транзакционных издержек к объекту с описательными характеристиками, которые объединяются одним словом — кластер.

1. Описательные характеристики кластера

Кластер — популярный термин, который применительно к экономике ассоциируют с конкурентоспособностью и государственной (в первую очередь — промышленной) политикой, а также инновациями, высокими технологиями. Вместе с тем сейчас существует явный дефицит в понимании того, каким образом кластер вписывается во множество форм экономической организации, которые выступают объектами экономического анализа и связаны с решением задачи инновационного развития экономики.

Кроме того, несмотря на довольно высокую степень эмпирической очевидности, определение аналитических границ кластера также оказывается непростой задачей. Не случайно до сих пор не существует единой, синтетической теории кластеров [15, р. 3]. Между тем объявление кластера объектом государственной политики в целях повышения конкурентоспособности отрасли (группы отраслей) и/или региона должно опираться пусть не на идеальное, но все же операциональное понимание того, что такое кластер не в сингулярном, а дескриптивном варианте его определения. Такое определение позволит ответить и на вопро-

---

² Исследование было ограничено двумя секторами российской промышленности: машиностроением, включая автомобилестроение, приборостроение и производство электровозов (традиционный сектор), и отраслью ИТ (инновационный, активно развивающийся сектор). Число регионов было ограничено тремя: Калужская область (Центральный ФО), Нижегородская область (Приволжский ФО) и Свердловская область (Уральский ФО). Всего было проведено 60 интервью, в том числе 32 — с руководителями предприятий, остальные — с представителями региональных властей, образовательных и научных учреждений и технопарков.

сы, в какой форме и как развивается кластер, не смешивая его с технопарком, особой экономической зоной, промышленным районом и т. п.

Данный подход позволит избежать двух ошибок: обнаружение кластера там, где его на самом деле нет, и игнорирование уже сложившегося кластера, — что может привести к некорректным решениям в рамках проведения конкурентной и промышленной политики. И в том и в другом случае возникают упущенные выгоды.

Исследователи в ряде работ [3; 4; 5, с. 176—177; 16] выделяют множество важных описательных характеристик кластеров, которые можно суммировать следующим образом.

1. *Территориальная локализация предприятий*: расположенность вблизи друг от друга. Данное свойство важно в той мере, в какой каждое из предприятий имеет возможность воспользоваться теми ресурсами, которые также локализованы на данной территории и обладают ограниченной мобильностью. В частности, речь идет о рабочей силе. Если бы можно было представить производство с использованием только ресурсов, обладающих свойством совершенной мобильности в пространстве (как, например, информация, передаваемая через Интернет, за некоторыми исключениями, связанными с особенностями регулирования информационного обмена), то вряд ли были бы основания говорить о наличии кластеров как особой формы экономической организации. Вот почему нельзя считать, что отсутствие серьезных ограничений на пространственное перемещение продукта (например, в случае с программным обеспечением) является достаточным основанием для отрицания кластеризации в данной сфере. В статье на ряде примеров будет показано, что именно в сфере IT вполне возможна кластеризация ввиду неустранимости специфичности отдельных ресурсов по местоположению.

Наглядная иллюстрация данных тезисов — полученные в ходе упомянутого опроса результаты (табл. 1). В таблице 1 перечислены факторы привлекательности регионов, которые позволяют понять, что важно при принятии решения о размещении производства, что может сыграть значительную роль для разработки региональной экономической политики. Обращает на себя внимание абсолютное лидерство значимости трудовых ресурсов, которые, как известно, обладают ограниченной мобильностью, особенно в России.

Таблица 1

Факторы привлекательности регионов

Фактор	Доля респондентов, отметивших значимость фактора, %	
	Машиностроение	IT-сектор
Наличие природных ресурсов	5	0
Наличие трудовых ресурсов	75	83
Наличие смежных отраслей	70	42
Широкий рынок сбыта	35	33
Развитая транспортная инфраструктура	50	25

Окончание табл. 1

Фактор	Доля респондентов, отметивших значимость фактора, %	
	Машиностроение	IT-сектор
Развитая бизнес-инфраструктура (развитые банковские услуги, страховые услуги и т.д.)	45	33
Политика региональных властей	50	8
Выгодное местоположение с логистической точки зрения	50	25

Источник: результаты интервью.

В этой связи следует также обратить внимание на различие между расстояниями в географическом и экономическом смысле. Экономическое расстояние следует оценивать с поправкой на время, необходимое для перемещения из одной точки в другую, а в более общем виде — с поправкой на альтернативные издержки для участников хозяйственного оборота.

2. *Принадлежность предприятий к связанным отраслям или подотраслям* (сохранение определенной — довольно высокой — степени разнородности элементов кластера). Связанность отраслей означает возможность не только использования ресурсов с похожими компетенциями, но и более интенсивного обмена информацией об особенностях организации и бизнеса, технологий ввиду связанности, которая находит выражение и в ряде важных свойств институциональных соглашений. Кроме того, важный аспект, который более детально будет рассмотрен далее, — наличие специфических ресурсов, используемых предприятиями кластера, а также положительные внешние эффекты, указывающие на особые аспекты взаимосвязанности отраслей и подотраслей (см. табл. 1, строка «Наличие смежных отраслей»).

3. *Наличие тесных связей* (необязательно контрактных) предприятий друг с другом не только на рынках ресурсов (в первую очередь на рынке труда), но и на рынке товаров. Иными словами, взаимоотношения между предприятиями являются: а) многоаспектными, в том числе не только на нескольких товарных рынках, но и за пределами отраслей; б) преимущественно неформальными. Вот почему есть основания рассматривать кластеры в формате многосторонних институциональных соглашений, одного из важных свойств гибридов — смешанной формы кооперации и конкуренции экономических субъектов. Названные характеристики не только указывают на важные аспекты функционирования кластеров, но и свидетельствуют о сложности исследования данного объекта, в том числе методами стандартных статистических наблюдений.

Важно отметить: проведенный опрос показал, что взаимосвязи с различными категориями участников отношений — формальных и неформальных — имеют далеко неодинаковое значение для представителей различных отраслей (табл. 2).

Таблица 2

**Значимость сотрудничества с различными группами
в целях повышения конкурентоспособности**

Группа сотрудничества	Значимость сотрудничества, %	
	Машиностроение	IT-сектор
Покупатели	80,0	91,7
Поставщики	80,0	33,3
Производители на том же рынке (конкуренты)	30,0	66,7
Банки и другие финансовые учреждения	10,0	8,3
Региональные органы власти	25,0	25,0
Федеральные органы власти	45,0	16,7

Источник: результаты интервью.

4. *Конкуренция предприятий*, занимающихся разработкой, производством и продвижением подобных товаров или предоставлением родственных услуг. Причем следует отметить, что конкуренция между одними и теми же участниками возникает не только на рынках произведенных товаров, но и на рынках ресурсов. В этой связи участники кластера взаимодействуют друг с другом в контексте сложного переплетения конкуренции и сотрудничества, что характерно для гибридных форм институциональных соглашений между участниками одного и того же рынка.

Нужно отметить, что другие авторы выделяют более широкий круг характеристик, с помощью которых предлагается описывать кластеры. Так, объясняя феномен мебельного кластера в Калининградской области, исследователи обращают внимание на следующие признаки развития кластера:

- 1) увеличение количества действующих предприятий;
- 2) укрупнение лидеров сектора;
- 3) географическая концентрация предприятий;
- 4) наращивание экспортного потенциала;
- 5) формирование общего брэнда «Калининградская мебель»;
- 6) расширение ассортимента и углубление переработки сырья;
- 7) копирование удачного опыта;
- 8) активизация выставочной деятельности;
- 9) межфирменная кооперация.

Опрос представителей IT-компаний Нижегородской области показывает, что некоторые из описательных характеристик кластера респондентами фиксируются довольно четко:

«[кластер] — это когда в одном месте компания что-то производит, а ее поставщик, например, располагается в соседнем здании».

В другом интервью описание кластера связано с оценкой состояния дел в Нижнем Новгороде:

«...находимся все в одном месте, сотрудники постоянно общаются. Всем от этого хорошо. Появляются свои инсайдеры, все про все знают. Знают про то, как дела у конкурентов, обсуждается социальная политика. Не хватает, может быть, каких-то совместных проектов».

Еще один представитель той же сферы говорит примерно о том же, несколько иначе расставляя акценты:

«Если смотреть с точки зрения того, что все организации близко находятся, то у нас недалеко А³, до В можно пешком дойти, до В тоже. Сотрудникам на собеседования недалеко ходить. Все друг друга знают. Мы задействуем студентов одних и тех же вузов...»

В этой связи следует отметить, что представленные выше свойства кластера соответствуют подходу классика в этой области исследований Майкла Портера [4], отразившего их в рабочем определении: кластер — форма сети, которая расположена в рамках географического района таким образом, что близость фирм и институтов обеспечивает определенные формы общности и повышает частоту и влияние взаимодействий в форме не только конкуренции, но и кооперации.

Следует отметить, что в различных комбинациях некоторые из названных признаков могут присутствовать в той или иной ситуации, хотя это не дает достаточного основания считать, что речь идет о сформировавшемся кластере как особой форме экономической организации.

Например, территориальная локализация и однородность деятельности (специализация) были довольно широко распространены и в Средние века, примером чему является цеховая система организации производства. Однако именно цеховая система характеризуется консервацией методов производства. Вот почему принципиально важно рассмотрение всех признаков кластера в совокупности, что перекликается с подходом, предложенным Клодом Менаром [14] при объяснении феномена гибридных институциональных устройств.

Исследователи кластеров обращают также внимание на их отличие от промышленных районов, поскольку в последнем случае технологическая связанность производств дополняется эффектами масштаба и гибкости, но не инновационной направленностью деятельности, как в случае с кластерами [12].

В этой связи возникает ряд вопросов методологического свойства, сопряженных с разграничением кластеров и сетей, кластеров и гибридов. Кроме того, теоретическое осмысление феномена кластеров возможно в самых разных форматах, с использованием терминологии различных исследовательских программ в рамках экономической теории, сравнение некоторых из которых представлено в [8]. В частности,

---

³ Названия реальных организаций заменены на буквы.

вполне можно было бы применить неоавстрийский вариант с такими элементами, как конкуренция, предпринимательство, неявное (личностное) знание и др. Однако применение разных подходов к исследованию одного и того же объекта может продемонстрировать различие и сходство подходов, но вряд ли позволит сделать более или менее однозначные и операциональные выводы относительно природы кластеров, путей их развития, различных форм существования.

Далее предлагается представить вариант объяснения кластера в терминах новой институциональной экономической теории, а точнее — с помощью инструментария экономической теории транзакционных издержек, которая обладает, на наш взгляд, рядом преимуществ в части обеспечения удовлетворительного сочетания операциональности и реалистичности. В этой связи будут рассмотрены вопросы о ключевых для данной темы особенностях предложенного подхода, а также представлены возможности интерпретации кластеров в терминах гибридных институциональных соглашений.

2. Сравнительный анализ дискретных структурных альтернатив

В нашу задачу не входит подробное обсуждение элементов теории транзакционных издержек, с помощью которых объясняют возникновение различных форм экономической организации. Изложение данного вопроса можно найти в [6; 9; 10]. Отметим лишь, что наряду с транзакцией как единицей анализа, контрактным подходом и принципом минимизации издержек в качестве фундаментального принципа позитивного исследования (с возможными нормативными выводами) предложен сравнительный анализ дискретных структурных альтернатив, в котором имеют значение не только поведенческие характеристики экономических агентов, такие как оппортунизм и ограниченная рациональность, но и особенности используемых активов (в первую очередь их специфичность).

2.1. Слабая форма отбора

Сравнительный анализ дискретных структурных альтернатив происходит не по принципу сопоставления идеальных форм экономической организации (с точки зрения ожидаемых результатов) с реально существующими формами, а лишь между возможными в плане практической осуществимости формами. В этой связи следует указать как минимум на две особенности.

Во-первых, поскольку предполагается невозможность существования и создания совершенных институтов, то и идеальной формы экономической организации с точки зрения ее соответствия критериям эффективности (по принципу первого наилучшего) не существует.

Во-вторых, человек обладает возможностями изобрести такую форму экономической организации, которая в сложившихся условиях может оказаться лучше, чем все предшествующие (известные до этого момента) формы. Вместе с тем это не делает данную форму идеальной.

Таким образом, речь идет об отборе несовершенных структурных альтернатив, обладающих не только сравнительными преимуществами, но и недостатками. Причем каждое из преимуществ и недостатков будет иметь разный вес в зависимости от тех условий, в которых реализуется данная структурная альтернатива. Данный пункт важен потому, что кластер как особая форма экономической организации в рамках предложенного подхода не может рассматриваться лишь как модное название, это такая форма, которая при соблюдении определенных условий может обеспечить отдачу заинтересованным сторонам как минимум не меньшую, чем другие организационные альтернативы.

2.2. Основные измерения в сравнительном анализе — основные характеристики транзакций

В рамках исследовательской традиции, основателем которой по праву считается Оливер Уильямсон, в числе ключевых параметров транзакций, которые принято считать важнейшими для установления (выбора) адекватного механизма управления транзакциями, позволяющего обеспечить минимизацию транзакционных издержек (а точнее — минимизацию суммы трансформационных и транзакционных издержек), выделяют повторяемость, неопределенность и специфичность ресурсов.

Наиболее детально в экономической литературе исследован вопрос о специфичности ресурсов, с помощью которой фактически объяснено переключение между тремя основными формами институциональных соглашений: рынком, гибридом и фирмой [6].

Основной тезис сводится к следующему: поскольку специфичность ресурсов означает возникновение фундаментальной трансформации в контрактных отношениях ввиду превращения отношений конкуренции *ex ante* в отношения двусторонней зависимости *ex post*, в целях ограничения возможностей стратегического манипулирования информацией со стороны контрагента необходимо предусматривать контрактные предосторожности. Именно они становятся инструментом, связывающим и ограничивающим свободу выбора участников контракта, что обеспечивает более высокую устойчивость данного контракта и более высокую вероятность выполнения его участниками своих обязательств.

Неопределенность, в отличие от специфичности ресурсов, имеет значение не сама по себе, а в зависимости от того, является ли специфичным ресурс. Иными словами, если используется ресурс общего назначения, то низкий, средний и высокий уровень неопределенности не влияет на выбор лучшей структурной альтернативы, которой в данном случае будет механизм цен и соответствующий ему способ адаптации к

изменяющимся обстоятельствам — атомистический. В то же время даже незначительный уровень специфичности ресурсов может привести к тому, что повышение уровня неопределенности дает толчок к переключению механизма цен на гибридные формы, причем в рамках гибрида возможна трансформация с трехстороннего на двусторонний механизм урегулирования конфликтов (споров). В свою очередь идеосинкратичность (экстремальная степень специфичности) ресурса может обусловить использование двустороннего или даже одностороннего (иерархии) механизмов управления транзакциями, несмотря на сравнительно невысокий уровень неопределенности.

Наконец, в отношении частоты транзакций можно сказать, что в определенной мере здесь есть аналогии с уровнем неопределенности, поскольку ресурсы общего назначения используются в рамках механизма цен вне зависимости от частоты транзакций, тогда как специфичность ресурсов «включает» действие фактора частоты повторяемости транзакций, что связано с наличием издержек переключения в ситуации, когда требуется обеспечить устойчивость взаимодействия между участниками транзакций.

2.3. Основные параметры — ограниченная рациональность, оппортунизм, специфичность ресурсов

Следует обратить внимание на то, что основные параметры для сопоставления форм контрактации в рамках новой институциональной экономической теории включают также специфичность ресурсов, в то время как другие параметры относятся к поведенческим характеристиками экономических агентов — мотивационной (оппортунизм) и информационной (ограниченная рациональность).

Оперирование указанными параметрами позволяет выявить ключевые характеристики контрактных процессов и механизмов управления транзакциями, в наибольшей степени подходящих для организации соответствующих транзакций.

3. Гибридные институциональные соглашения

В данной работе основное внимание уделяется именно гибридным формам — и не потому, что они оказались, пожалуй, наиболее детально исследованными по сравнению с двумя другими структурными альтернативами в рамках новой институциональной экономической теории. Дело в том, что есть основания рассматривать кластеры именно в терминах гибридных институциональных соглашений. Возможность сделать такой вывод дает определение гибрида, в котором совмещается формально-юридическая самостоятельность участников транзакций (в отличие от экономической фирмы) и существующая де-факто взаимозависимость (в отличие от рынка, или механизма цен). Действительно, стороны в рамках гибрида сохраняют за собой так называемые конечные права — важный критерий установления принадлежности права собственности в ситуации, когда контракты нельзя квалифицировать

как полные. В то же время присутствует взаимозависимость между участниками гибрида, причем такая, которая заключается в возможности извлекать квазиаренту от подобного соглашения его участникам.

Эта особенность проявляется не только в таких элементах контрактации, как масштабы и способы объединения ресурсов, но и в плане механизмов адаптации к изменяющимся обстоятельствам (в первую очередь непредвиденным) и способам конкуренции участников данного процесса. Прежде чем рассматривать обозначенные аспекты гибридных институциональных соглашений, отметим, что совмещение сильных стимулов, связанных с сохранением относительной симметрии в распределении конечных прав и вместе с тем обеспечение соответствия сторон друг другу, — важные свойства гибридов, которые вместе с тем не означают однозначно преимущества или изъяна данной организационной формы. В частности, в ситуации незначительной неопределенности во внешней среде гибриды имеют больше шансов, поскольку указанные свойства срабатывают как преимущества. Однако стоит только существенно повысить неопределенность, как обнаруживается хрупкость данной конструкции по причине возникновения либо центробежных тенденций (когда начинают доминировать сильные стимулы), либо центростремительных (когда сильные стимулы устраняются в целях сохранения возможностей коллективной адаптации к изменяющимся обстоятельствам и поддержания соответствия сторон друг другу).

3.1. Объединение ресурсов

Объединение ресурсов происходит в связи с решением трех взаимосвязанных вопросов: отбора контрагентов, планирования и раскрытия информации.

Особенность механизма отбора контрагентов обусловлена тем, что в рамках гибридных форм институциональных соглашений имеет значение соответствие сторон друг другу. В чем может проявляться такого рода соответствие?

Во-первых, в обладании персоналом навыками, существенными для результативного обмена с организацией-контрагентом.

Во-вторых, организацией информационных процессов, дружественных для контрагента, что позволяет снизить потенциальную конфликтность отношений *ex post* в момент заключения контрактов.

В-третьих, процессом принятия решений, позволяющим лучше понимать контрагента.

Включенность в сеть неформальных отношений позволят в рамках кластера обеспечить более высокую вероятность соответствия сторон соглашения друг другу. В этой связи особенно интересны результаты, полученные в ходе упомянутого выше опроса, проведенного в 2009 г. В таблице 3 показаны различные формы взаимодействия с конкурентами как с точки зрения желая применения тех или иных форм, так и с точки зрения сложившейся практики. Причем следует отметить, что из общей выборки были исключены представители органов власти и образовательных учреждения (общее количество интервью — 32, машиностроение — 20, IT — 12).

Таблица 3

Формы взаимодействия с конкурентами (%)

Форма взаимодействия	Машиностроение		IT-сектор	
	Используют	Готовы использовать	Используют	Готовы использовать
Обмен информацией о технологии производства	25,0	35,0	41,7	25,0
Обмен информацией о состоянии спроса	40,0	20,0	33,3	8,3
Обмен успешным опытом применения управленческих технологий	40,0	30,0	41,7	41,7
Кооперация в рамках отдельных бизнес-проектов	35,0	30,0	66,7	25,0
Совместные программы обучения или повышения квалификации	10,0	40,0	33,3	41,7
Совместное использование активов (зданий, сооружений, транспортной инфраструктуры, информационных баз данных)	10,0	35,0	16,7	33,3
Совместное использование результатов НИОКР	10,0	35,0	0,0	33,3
Совместная разработка предложений по совершенствованию экономической политики	40,0	25,0	8,3	25,0

Источник: результаты интервью.

Следует отметить, что гипотетически почти все обозначенные виды взаимодействия рассматриваются респондентами как возможные и в IT-секторе, и в машиностроении. На практике, однако, всестороннее сотрудничество отсутствует: доминирует фактор конкуренции, что особенно заметно в секторе машиностроения, где кооперация ограничивается преимущественно обменом информацией о состоянии спроса и опытом применения управленческих технологий, а также сотрудничеством с целью разработки предложений по совершенствованию экономической политики. В то же время в секторе IT распространена кооперация с конкурентами в рамках отдельных бизнес-проектов, что можно рассматривать как дополнительный сигнал о наличии кластерных взаимоотношений.

Планирование в контексте объединения ресурсов означает в первую очередь не автономное, а согласованное формирование частных планов компаний, что, соответственно, предполагает предварительный обмен

информацией между участниками. Тем самым в рамках гибрида возникает встроенный механизм стабилизации, посредством которого снижается неопределенность среды для каждого из участников в результате формирования достоверных ожиданий относительно планов других действующих субъектов.

Здесь важно отметить особый вопрос, касающийся совместного планирования участниками кластера, расположенными вдоль технологической цепочки или в смежных, но не связанных основными технологическими процессам отраслях (например, обеспечивающие функции, выполняемые независимыми компаниями), и участниками, конкурирующими на рынке в рамках одних и тех же продуктовых границ.

Как уже было отмечено, раскрытие информации является важным способом совместного планирования деятельности независимых компаний. Однако вопрос о раскрытии информации возникает и в процессе реализации планов. Это особенно важно в ситуациях, когда появляются: а) прогнозируемые, но вероятностные события (см. описание проблемы неполных контрактов); б) не специфицированные *ex ante* события. В этом случае возникает проблема коллективной адаптации к изменяющимся событиям, что требует в условиях взаимной зависимости обмена информацией и, соответственно, раскрытия информации в целях корректировки планов.

3.2. Механизмы контрактации, в первую очередь адаптации

В данной части принципиально важным является механизм адаптации к непредвиденным *ex ante* обстоятельствам, когда обращение к третьей независимой стороне контрпродуктивно, как и апеллирование к административному механизму принятия решений. Речь идет о таком частном порядке улаживания конфликтов, который позволяет каждой из сторон сохранить свою самостоятельность в принятии решений (в отличие от иерархии), но в то же время иметь возможность услышать доводы друг друга, а также сформулировать новые обязательства.

Наличие такого рода механизмов, как предполагается, может косвенно подтверждаться характеристиками длительности контрактных отношений с поставщиками (табл. 4):

Таблица 4

Длительность взаимодействия предприятий с основными поставщиками, %

Длительность взаимодействия	Машиностроение	IT-сектор
Менее 1 года	5,0	16,7
От 1 года до 5 лет	25,0	33,3
Свыше 5 лет	70,0	41,7

Преобладание долгосрочных связей является одним из важных признаков гибридных институциональных соглашений, даже если контракты заключаются на 1 год: существуют механизмы пролонгации, которые обеспечивают воспроизводство одного и того же институционального соглашения в цепочке контрактов, имеющих юридическую силу.

3.3. Механизмы конкуренции

Следует отметить, что если в части механизмов контрактации и объединения ресурсов можно говорить о гибридах как в вертикальных, так и в горизонтальных связях между компаниями, то механизмы конкуренции главным образом представлены для конкурентов. Это тем более важно подчеркнуть, что упрощенный подход к выстраиванию антимонопольного регулирования в сфере взаимоотношений между компаниями на одном рынке (а в данном случае это один рынок в продуктовых и географических границах) может существенно подорвать их инновационный потенциал и снизить конкурентоспособность.

Между тем, скорее всего, именно в особенностях механизмов конкуренции между участниками гибридных институциональных соглашений кроется значительная часть ответа на вопрос, почему современные сложные формы экономической организации могут быть инновационными и чаще всего становятся таковыми в процессе развития, тогда как их аналоги прошлого — нет.

Нужно сказать, что компании могут конкурировать на рынках ресурсов. Причем, в случае использования гибридных форм соглашений обсуждаются такие аспекты, как регламентация перехода сотрудников из одной компании в другую, которая является конкурентом на рынке производимых товаров (услуг). Вот пример из интервью с представителем IT- компании из Нижнего Новгорода:

«Кластер — это когда люди собираются вместе, следуют общим целям. Например, любой человек, который работает в нашей организации, не имеет права перейти в другую в составе кластера без согласования со всеми тремя сторонами. Если вы хотите “купить” его у меня, — пожалуйста, — платите. Как с футболистами».

Следует обратить внимание на то, что речь идет о ключевых специалистах, если использовать футбольные аналогии.

3.4. Разновидности гибридов

Для более четкого понимания того, какие формы гибридной организации могут быть квалифицированы как кластеры, необходимо обозначить некоторые особенности, связанные с другими формами гибридов: франчайзинговыми цепями, стратегическими альянсами, партнерствами.

В частности, франчайзинговая цепь представляет собой такую форму гибрида, в которой обязательно существует контролирующее ядро (с делегированным или недеделегированным правом контроля и применения санкций за нарушение установленных внутренних правил), а также возникают правоотношения по поводу использования средств индивидуали-

зации производимой продукции, например товарных знаков (о различных форматах организации франчайзинговых цепей см. [7]).

Стратегический альянс представляет собой форму гибрида с участием компаний, которые конкурируют друг с другом на одной и той же ступени создания стоимости, но в то же время объединяют ресурсы для решения общих стратегических задач [11], так что в отличие от франчайзинговых цепей данные контракты являются горизонтальными, хотя и те и другие совсем необязательно имеют какую-то территориальную привязку. Например, нет смысла говорить о франчайзинговых цепях «Макдоналдс» в Калифорнии или Франции. Данная система является явно транснациональной и объединенной одним товарным знаком.

Пример партнерства здесь приведен не случайно, хотя оно считается формой организации делового предприятия. Основанием относить партнерство к категории гибридов [13] — пусть и более близких к иерархической форме организации, чем, например, альянс, — является наличие конечных прав у нескольких участников — управляющих партнеров (хотя де-факто, это может быть и не так). Следует отметить, что в партнерстве явно прослеживается довольно узкая специализация (это связано с особенностями структуры стимулов), а также отсутствие обязательной территориальной привязки (KPMG, PwC, Ernst&Young — партнерства со статусом мирового присутствия).

Приведенные примеры показывают, что существуют основания считать кластер такой формой гибрида, которую нельзя редуцировать к какой-либо иной (иным) формам институциональных соглашений.

Существует подход, в рамках которого кластеры рассматриваются не как межфирменные сети, а как межорганизационные [11]. Это связано с тем, что в состав кластера, по мнению сторонников данного подхода, включаются также органы власти. Современный инновационный кластер также сложно представить себе без университета в качестве участника, хотя этот участник по своему статусу часто является некоммерческой организацией. Однако в данном случае принципиальное значение имеет не организационно-правовая форма, а складывающиеся механизмы управления транзакциями, которые позволяют рассматривать университет в формате, похожем на экономическую фирму. Вместе с тем особый функционал научно-образовательных центров и органов власти (особенно для выращиваемых кластеров) дает основание учитывать обозначенную специфику.

4. Кластеры как особая форма гибридных институциональных соглашений

Принимая во внимание описательные характеристики кластеров, представленные в начале данной работы, и аналитические характеристики гибридных институциональных соглашений, можно говорить о том, что кластеры являются одной из разновидностей гибридных институциональных соглашений, существующих, как правило, в формате сети двусторонних и многосторонних контрактов между компаниями,

которые в силу пространственного расположения и отраслевой принадлежности с большей вероятностью вступают в повторяющиеся экономические обмены, чем компании из не связанных друг с другом отраслей, находящихся на значительном пространственном (в экономическом смысле) удалении друг от друга. Однако при такой постановке вопроса принципиально важным становится объяснение значимости фактора специфичности ресурсов с указанием, какая именно разновидность специфичности доминирует в рамках того или иного кластера.

Действительно, компании кластера конкурируют за ресурсы, в первую очередь за квалифицированную рабочую силу, обладающую особыми навыками и знаниями, которая может быть эффективно использована в нескольких компаниях, что, в свою очередь, требует выработки определенных стандартов в кадровой политике, чтобы конкуренция за ресурсы не заканчивалась банальной ценовой войной (только в отличие от рынка продукта — войной на повышение), «охотой за головами», подрывающей финансы компаний. О такой проблеме было заявлено в одном из интервью с представителем IT-компаний в Нижнем Новгороде:

«Уровень жизни у нас, мягко говоря, чуть-чуть ниже, чем в Европе, поэтому и люди должны довольствоваться меньшим, чем в Европе. И вообще обстановка в целом (речь идет об уровне оплаты труда. — А. Ш.) ужасная... стратегия “перетаскивания” особо ценных кадров и привела к этому. Люди за три года, переходя из одной компании в другую, увеличивают зарплаты в пять раз».

Другой аспект, который может быть существенным, связан с наличием ресурсов, обладающих специфичностью по местоположению, в том числе отношениями с региональными и местными властями, которые могут создавать благоприятные условия для развития кластера или, наоборот, препятствовать этому — в зависимости от стимулов, обусловленных состоянием институциональной среды (в том числе степенью решенности вопроса о несовмещении власти и бизнеса). Данный аспект имеет значение в контексте так называемой конкуренции по местоположению [10].

Компании кластера могут эксплуатировать так называемую внешнюю экономию, когда издержки производства на данной территории оказываются ниже, чем на сопряженных территориях, в результате возможностей экономить на масштабе, специализации и, конечно, в результате более интенсивного потока нововведений — не только технологических и продуктовых, но и организационных, что предполагает наличие достаточно сильных стимулов к экспериментированию. Скорее всего, именно в кластерах можно наблюдать более интенсивный поток кумулятивных нововведений, чем за их пределами.

Наконец, отдельный вопрос: каким образом в конструкцию многосторонних отношений между компаниями в связанных отраслях вписываются две категории организаций — региональные и местные органы власти (органы самоуправления) и организации, генерирующие новые знания, в первую очередь образовательно-научные учреждения. Данный вопрос будет рассмотрен в следующих разделах.

5. Типология кластеров

Исследователи кластеров отмечают их значительное разнообразие, что дает основание сомневаться в возможности широкого использования в бизнес-практике и в практике принятия решений на уровне государственного управления в отношении развития кластеров или поддержки кластерных инициатив принципа репрезентативного кластера, построенного на детальном описании общих характеристик, которые являются необходимыми, но недостаточными. Достаточность обеспечивается «привязкой на местности», а последняя, в свою очередь, предполагает установление специфики кластера в ряду квалификационных критериев. Вот почему самостоятельным является вопрос о вариантах типологии кластеров.

5.1. Критерии классификации кластеров

Основаниями для вычленения наиболее важных критериев классификации кластеров являются такие свойства гибридов, которые связаны с множественностью отношений, пространственной локализацией, временным аспектом отношений в рамках данной формы гибридов. В этой связи следует выделить три критерия:

- наличие ядра, или центра кластера;
- локализация связей участников кластера;
- механизмы возникновения и развития кластера.

Основу данного подхода составляет разработка, представленная в [15]. Отдельный вопрос в связи с такой постановкой, как уже было отмечено ранее, — возможные роли органов власти и образовательно-научных центров, которые позволяют, согласно подходам некоторых исследователей сетей [11], отличить межфирменные сети от межорганизационных.

5.2. Классификация по критерию наличия или отсутствия ядра (центра)

Поскольку гибридные институциональные соглашения могут быть не только двусторонними, но и многосторонними (которые могут быть представлены в терминах межфирменной сети), то возникает вопрос о наличии или отсутствии ядра, вокруг которого концентрируются данные соглашения.

По указанному критерию кластеры можно разделить на ядерные и безъядерные. Особенность ядерных кластеров состоит в том, что значение одного участника кластера таково, что его наличие или отсутствие определяет само наличие или отсутствие кластера. Другие элементы кластера не обладают такой значимостью, так что их появление или исчезновение если и влияет на его характеристики, то незначительно. В безъядерных кластерах ни один из элементов не является определяющим и, соответственно, идеосинкратическим по отношению ко всей совокупности соглашений, конституирующих кластер в целом. Понят-

но, что возможны смешанные случаи, когда в состав ядра может входить более одного элемента и, таким образом, возникает специальный вопрос об особенностях взаимоотношений между элементами внутри ядра.

В плане решения задачи эмпирической идентификации кластера для целей выработки мер государственной поддержки или формирования бизнес-стратегий компаний возможно несколько неравнозначных вариантов:

1. Получение и анализ информации об истории возникновения и развития кластера, на основе которой можно определить роль в его воспроизводстве каждого из элементов.

2. Анализ информации о структуре формальных и неформальных соглашений, конституирующих кластер.

3. Оценка количественных параметров каждого из элементов кластера относительно общего масштаба деятельности компаний, входящих в него.

Второй вариант представляется наиболее предпочтительным, поскольку на его основе можно обнаружить элементы, которые значимы в настоящем и будущем, как минимум, в пределах горизонта планирования, определенного существующими соглашениями.

Для исследования ядерных кластеров большое значение имеет понимание их отличия от экономической фирмы. Напомним одно из определений экономической фирмы: это сеть двусторонних долгосрочных контрактов между предпринимателем (центральным агентом, обладающим в том числе специфическим активом) и собственниками ресурсов, которые в силу специфики конфигурации данной сети наделяются рядом прав (относительных прав собственности), дающих основания считать данную конструкцию экономической фирмой с соответствующим ей иерархическим механизмом управления транзакциями. В экономической фирме делегированность вверх отсутствует по причине того, что властные полномочия не обладают свойством цикличности в их распределении между участниками организации. В противном случае трудно избежать множественности субъектов, обладающих конечными правами в отношении объектов прав, которые являются существенными для организации транзакций.

В качестве примеров ядерных кластеров можно привести аэрокосмический кластер, где ядром выступает компания «Боинг»; другие примеры: отрасль программного обеспечения с ядром «Майкрософт» [15, р. 6], а также отрасль ИКТ в Финляндии с ядром «Нокиа» [11]. Серия интервью с представителями российского автопрома показывает, что респонденты рассматривают кластер как систему, в которой обязательно есть ядро:

«Мое видение кластера (в автопроме). Это некая открытая система, выстроенная вокруг большого сборщика, которая позволяет, с одной стороны, добиваться синергии (совместное действие органов или систем в живом организме), определенной внутри кластера между его небольшими участниками, а с другой — наиболее эффективно обеспечивает систему поставок на предприятие, которое является

сборщиком. Есть некое ядро кластера, в данном случае это сборщик, и есть сопутствующие элементы — поставщики. Подобие Солнечной системы, только возникают еще элементы синергии и элемент наибольшей эффективности и более высокого качества для ядра этой системы».

Для российской экономики может быть важным второй уровень классификации ядерного кластера, который связан с характеристиками ядра (принадлежность компании) к общественному или частному сектору. В частности, это может иметь значение для компаний, образующих ядро кластера в сфере производства вооружений и военной техники.

5.3. Классификация по критерию локализованности связей (в отличие от местоположения)

Данный критерий показывает, совпадает или нет пространственный масштаб контрактных отношений участников кластера с потребителями производимой продукции и локализацию отношений между самими участниками кластера. Например, производимая продукция может в основном потребляться на территории действия самого кластера или в основном поставляться за его пределы. Иными словами, данная классификация базируется на характеристиках в первую очередь финальных звеньев контрактных цепочек.

Скажем, если функционирующая в глобальном масштабе компания (такая, как «Майкрософт» или «Боинг»), распределяет заказы в компактно расположенных фирмах, причем сама компания от них территориально удалена, то кластер выглядит как платформа-спутник по отношению к головной компании в цепочке создания стоимости, которая частью кластера, строго говоря (в соответствии с предложенным выше вариантом определения), может и не являться.

Локализация связей сопряжена с феноменом экономических расстояний, определяемых не только географической удаленностью одного субъекта хозяйственной деятельности от другого, но и наличием множества других факторов, в числе которых транспортная доступность (плотность транспортной сети), правовой режим перемещения по территории. В последнем случае речь идет о существовании визового, таможенного режима, который ограничивает возможности пространственного перемещения ресурсов и товаров. В то же время наличие границ не является непреодолимым препятствием для развития трансграничных кластеров. Один из таких кластеров — туристический, — возможно, уже сложился на территории Калининградской области и в соответствующих областях сопредельных государств, в первую очередь Польше и Литве. О том, что есть основание считать трансграничный туристический кластер сложившимся, можно судить не только по сформировавшимся тесным кооперационным связям между туроператорами Калининградской области, Польши и Литвы, но и по популярности трансграничных туристических маршрутов, наличию учебных центров, которые готовят специалистов в области туризма и сервиса, в первую очередь гостиничного.

5.4. Классификация по критерию механизмов возникновения и развития

5.4.1. В контексте особенностей институциональных соглашений

Вариант развития кластера «с нуля» означает, что в месте его локализации в предшествующий период не существовало явно выраженного предшественника. Указанный вариант — скорее артефакт в случае, если речь идет об эндогенном развитии кластера, хотя и вполне возможен в ситуации, если кластер развивался в результате примененных мер экономической политики.

Другой вариант — формирование кластера на основе модификации/развития гибридов. В таком варианте разнообразные самостоятельные, но связанные друг с другом простыми (двусторонними) контрактными отношениями компании постепенно усложняют формат соглашений посредством расширения спектра видов деятельности, появления новых игроков (по причине сравнительно невысоких барьеров входа), в том числе включения в сферу соглашений научно-образовательных организаций и органов власти и местного самоуправления, а также финансовых институтов и институтов, способствующих кооперации [16, p. 18].

Трансформация рыночных связей как возможная схема развития кластера означает, что первоначально между компаниями существовали отношения, которые вписывались в структурирование посредством механизма цен. Вместе с тем увеличение частоты трансакций и повышение их сложности, а также необходимость и возможность применения специфических ресурсов подталкивает к использованию механизмов, требующих более устойчивых отношений между сторонами, причем с возможным решением проблем, связанных с интернализацией внешних эффектов, возникающих также в привязке к локализации отношений между заинтересованными сторонами (пример переключения под влиянием различных факторов см. в [8]).

Повышение степени гибкости на уровне отдельных звеньев иерархии может вести к частичной дезинтеграции экономической фирмы, когда при сохранении взаимозависимости усиливаются стимулы отдельных участников. Но в этом случае сложность идентификации кластера будет в том, что значительная его часть может выглядеть все еще как отдельная компания. Вместе с тем возможность отпочковаться от крупной компании небольшой компании-конкурента — один из способов развития кластера, поскольку маленькая фирма будет иметь больше шансов найти подходящую по квалификации рабочую силу, а также сформировать клиентскую базу.

Поскольку представленные выше варианты формирования кластера являются идеальными типами, которые можно рассматривать в аналитических целях, но трудно обнаружить в реальной практике, важно указать на комбинированный вариант, в котором в разных сочетаниях могут сосуществовать компоненты перечисленных трех вариантов.

5.4.2. Эндогенность-экзогенность

Эндогенный вариант кластеризации предполагает его формирование без целенаправленной поддержки со стороны органов власти. Формирование кластера в рамках данного сценария происходит как побочный результат многократно повторяющихся экономических обменов между экономическими агентами, локализованными на определенной территории. Причем ни один из этих агентов не только не может оказывать ощутимого влияния на полученный результат, но и не имеет *ex ante* намерения, которое бы соответствовало полученному результату — кластеру.

В современных условиях вряд ли возможно выявить хотя бы один кластер, который развивается безотносительно мер экономической политики. Вместе с тем ввиду того, что данные инструменты предполагают различную степень интенсивности вмешательства государства в систему экономических обменов, все же есть основания говорить об экзогенности формирования кластера, если государство выбирает так называемый дирижистский вариант кластерной политики [11, с. 217].

Следует также отметить, что внешние факторы все же могут быть важными для развития кластера. Один из примеров — мебельный кластер в Калининградской области. Если в 1997 г. в регионе реализовывалась мебель из Польши, то в 2000 г., после многократной девальвации рубля, резко увеличилось число мебельных кустарных производителей. Причем ни политики, ни исследователи не обращали на признаки кластеризации в области производства мебели особого внимания [1]. Иными словами, комбинация существовавшего в то время режима Особой экономической зоны с изменением макроэкономических условий хозяйствования создала возможность для спонтанного формирования кластера, который, скорее всего, можно отнести к категории безъядерных.

Хотя в экономической теории широко распространено мнение о том, что кластеры развиваются спонтанно (отсюда важность такого инструмента, как *clusters mapping*), вместе с тем существуют примеры целенаправленного формирования кластера, как это, например, произошло во Франции с кластером высоких технологий «София-Антиполис» (*Sophia-Antipolis*), который начал формироваться в последней трети XX в. и в настоящее время представляет собой сложившийся кластер компаний, специализирующихся на производстве программного обеспечения, медицинской техники. Следует отметить, что исходной точкой стало состояние региона, объединяющего двенадцать коммун, в котором не было ни промышленности, ни университетских традиций, ни даже плотной социальной сети.

Существуют два варианта, связанных с участием властей в развитии кластера: полный цикл и фрагментарная поддержка.

В первом случае предполагается, государство имеет долгосрочный план развития территории с пониманием отраслевой специализации и механизмами корректировки первоначального плана в зависимости от складывающихся ex post обстоятельств. В такой ситуации большое значение имеют условия, которые создаются для компаний, выступающих в роли потенциальных лидеров, локомотивов развития кластеров. Один из респондентов в Нижнем Новгороде, опираясь на опыт своей компании в Китае, отметил:

«Правительство построило технопарк и сдало нам офис в аренду за символическую сумму, понимая, что мы найдем людей, эти люди будут платить там налоги, мы будем платить налоги в том же регионе, а наши сотрудники будут покупать автомобили, жилье, пользоваться банковскими услугами».

Правда, в том интервью не обсуждался вопрос о том, проводился ли конкурс, и если да — то что было критерием отбора? В более общем случае вопрос касается стимулов представителей региональных властей, которые действительно готовы, работая «безоткатно», создавать благоприятные условия для развития кластеров.

Наиболее характерной выглядит реакция респондентов на вопрос о формировании кластера, которая была описана одним из региональных чиновников:

«Пока задача стоит “надо создать”, потому что в понимании кластеров, выступающих “движком” в развитии территории (как это образовывается в других экономиках), у нас пока только первые предпосылки. Да, мы определили, на какой территории какой кластер может быть сформирован, но большая работа еще впереди. Главным образом, нужен кто-то из реального сектора, кто будет выступать “движком” создания кластера, — только административными методами его не создать. Нужен лидер кластера, который сгенерирует создание вокруг себя инфраструктуры, а мы ее поддержим. Если мы хотим развиваться быстрее других, если мы хотим максимально быстро выйти на высокий уровень производительности и жизни, который есть во многих других странах, то мы должны это делать».

Во втором случае речь идет об эпизодическом влиянии властей на развитие кластера (а не отдельных компаний или сегментов кластера по принципу отраслевой, территориальной или иной принадлежности).

Первый вариант — это запуск кластерного проекта, в частности через разработку и продвижение кластерной инициативы с последующим ослаблением внимания к развитию кластера. Предложенная выше цитата характеризует именно первый вариант — по крайней мере, с точки зрения начальной стадии развития кластера.

Второй вариант — поддержка сложившегося кластера и корректировка траектории его развития посредством применения различных инструментов экономической политики. Именно в этом случае важ-

ным элементом становится технология выявления кластеров (clusters mapping).

Следует отметить, что иногда развитие кластера может быть более комплексным и устойчивым, когда координируется политика властей сразу нескольких регионов или даже нескольких регионов из разных стран. В последнем случае речь идет о формировании и развитии трансграничных кластеров, когда торговые отношения между соседними странами, в том числе приграничная торговля, перерастают в более развитые отношения производственной кооперации, предполагающей не только активный обмен информацией, опытом, но и совместное планирование и объединение ресурсов для решения общих вопросов хозяйственной деятельности.

Выводы

1. Кластеры обладают следующими взаимодополняющими характеристиками: пространственная локализованность; принадлежность компаний к технологически взаимосвязанным отраслям; наличие многосторонних и тесных взаимосвязей не только в технологическом плане, но и на уровне соглашений, что шире имеющих юридическую силу контрактов; сохранение конкуренции между предприятиями, действующими на одном и том же товарном рынке.

2. Кластеры поддаются объяснению в терминах новой институциональной экономической теории, если их рассматривать как особую форму гибридных институциональных соглашений.

3. Существует множество классифицирующих признаков, которые позволяют не только отличать один кластер от другого, но и ретроспективно и перспективно оценивать взаимосвязь траектории развития кластера с мерами экономической политики.

4. Самостоятельный вопрос, требующий дальнейшего исследования, — есть ли достаточные основания говорить о сформированности кластера, если установлен факт наличия гибридных форм территориально локализованных институциональных соглашений между компаниями как вдоль технологической цепочки, так и на одной и той же ее стадии, включая поставщиков знания — исследовательские центры.

Список литературы

1. Гареев Т.Р. Кластеры и их зарождение в Калининградской области // География и экология в школе XXI века. 2006. №5. С. 66—71.
2. Гареев Т.Р., Жданов В.П., Зверев Ю.М. [и др.]. Становление новой экономики Калининградской области / под ред. Г.М. Федорова, В.П. Жданова. Калининград: Изд-во КГУ, 2005.
3. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс; Универс, 1993.

4. *Портер М.* Конкуренция. М.: Изд. дом «Вильямс», 2000.
5. *Разработка* предложений, направленных на реализацию положений по развитию национальной инновационной системы, предусмотренных Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: отчет о научно-исследовательской работе «Разработка комплекса мер по обеспечению развития национальной инновационной системы». Ч. 1: Фонд «Бюро экономического анализа». М., 2009.
6. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.
7. *Шаститко А.Е.* Коммерческая концессия: теория и практика рыночных отношений // США: экономика, политика, идеология. 1998. №12. С. 60—70.
8. *Шаститко А.Е.* Новая институциональная экономическая теория. М.: Теис, 2002.
9. *Шаститко А.Е.* Экономическая теория организаций. М.: Инфра-М, 2007.
10. *Шаститко А.Е.* Конкурентоспособность региона: содержание, факторы, политика // Балтийский регион. 2009. №1. С. 11—31.
11. *Шерешева М.Ю.* Межфирменные сети. М.: Теис, 2006.
12. *Malmberg A., Sölvell Ö., Zander I.* Spatial Clustering, Local Accumulation of Knowledge and Firm Competitiveness // Geografiska Annaler. 1996. Series B. Vol. 78B, №2.
13. *Menard C.* The Economics of Hybrid Organizations // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2004. V. 160. P. 1—32.
14. *Menard C.* Hybrid organization of production and distribution // Revista de Analisis Economico. 2006.
15. *Özcan S.* Institutions, Institutional Innovation and Institutional Change in Clusters. URL: http://www.druid.dk/uploads/tx_picturedb/dw2004—902.pdf
16. *Sölvell Ö., Lindquist G., Ketels Ch.* The Cluster Initiative Book. Boston, 2003.

УДК 911.3:339.9

Г. М. Федоров**В. С. Корнеевец****ТРАНСГРАНИЧНЫЕ
РЕГИОНЫ
В ИЕРАРХИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ РЕГИОНОВ:
СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД**

Рассматривается место трансграничных регионов, создающихся в ходе сотрудничества административно-территориальных и муниципальных образований соседних государств или включающих близкие по важным параметрам приграничные регионы стран-соседей, в иерархической системе регионов. Показано, что трансграничные регионы являются одним из видов международных регионов. Рассмотрена специфика международных регионов на примере Балтийского региона.

The article defines the position of cross-border regions, forming in the course of the cooperation between the administrative territorial and municipal institutions of neighbouring countries and involving similar by important parameters border-regions, in the hierarchical system of regions.

Ключевые слова: регион, иерархия регионов, международные регионы, транснациональные регионы, трансграничные регионы, политические регионы, экономические регионы, социально-культурные регионы.

Keywords: region, hierarchy of regions, international regions, transnational regions, cross-border regions, political regions, economic regions, sociocultural regions.

Понятие «регион» используется во многих науках, в разных контекстах и имеет столь различное содержание, что при желании практически любая компактная территория может быть названа регионом. Комплексное изучение территории включает огромное количество объектов и явлений, многообразных связей и отношений. Изучаться могут разные аспекты взаимозависимостей с использованием различных методов. Если исходить из позиций системного подхода, регион не может быть ничем иным, как территориальной системой.

Территориальные системы — одно из важнейших понятий географии. Они часто рассматриваются в виде объектов географического исследования. Наиболее общая, комплексная из территориальных систем — геосистема. Согласно Э. Б. Алаеву, впервые термин «геосистема» появился в русском языке, и ввел его в научный оборот применительно к физической географии Б. Сочава (в 1963 г.), а В. С. Преображенский, А. И. Уемов и Г. И. Швобс в 1977 г. предложили рассматривать это понятие как общегеографическое [1].

В экономгеографии широко используется понятие «территориальная социально-экономическая система» (ТСЭС). Иногда с целью подчеркнуть полный охват всех пространственных проявлений общественной жизни применяется словосочетание «территориальная общественная система». Для наиболее широкой по содержанию ТСЭС в советское время употреблялся термин «район» (экономический район, социально-экономический район). С 1990-х гг. его вытеснил термин «регион», который можно рас-

смаивать как часть глобального пространства, обладающую свойствами системности, позволяющими рассматривать регион как единое целое.

К числу теоретически наиболее разработанных в отечественной региональной науке относится понятие территориально-производственного комплекса (ТПК) — долгое время оно было важнейшим понятием советской экономической географии¹. Его аналогом, но применительно к рыночной экономике, в западной науке служило понятие индустриального дистрикта, который, на наш взгляд, есть не что иное, как территориально определенный кластер. К числу территориальных систем можно отнести также сети (предпринимательские, торговые, транспортные и др.), если они рассматриваются в пространственном аспекте.

В отечественной социально-экономической географии традиционно различается зонирование территории (выделение однородных зон) и ее районирование (выявление внутренне целостных районов). Зарубежные исследователи различают однородные (гомогенные) и связанные (когерентные) регионы. При выделении гомогенных регионов речь идет о территориях, сходных по какому-либо признаку (этнический состав населения, уровень жизни, сходство демографических процессов и т. д.). Для когерентных регионов главное — внутренние связи, объединяющие регион в единое целое. Использование системного подхода особенно актуально в тех случаях, когда речь идет о когерентных регионах.

Когерентные регионы обладают функциональной структурой, то есть внутри них можно выделить подсистемы: производственную, социальную, экистическую (расселенческую), демографическую и др. В то же время в качестве самостоятельных ТСЭС выделяются территориально-производственная, территориально-социальная, система расселения, геодемографическая система и др. Пространственно функциональная подсистема региона может не совпадать с соответствующей территориальной системой.

Каждую из ТСЭС, начиная с глобального уровня, можно представить в виде совокупности более частных подсистем — до тех пор, пока не доходим до локального уровня (см. табл.).

Иерархия регионов

Иерархический уровень	Функциональный тип региона		
	Политический	Экономический	Социально-культурный
Глобальный уровень	Мировая политическая система	Мировая экономическая система	Общечеловеческая цивилизация
Мегарегион	Страны НАТО, ЕС, СНГ, ОАГ, Африканский союз, Лига арабских государств и др.	ЕС, СНГ, НАФТА, АСЕАН, ЛАЭС и др.	Восемь мировых цивилизаций С. Хантингтона

¹ Объектами различных отраслей социально-экономической географии являются также система расселения, транспортная система, рекреационная система и т. д.

Окончание табл.

Иерархический уровень	Функциональный тип региона		
	Политический	Экономический	Социально-культурный
Международный макрорегион	Союзное государство России и Беларуси, Бенилюкс, страны Балтии и др.	Балтийский регион, регион Альп и т. п., треугольники роста	Скандинавский, Восточнославянский и др. регионы
Страна	Суверенное государство		
Внутригосударственный макрорегион	Федеральные округа	Крупные экономические районы	Этнические и этнографические общности
Мезорегион	Административно-территориальные образования	Административно-территориальные образования	Социально-территориальные общности
Микрорегион	Муниципалитеты	Внутриобластные районы	Социумы
Локальный уровень	Населенные пункты	Хозяйствующие субъекты	Локальные социумы

При рассмотрении ТСЭС следует учитывать наиболее существенные признаки системы:

— целостность составляющих ее элементов (что ставит задачу пространственного разграничения системы и среды) и существующих внутренних связей (что предполагает обязательное изучение структуры данной системы);

— территориальная близость составляющих систему элементов (компактность системы);

— относительная самостоятельность системы и ее элементов, основывающаяся на принципе неделимости элементов и (на определенном структурном уровне) системы;

— однородность составляющих систему элементов.

В региональных исследованиях элементы могут быть разнородными, но взаимосвязанными. Например, геосистемы включают самые разнообразные природные, экономические, социальные элементы, для которых общим с функциональной точки зрения является только их территориальное местоположение; тем не менее объединяющие их системообразующие связи могут быть не только существенными, но и закономерными. Особенности климата соответствуют строго определенные виды растительности и животного мира, специфика элементов рельефа определяет возможности размещения хозяйственных объектов, наличие полезных ископаемых — размещение добывающей промышленности и т. д.

Научные исследования регионов прошли путь от рассмотрения отдельных сторон явления до обоснования и выделения систем разных уровней общности: от неорганизованной совокупности через выявление неорганических систем с наличием тех или иных связей между их элементами к наиболее завершенным органическим системам с существенными внутренними связями.

Неорганические системы не всегда имеют четко очерченные границы, пограничные территории могут входить одновременно в состав двух или нескольких регионов. То есть некоторые элементы одной системы могут входить в состав другой системы того же иерархического уровня. А органические системы отличаются более строгой иерархией и четко очерченными границами. Таковой является, например, иерархическая система политических регионов России (федеральный округ — субъект Федерации — муниципальные образования второго и, далее, первого уровня).

Системные исследования, предполагающие выделение когерентных регионов, включают ряд последовательных этапов:

1) выделение элементов системы (на основе их однородности, общих свойств и пр.);

2) выявление связей между элементами системы (существенных, в том числе системообразующих, и несущественных связей, их соподчиненности);

3) определение границ системы (на основе общности элементов, компактности их расположения, существенности системообразующих связей);

4) выявление отношений с другими системами того же иерархического уровня (входов и выходов системы);

5) определение места в системе более высокого ранга;

6) установление внутренней структуры системы (выявление функциональной структуры и подсистем более низкого ранга).

Не менее важным, чем рассмотрение объекта исследования как системы, является упорядочение совокупности изучаемых показателей, применение научно обоснованных методов анализа социально-экономических явлений. Последовательное применение системного подхода предполагает, что в качестве системы выступает не только объект, но и предмет исследования. При таком подходе в методике учитываются теоретически обоснованные структурно-функциональные составляющие объекта, принимаются во внимание субординация внутренних и внешних системообразующих связей, иерархия как характеризующих систему показателей, так и воздействующих на нее факторов.

Углубление системных исследований заключается в изучении большего количества разнообразных связей — как внутренних, так и внешних, а также в переходе от территориальных систем низших рангов со сравнительно небольшим числом элементов к сложным системам высших рангов, включающим целый ряд подсистем более низкого уровня.

Относительно регионов, выделяемых в рамках отдельно взятой страны, национальных регионов, имеется довольно много исследований как в нашей стране, так и за рубежом, особенно в ряде стран зарубежной Европы. Но о регионах, охватывающих территории разных стран, — международных (транснациональных и трансграничных) регионах — работ гораздо меньше, и теория регионообразования для регионов, включающих разные страны или отдельные части разных стран, не разработана. Правда, имеются более подробные исследова-

ния, касающиеся некоторых видов регионов (еврорегионов, треугольников роста, «больших регионов»), но и их теория находится в зачаточном состоянии.

Следует различать два вида международных регионов — транснациональные и трансграничные. Транснациональные регионы образуются взаимодействием государств (политические и экономические регионы) либо объединяют сходные в каком-то существенном отношении государства (социально-культурные регионы). Трансграничные регионы создаются в ходе сотрудничества административно-территориальных и муниципальных образований соседних государств или, в случае социально-культурных регионов, включают близкие по важным параметрам приграничные регионы стран-соседей.

Признаки международного региона:

- Непрерывность территории (включая акваторию), то есть возможность прямого транспортного сообщения, без пересечения границ региона.

- Наличие органов управления (в различных формах и с разными функциями — от совещательных, чьи решения не обязательны к исполнению, до директивных, решения которых оформляются в виде международных договоров, имеющих приоритет перед национальным законодательством).

- Относительно тесные экономические (торговля, инвестиции) связи входящих в регион субъектов.

На мега- и макроуровне связи между входящими в трансграничный регион странами являются более тесными по сравнению со связями этих стран с государствами, не входящими в состав региона. Но на мезо- и микроуровнях данная закономерность не прослеживается. Здесь связи между входящими в трансграничный регион субъектами разных стран чаще всего не являются более тесными по сравнению со связями каждого из субъектов региона с другими аналогичными субъектами соответствующей страны. То есть, например, приграничный муниципалитет обычно имеет более тесные связи с другими соседними муниципалитетами собственной страны по сравнению со связями с муниципалитетами, расположенными по другую сторону границы. Однако они более тесные по сравнению со связями между теми муниципалитетами разных стран, которые не входят в состав трансграничного региона. Иначе говоря, при рассмотрении системообразующих связей принимаются во внимание только трансграничные связи, но не связи входящих в трансграничный регион субъектов с аналогичными субъектами собственной страны.

- Достаточно тесные социальные связи (в сферах культуры, спорта, образования, науки).

- Часто — наличие общей или скоординированной инфраструктуры (транспортной, энергетической).

- Часто — наличие общепринятого наименования региона (Балтийский регион, Средиземноморский регион, регион Альп, Балканы).

- Иногда — этническое сходство.

- Иногда — наличие общего исторического прошлого.

Элементами международных регионов являются разные субъекты — в зависимости от того, о каких регионах идет речь: политических, экономических, социально-культурных.

Социально-культурные регионы образуются на низших уровнях как социумы, социально-территориальные общности; далее речь может идти об этнографических или этнических регионах, затем — о субцивилизационных и цивилизационных территориальных образованиях. Международные социально-культурные (и транснациональные, и трансграничные) регионы образуются там, где соседствуют страны со сходным этническим и (или) религиозным составом населения, зачастую они имеют общее историческое прошлое (нахождение в составе одного государства, выделение в ходе этнической дифференциации из одного этноса и пр.). Это гомогенные регионы, выделяемые по принципу однородности признаков культуры.

Международные *экономические* регионы часто образуются на транснациональном уровне (в ходе экономической интеграции государств на основе международных договоров), включая в свой состав две или несколько стран. Однако не меньшее значение имеют и связи между хозяйствующими субъектами, особенно связи внутри транснациональных корпораций. В таких случаях формируются трансграничные территориальные системы (например, «треугольники роста»).

Субъектами, формирующими *политические* транснациональные регионы, являются государства. Но административно-территориальные и муниципальные образования также наделены определенными полномочиями по реализации международных отношений. В их компетенцию, определенную на национальном уровне, обычно входит право осуществлять приграничное сотрудничество, заключая соглашения с соответствующими субъектами соседних стран, образуя с ними ассоциации и др. Следовательно, их также можно рассматривать в качестве элементов территориальных систем, трансграничных регионов.

Транснациональные политические регионы часто формируются на основе общих политических интересов, институализированных международными договорами (прежде всего, для обеспечения военной безопасности — НАТО, в прошлом — Варшавский договор и т. д.; для согласования и декларации общности политических позиций в международных отношениях — Северные страны, Лига арабских стран, Организация африканского единства). Пример Европейского союза показывает эффективность создания транснациональных регионов на основе формирования единого экономического пространства, что усиливает политическое единство ЕС и способствует появлению элементов социально-культурной общности.

Трансграничные регионы относятся (по большей части) к когерентным регионам, поскольку в основе их формирования лежат именно связи между территориями разных стран, а не близость по какому-либо признаку. Хотя можно привести достаточно примеров соседних при-

граничных территорий разных стран, некоторые (иногда весьма существенные) признаки которых достаточно схожи между собой. Речь может идти об одинаковом этническом составе населения, близкой хозяйственной специализации или сходстве историко-культурного ландшафта (особенно если территории разных стран прежде относились к одному государству).

Транснациональные регионы состоят из приграничных регионов разных стран. Для приграничных регионов, помимо внутренних социально-экономических и политических связей, характерны четыре типа внешних связей:

а) между приграничными и центральными регионами (как правило, наиболее интенсивные для приграничных регионов, но меньшие по интенсивности по сравнению со связями между центральными регионами);

б) между самими приграничными регионами (практически всегда довольно слабые);

в) транзитные — проходящие через приграничные регионы связи между центральными регионами разных стран;

г) трансграничные связи самих приграничных регионов.

Обычно меньшая интенсивность связей типов *в* и *г* по сравнению с аналогичными связями между внутренними регионами страны предопределяет частый депрессивный характер приграничных регионов.

В то же время приграничные районы уже в силу своего географического положения становятся «зоной контакта» России с внешним миром. Использование этого контактного потенциала, развитие приграничного сотрудничества с регионами соседних стран может и должно стать базой для вывода приграничных регионов России из нынешнего депрессивного состояния.

Вместе с тем взаимодействие любых соседних регионов может оценено неоднозначно. С одной стороны, они часто выступают взаимными конкурентами, поскольку сходные ресурсы и условия их развития обуславливают производство единообразных товаров и услуг на внешний рынок. Так, порты Прибалтики, Северо-Запада России и Калининградской области выступают конкурентами в обслуживании российских внешнеэкономических связей. Российский Калининград и литовская Клайпеда конкурируют в обработке белорусских грузов. Характерна конкуренция туристических макро- и микрорегионов многих соседних стран (от давнего соперничества французской и итальянской Ривьеры до возникновения нового туристического региона во французской Каталонии, который вскоре может стать серьезным конкурентом для испанских побережий Коста-Браво и Коста-Дорадо). Такими же конкурентами выступают польское, литовское и российское побережья Юго-Восточной Балтики. Однако трансграничные регионы обладают и значительным потенциалом сотрудничества, которое, с одной стороны, может включить в действие мультипликативный эффект концентрации туристических услуг на компактной территории, а с другой — активно использовать имеющиеся различия природных, культурно-исторических и экономических условий для диверсификации производства услуг.

Рассмотрим специфику международных регионов на примере Балтийского региона.

Балтийский регион — специфическая международная территориальная система. Специфика состоит в том, что ее элементы — и страны (образующие транснациональные системы), и административно-территориальные образования стран — являются регионами (которые обычно образуют трансграничные системы). То есть речь идет о своеобразной транснационально-трансграничной системе. Уровень ее управления — транснациональный (Совет государств Балтийского моря — СГБМ). Но реализуются управленческие решения, как правило, на региональном уровне — в административно-территориальных образованиях стран региона.

Балтийский регион является транснациональным регионом, поскольку здесь сотрудничают все государства, имеющие выход к Балтийскому морю, а также Норвегия и (в ряде случаев) Беларусь. Сотрудничество координируется СГБМ, где представлены министры иностранных дел стран макрорегиона². Принимаются решения, касающиеся экологии, развития экономических и культурных связей. Поэтому территорию вокруг Балтийского моря можно рассматривать как политический, экономический и социально-культурный макрорегион, хотя и недостаточно интегрированный.

Усиление единства региона достигается также путем сотрудничества административно-территориальных и муниципальных образований, то есть в ходе трансграничного сотрудничества. В Балтийском регионе такое сотрудничество очень развито, что способствует его формированию как органичной системы с тесными внутренними связями.

Транснациональный Балтийский макрорегион имеет внутреннюю иерархию — здесь выделяется два уровня трансграничных регионов: мезо- и микроуровень.

Мезорегион включает две или более частей стран — их административно-территориальных единиц (например, Юго-Восточная Балтика). В отдельных случаях элементами мезорегиона могут быть малые страны (например, Прибалтика).

Микрорегион формируется на основе кооперации муниципальных образований: еврорегионы «Лына — Лава», «Сауле», «Неман» и т. д.

Процесс регионообразования достаточно сложен, и границы регионов одного уровня могут пересекаться, то есть одна и та же страна иногда может входить в несколько мега- и макрорегионов, как и административно-территориальные и муниципальные образования — в несколько макро-, мезо- или микрорегионов.

Международные регионы, являясь территориальными системами, обладают такими свойствами, как вход и выход системы. Вход может представлять собой общий ресурс (например, Балтийское море для Балтийского региона, туристские ресурсы, трудовые ресурсы и др.). Выход

---

² В СГБМ представлены 9 стран, имеющих выход на Балтику, а также Норвегия и Исландия.

заключается в общей цели: рациональное использование общих природных, туристских и других ресурсов (например, иногда — трудовых); формирование единой производственной системы, повышение конкурентоспособности сотрудничающих сторон и региона в целом в международной конкуренции, рост уровня и качества жизни населения.

В качестве характерного примера можно привести формирование по инициативе латвийской стороны еврорегиона «Сауле» для содействия реализации проекта строительства автомагистрали Виа Ганзеатика. Эта магистраль должна стать общим ресурсом для латвийской, литовской, российской и польской сторон.

Международные, в том числе трансграничные регионы, как и все другие, обладают различной степенью зрелости: выделяются потенциальные, зарождающиеся, формирующиеся, сформированные и интегрированные регионы (а иногда могут быть дезинтегрирующиеся). Балтийский регион, на наш взгляд, может быть отнесен к формирующимся регионам, поскольку его зарождение началось в Средние века, а для того, чтобы стать сформированным регионом, связи между его частями должны быть более интенсивными.

Российские регионы на Балтике хотя и участвуют в различных формах трансграничного сотрудничества, в том числе в таких пространственных формах, как еврорегионы, однако это участие недостаточно активно. Особенно актуально приграничное сотрудничество со странами ЕС для Калининградской области РФ. Область и ее муниципальные образования участвуют в разнообразных формах трансграничного сотрудничества, включая пять еврорегионов. На уровне Балтийского региона выполняются многочисленные проекты программы «Interreg» «Балтийское море» и Программа соседства «Литва — Польша — Калининградская область». На муниципальном уровне в рамках Балтийского региона Калининград входит в Союз городов Балтийского моря. Развиваются связи и на уровне хозяйствующих субъектов, в том числе университетов — Союз ректоров балтийских университетов.

Многочисленные связи, появляющиеся и развивающиеся в ходе реализации международных проектов, касаются преимущественно сотрудничества в социальной сфере (образование, здравоохранение, культура, связи общественных, особенно молодежных, организаций, миграционная политика) и в охране окружающей среды, в развитии общей транспортной инфраструктуры и инфраструктуры туризма, расширении контактов в сфере научных исследований. Однако они косвенно содействуют и экономическим связям — развитию приграничной торговли и международного туризма, формируют общую благоприятную обстановку для создания совместных предприятий, кооперации хозяйствующих субъектов регионов соседних стран в производстве товаров. В Калининградской области развиваются совместные российско-польские и российско-литовские предприятия, российский капитал инвестируется в приграничные регионы Польши и Литвы. Сырье и полуфабрикаты из Польши в значительных объемах поступают на предприятия по производству готовой продукции (мебели, продуктов

питания и др.) в Калининградскую область. Калининградский янтарь служит сырьем для производства ювелирных изделий в Польше и Литве (по некоторым оценкам, на его обработке в этих странах занято до 100 тыс. человек). Благодаря развитию разнообразных взаимных связей формируется трансграничный мезорегион Юго-Восточной Балтики, включающий Калининградскую область России, Поморское и Варминьско-Мазурское воеводство Польши, Клайпедский уезд Литвы.

В различных формах трансграничного сотрудничества на Балтике участвуют и другие российские регионы — Санкт-Петербург и Ленинградская область, Псковская область, Республика Карелия.

Для обоснования целей и перспективных форм сотрудничества необходимо разрабатывать теорию трансграничных регионов, обращая внимание на новые пространственные формы международной экономической интеграции, нацеленные на совершенствование региональной политики и внедрение перспективных форм международной экономической интеграции. Теория должна основываться на достижениях отечественной и зарубежной региональной науки, учитывать стратегии Российской Федерации и Европейского союза в отношении друг друга, принимать во внимание интеграционный потенциал российских регионов, отвечать интересам России, обеспечивая развитие экономически выгодной стране международной кооперации и интеграции. Необходимо определить пути повышения активной роли российских регионов, которые должны стать не только партнерами, но инициаторами налаживания взаимовыгодных связей. Приграничные регионы благодаря развивающемуся сотрудничеству могут компенсировать недостатки периферийного положения в своей стране и, используя взаимное дополнение различающихся экономик регионов, расположенных по обе стороны границы, стать полюсами роста экономики стран, участвующих в кооперации.

Список литературы

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983, С. 56—60.

УДК: 341.221.27

Ю. Н. Баженов

К. Е. Никульченков

**КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ
ЭКОНОМИКИ
ПРИГРАНИЧНЫХ
РЕГИОНОВ**

Статья посвящена проблемам конкурентоспособности приграничных регионов как субъектов Российской Федерации, обладающих характерной спецификой. Описаны этапы формирования конкурентоспособности приграничного региона и показатели, её характеризующие, рассматривается роль приграничных регионов в развитии торгово-экономических отношений с зарубежными государствами, приграничном сотрудничестве и международной интеграции на примере Северо-Западного федерального округа РФ и Республики Карелия. Предложены механизмы становления и повышения конкурентоспособности приграничных регионов в современных российских реалиях в целом и на примере Республики Карелия — приграничного региона Северо-Западного федерального округа.

The article is dedicated to the competitiveness of cross-border regions as peculiar constituents of the Russian Federation. The authors focus on the stages of cross-border region competitiveness formation and examine the role of these regions in the development of international trade and economic relations, cross-border cooperation and international integration on the example of the Northwestern federal district and the Republic of Karelia. The article describes the mechanisms of gaining and increase competitiveness by cross-border regions under modern Russian conditions in general and in particular on the example of the Republic of Karelia as a cross-border region of the Northwestern federal district.

Ключевые слова: конкурентоспособность, приграничный регион, приграничное сотрудничество, Северо-Западный федеральный округ, Республика Карелия.

Keywords: competitiveness, border-line region, border-line collaboration, North-Western federal district, the Republic of Karelia.

В современных трактовках понятие «конкурентоспособность» используется не только как характеристика товаров и услуг, хозяйствующих субъектов, отраслей экономики, но и как феномен, реализующийся в географическом пространстве. Это понятие применяется в отношении отдельных регионов или групп регионов, поскольку территория может быть как конкурентоспособной, так и неконкурентоспособной.

Регион страны стал объектом оценки конкурентоспособности в работах отечественных исследователей сравнительно недавно. Конкурентоспособность зачастую рассматривается с точки зрения оценки социально-экономической ситуации в регионе и сравнения позиций с регио-

нами-конкурентами. Способность региона выявлять, создавать и использовать конкурентные преимущества в сравнении с другими регионами и означает демонстрировать свою конкурентоспособность. Регионы конкурируют в различных сферах — на финансовых рынках, на рынках материальных и интеллектуальных ресурсов, на рынках потребителей производимых товаров. На конкурентоспособность региона существенное влияние оказывает наличие управленческих, ресурсных, финансовых, производственных, научно-технических, квалификационных возможностей. В конечном счете, грамотное и целесообразное использование имеющихся у региона конкурентных ресурсов должно приводить к успеху в конкурентном межрегиональном состязании, где важнейшими показателями оказываются занятость населения и повышение уровня жизни.

В отношении приграничных регионов конкурентоспособность имеет свои особенности. В современных условиях именно приграничные регионы играют существенную роль в развитии и активизации интеграционных процессов между различными странами. Участие региона в международной экономической интеграции, внешнеэкономическая деятельность, транзитные возможности региона, таможенная инфраструктура, международное и приграничное сотрудничество — роль данных факторов усиливается в случае, если речь ведется о конкурентоспособности приграничного региона.

На данный момент в российском законодательстве нет четкого определения приграничного региона. На наш взгляд, понятие «приграничный регион» можно раскрыть следующим образом: это экономическая, социальная и культурная целостность, занимающая определенную территорию, имеющую таможенную границу с одним или несколькими зарубежными регионами, и взаимодействующая с ними на основе межправительственных соглашений с целью максимального удовлетворения потребностей населения.

Становление конкурентоспособности приграничного региона, на наш взгляд, должно представлять собой последовательную смену этапов, которые демонстрируют эволюцию конкурентного преимущества, способность перехода на новый качественный уровень. На первом этапе конкурентоспособность региона обеспечивается за счет эффективного использования уже имеющихся производственных возможностей, природных ресурсов и квалифицированной рабочей силы. Второй этап предполагает создание государственными и региональными властями условий для активного инвестирования в экономику, в развитие материально-технологической и туристической базы и в создание новых предприятий на территории приграничного региона иностранными и отечественными инвесторами. Третий этап характеризуется как инновационный; здесь происходит создание новых видов регионального продукта и производственных процессов, ранее не характерных для данной территории. Таким образом, развитие конкурентоспособности приграничной территории в современных условиях приобретает направленность от стадии инвестирования к стадии инноваций.

Если говорить о проблемах, с которыми сталкиваются инвесторы в условиях современной российской действительности, то на сегодняш-

ний день основными препятствиями для активизации инвестиционных вложений остаются бюрократические проволочки, пробелы в законодательстве, недостаточная компетентность региональных властей, слабое развитие инфраструктуры и несовершенство налоговой системы. Стадия инноваций должна демонстрировать такую степень инновационности экономики региона, которая заключала бы в себе возможность экономического самообновления, адаптационность к изменяющимся условиям рынка и генерирование научно-технических разработок, способствующих выходу региона на качественно новый уровень.

Как правило, при сравнении социально-экономического положения приграничных регионов прежде всего берется во внимание показатель инвестиционной привлекательности. Однако, помимо этого показателя, необходимо формирование целостной системы разноплановых показателей, отражающих конкурентные преимущества региона при выделении ключевых показателей конкурентоспособности (объем валового регионального продукта, внешнеторговый оборот, показатели уровня жизни населения).

В последние годы стали появляться различные методики оценки конкурентоспособности регионов. По мнению докторов экономических наук Л. И. Ушвицкого и В. Н. Парахиной, система возможных показателей конкурентоспособности может включать в себя:

I. Показатели наличия и эффективности использования ресурсов региона:

- объем валового регионального продукта;
- темпы изменения объема валового регионального продукта;
- число убыточных предприятий;
- объем розничного товарооборота;
- экспорт продукции региона;
- объем природных запасов нефти и газа (углеводородных ресурсов);
- наличие природных ресурсов помимо углеводородных;
- обеспеченность региона автомобильными дорогами с твердым покрытием;
- географическое положение региона по отношению к внешнеторговым выходам России.

II. Показатели жизненного уровня населения региона:

- средняя заработная плата работающего населения;
- уровень безработицы;
- величина прожиточного минимума;
- объем платных услуг для населения;
- обеспеченность населения жильем и объем инвестиций в жилищное строительство;
- доля малоимущего населения;
- уровень преступности.

III. Показатели инвестиционной привлекательности и активности региона:

- объем инвестиций в основной капитал;
- темпы роста инвестиционной активности;

- инвестиции в расчете на одного жителя;
- уровень политической стабильности в стране и регионе [3, с. 10].

Для сопоставления и расчета индекса конкурентоспособности регионов применяются методики рейтинговых сопоставлений. Они представляют собой способ агрегирования ряда частных показателей в более общий показатель. Методика рейтинговых сопоставлений предусматривает на первом этапе отбор рейтинговых показателей на основе теоретического анализа, где каждый показатель характеризует свойство или фактор конкурентоспособности. Второй этап — начисление баллов по каждому из факторов (показателей), в ходе которого осуществляется шкалирование показателей. Третий этап — агрегирование шкалированных показателей в итоговый общий показатель. Такими общими показателями принято считать объем валового регионального продукта на душу населения, долю экспорта в валовом региональном продукте, а также темпы роста ВРП [1, с. 188—189].

Эти и подобные им методики вполне могут применяться при оценке конкурентоспособности приграничного региона. Кроме того, представляется необходимым использовать компаративистские методики, сравнивая показатели определенного региона с другими приграничными территориями и регионами, не являющимися таковыми.

Приграничным регионам Российской Федерации, на наш взгляд, принадлежит приоритет в развитии торгово-экономических отношений между нашей страной и зарубежными государствами. В то же время не следует забывать, что позиция ЕС по отношению к Российской Федерации в среднесрочной перспективе предполагает использование России в основном как источника природных ресурсов. Такое положение дел характерно и в отношении приграничных регионов.

При взаимодействии со странами Европейского союза особая роль принадлежит субъектам, входящим в состав Северо-Западного федерального округа, поскольку только он имеет границу со странами ЕС. Приграничными регионами являются большинство субъектов, входящих в Северо-Западный федеральный округ (Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Псковская, Мурманская области и Республика Карелия). Они неоднородны в своем социально-экономическом потенциале и развитии, имели разные стартовые позиции к моменту начала активной экономической интеграции России со странами Европейского союза. В настоящее время в субъектах СЗФО на уровнях руководства, местного самоуправления и общественных организаций не подвергается сомнению необходимость развивать и активизировать взаимодействие со странами ЕС во всех сферах, которые способны качественно улучшить уровень благосостояния населения и основные социально-экономические показатели регионов.

Приграничное сотрудничество осуществляется на основе как государственных межправительственных и межрегиональных соглашений, так и на основе соглашений между отдельными экономическими субъектами, социальных программ в рамках приграничного сотрудничества и по линии туризма.

Взаимодействие субъектов Северо-Западного федерального округа со странами Европейского союза может стать существенным фактором для укрепления их конкурентных позиций, поскольку европейские страны обладают мощными инновационными технологиями производства, достаточными оборотными средствами, готовностью к инвестированию и широким рынком сбыта продукции. В свою очередь российский Северо-Запад имеет особую привлекательность для стран ЕС, обладая сырьевыми и человеческими ресурсами, выгодным географическим расположением, самобытностью культуры народов, населяющих данный регион, многочисленными культурными объектами и памятниками, природным разнообразием, обуславливающими расширение сферы туризма, в том числе и экологического.

Приграничное сотрудничество — это уникальный инструмент для решения и крупных, и локальных проблем приграничных территорий. Так, недостаточно развитая инфраструктура, влияющая на количественные и качественные характеристики экономического развития, включая и конкурентоспособность, может получить толчок к развитию благодаря иностранным партнерам вместе с внедрением новых производств и технологий.

В состав приграничных регионов Северо-Западного федерального округа входит единственная республика — Республика Карелия. Она не может быть отнесена в настоящее время к экономически сильным регионам (в сравнении, например, с Санкт-Петербургом или Ленинградской областью), хотя имеет потенциальные возможности для улучшения ситуации и выхода на новый уровень конкурентоспособности. Конкурентоспособность Республики Карелия следует рассматривать в контексте формирования Северо-Европейского геоэкономического региона, учитывая конъюнктуру внешних рынков. Приграничное положение, возрастание значимости контактной функции границы и развитие международных транспортных коридоров могут стать для республики серьезными предпосылками экономического развития.

Каждый регион обладает совокупностью факторов, уникальное сочетание которых определяет его специализацию и конкурентоспособность. В конкурентной борьбе выигрывают регионы, которым удается создать условия, привлекательные для внешних контрагентов, социально-экономическую среду, пригодную для ведения бизнеса, и сформировать уникальный образ территории, вызывающий благоприятное отношение.

К региональным особенностям, на основе которых возникают конкурентные преимущества Республики Карелия, относятся:

- уникальность географического положения (приграничное расположение и общая граница с ЕС, с одной стороны, близость к федеральному Центру — с другой);
- наличие разнообразного природно-ресурсного потенциала (например, лесные и туристические ресурсы);
- сформированная приграничная инфраструктура;
- национально-культурная самобытность территории.

Естественные конкурентные преимущества, как правило, становятся базой для специализации экономики на традиционных секторах. Для Республики Карелия такими традиционными секторами являются добыча и первичная переработка ресурсов, при этом основная добавленная стоимость создается за пределами республики. Не изменив сложившегося положения, не стоит ожидать существенного повышения конкурентоспособности региона на внешних рынках. Формирование конкурентной стратегии в РК предполагает переориентацию на создание производств с высокой добавленной стоимостью.

Рассмотрим некоторые приоритетные секторы экономики республики. Например, продукция лесопромышленного комплекса. Это на сегодняшний день пока единственный сектор экономики Республики Карелия, способный самостоятельно выходить на мировые фондовые рынки и активно привлекать портфельные инвестиции. Крупные целлюлозно-бумажные предприятия Карелии при сохранении лидерства на рынке (бумажные мешки, газетная бумага) способны самостоятельно генерировать цепочки создания стоимости, углубляя производственную логистику и развивая поддерживающие виды деятельности. Производство железорудных окатышей и алюминия — в связи с отсутствием экономически ценных видов деятельности (производство продукции с высокой добавленной стоимостью) — выпадают из группы самостоятельных стратегий.

Приоритетными стратегиями в таких секторах экономики, как производство строительных материалов (камень, щебень), пиломатериалов, туристической продукции, продукции рыбного хозяйства, информационных технологий и услуг, являются стратегии расширения рынка и инвестирования в формирование полных цепочек создания стоимости. В названных секторах уже достаточно долго существуют и активно продвигаются традиционные на товарных рынках карельские бренды («Северная сосна», «Карельская береза», «Карельский шунгит» и др.) и формируются новые, поддерживаемые экономическими видами деятельности карельских компаний, например «Карельский дом» (многофункциональные экологически чистые технологии современной урбанизации). Для ряда карельских компаний, работающих в лесном секторе и выстраивающих вертикальную интеграцию (АХК «Кареллеспром»), существует возможность завершения своей технологической цепочки и выхода на другие товарные рынки и рынки услуг [2, с. 7].

Успешному осуществлению экономических стратегий, способных существенно повысить конкурентоспособность Республики Карелия, препятствуют различные факторы. Например, передача внешним банковским структурам функций финансового обслуживания, поскольку в Карелии отсутствуют собственные крупные банковские структуры и 90% расчетно-кассовых операций осуществляется через филиалы ино-региональных банков; на низком уровне находится обеспеченность местных специализированных производств современным оборудованием, имеет место высокая степень износа основных производственных фондов и низкий коэффициент их обновления; в республике недоста-

точна концентрация транспортной логистики, фактически отсутствуют собственные каналы распределения продукции на внешних рынках, карельская продукция реализуется через торговые площадки и сети, неподконтрольные региональным бизнес-структурам. Вследствие этого отток добавленной стоимости на разных стадиях товарных цепочек составляет около 30 млрд рублей, или 16% валового регионального продукта (ВРП РК — 185,5 млрд рублей) [3, с. 10].

Набор факторов конкурентоспособности меняется во времени, и конкурентоспособность экономики региона зависит не только от экономического потенциала этого региона, но и от состояния экономической системы в целом. Конкурентное преимущество получают те регионы, где, во-первых, созданы условия для согласования интересов бизнеса и органов власти, формирования частно-государственных партнерств; во-вторых, созданы условия для накопления специализированных ресурсов и расширенного воспроизводства капитала; в-третьих, осуществляются постоянные инвестиции в поддержание инфраструктурных сетей и систем жизнеобеспечения; кроме того, общедоступной является независимая и достоверная информация о региональной рыночной среде. Дополнительные конкурентные преимущества, имеющиеся в распоряжении приграничных регионов, должны целенаправленно трансформироваться в факторы роста социально-экономического развития, углубляя стратегии специализации и диверсификации экономики.

Список литературы

1. *Конкурентоспособность* регионов: теоретико-прикладные аспекты / под ред. Ю. К. Перского, Н. Я. Калюжной. М., 2003.
2. *Савельев Ю. В.* Стратегия как инструмент повышения конкурентоспособности приграничного региона: доклад на V Общероссийском форуме лидеров стратегического планирования, 19 октября 2006 года. М., 2006.
3. *Ушвицкий Л. И., Парахина В. Н.* Конкурентоспособность региона как новая реалья: сущность, методы оценки, современное состояние // Сборник научных трудов СевКавГТУ. Сер. Экономика. 2005. № 1.

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

УДК: 332.135

А.В. Кузнецов

ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОРЕГИОНОВ С РОССИЙСКИМ УЧАСТИЕМ С УЧЕТОМ НОВАЦИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

Рассмотрена трансформация поддержки трансграничного сотрудничества в рамках региональной политики ЕС. Показана роль Европейской политики соседства в развитии приграничного сотрудничества со странами, не входящими в ЕС. Выявлены основные барьеры развития еврорегионов на границе России и стран ЕС, зависимость их будущего от успеха всей интеграции России и ЕС.

The article deals with the changes in the cross-border cooperation support in the framework of the EU Regional Policy. The author emphasises the role of the European Neighbourhood Policy in the development of the cross-border cooperation with non-EU countries, outlines the main obstacles for development of euroregions at the EU-Russian border and arrives at the conclusion that their future depends on the success of the Russia-EU integration process in general.

Ключевые слова: европейская интеграция, еврорегион, региональная политика ЕС, европейское территориальное сотрудничество, Европейская политика соседства, визовый режим.

Key words: European integration, euroregion, EU Regional Policy, European Territorial Cooperation, European Neighbourhood Policy, visa regime.

Несомненный успех региональной интеграции в рамках Европейского союза, особенно если сравнивать ЕС с другими подобными проектами, на мой взгляд, во многом обусловлен тем, что формальные шаги по развитию экономического взаимодействия стран-участниц с самого начала подкреплялись разнообразными усилиями по обеспечению подлинной интеграции европейских народов в общее социокультурное пространство. Конечно, несмотря на достижение свободы передвижения людей, введение института гражданства ЕС, попытки развития (причем с участием других европейских государств) Болонского образовательного процесса и построения Европейского научного пространства, Евросоюз еще весьма далек от появления единого многонационального социума. Однако и достигнутая степень сплочения национальных сообществ, интенсивности трансграничных гуманитарных контактов внутри ЕС впечатляют.

Одним из средств доведения результатов региональной интеграции до простого населения европейских стран с самого начала развития Европейских сообществ стала такая форма «малой» интеграции, как приграничное сотрудничество в рамках еврорегионов и подобных им

структур. Первым проектом еще в 1958 г. стал еврорегион «Гронау» на границе ФРГ и Нидерландов. В настоящее время действует более 100 проектов с разными видами добровольной средне- и долгосрочной трансграничной кооперации с участием муниципальных образований или целых регионов соседних стран, юридическое оформление которых базируется на принципах «Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей», подписанной в 1980 г. (подробнее см. [1]). Хотя среди еврорегионов оказалось немало «пустышек», часть проектов позволила значительно упростить трансграничные экономические и социальные контакты через развитие инфраструктуры, реализовать крупные проекты в сфере охраны окружающей среды и туризма, интенсифицировать контакты малого и среднего бизнеса и др.

Необходимо подчеркнуть, что возможность развития еврорегионов напрямую не связана с деятельностью ЕС, хотя создание такого рода проектов в 1990-е гг. в странах-кандидатах из Центрально-Восточной Европы внесло определенный вклад в подготовку к расширению Евросоюза на восток. В то же время на основе Базельской городской агломерации еще в 1963 г. возникла региональная ассоциация, позднее ставшая базой обширного еврорегиона «Верхний Рейн», — в этом проекте участвуют не только германские общины и французские муниципалитеты, но и пять кантонов Швейцарии, которая в обозримой перспективе, по-видимому, членом ЕС не станет. Действуют и другие подобного рода проекты на границе ЕС со Швейцарией, а также Норвегией. В конце 1990-х гг. начался процесс создания еврорегионов и на территориях других европейских государств, которые вряд ли вступят в Евросоюз.

Лидером по созданию еврорегионов с российским участием стала Калининградская область, что вполне закономерно, учитывая ее анклавное положение внутри ЕС. Муниципальные образования самого западного региона России подключились к работе пяти еврорегионов — «Балтика» (с февраля 1998 г.), «Сауле» (с июля 1999 г.), «Неман» (с апреля 2002 г.), «Лына-Лава» (с марта 2003 г.) и «Шешупе» (с февраля 2004 г.). Неоднократные попытки создания еврорегионов, в том числе довольно удачные, были предприняты в Республике Карелия, Ленинградской и Псковской областях — с участием приграничных территорий Финляндии, Эстонии и Латвии. Наконец, в 2003 г. появился российско-украинско-белорусский еврорегион «Днепр», затем был запущен процесс создания и развития нескольких российско-украинских еврорегионов (подробнее см. [2]).

В самом ЕС поддержка приграничного сотрудничества получила особый вес в начале 1990-х гг., спустя несколько лет после проведения масштабной реформы всей системы региональной политики. В ответ на вступление в 1986 г. значительно менее развитых Испании и Португалии, а также принятие Единого европейского акта в ЕС была проведена реформа структурных фондов и с 1989 г. осуществлен переход к индикативному методу финансирования наднациональной региональной политики с одновременным расширением ассигнований на ее нужды.

На первый многолетний период финансирования (до конца 1993 г.) было определено пять основных целей региональной политики ЕС, причем ключевую роль играла так называемая «цель 1» — содействие развитию и корректировке структуры отстающих регионов, выделенных на основе размера ВВП на душу населения в границах европейских регионов второго уровня (NUTS-2). Параллельно в течение нескольких лет было запущено более полутора десятка небольших межгосударственных отраслевых программ, вскоре получивших название «специальных инициатив». Одной из них в 1991 г. стал «Interreg», нацеленный на перепрофилирование отраслевых структур приграничных территорий по мере создания единого внутреннего рынка в ЕС [3, с. 258—261].

Во второй многолетний период финансирования наднациональной региональной политики ЕС (1994—1999 гг.) в связи со вступлением Северных стран добавилась шестая основная цель, зато число специальных инициатив сократилось до 13, причем из ранее действовавших осталось только 5, в том числе «Interreg II». Однако данная специальная инициатива была фактически разделена на три части: А — трансграничное сотрудничество, В — энергетические сети, С — кооперация в сфере регионального планирования. В свете предстоявшего расширения Евросоюза за счет менее развитых государств на третий многолетний период (2000—2006 гг.) число основных целей наднациональной региональной политики ЕС было сокращено до трех, а количество специальных инициатив уменьшено до четырех. Вновь продленная инициатива по территориальному сотрудничеству (уже соответственно «Interreg III»), по-прежнему распадаясь на три направления, получила новый формат: А — трансграничное сотрудничество, В — транснациональное, С — межрегиональное [4, с. 21—22]. При этом из 235,1 млрд евро (в ценах 1999 г.) ассигнований на нужды наднациональной региональной политики ЕС (уже в границах 25 государств) на специальную инициативу «Interreg III» пришлось лишь 5,3 млрд евро, то есть 2,3% [5, с. 1]. Однако при небольшом финансировании (около 80 млн евро на каждую программу) эффект реализованных мероприятий оказался довольно высоким. На выделенных в пределах европейских регионов третьего уровня (NUTS-3) ареалах удалось среди прочего осуществить заметный вклад в развитие современной транспортной системы, облегчить доступ населения к информации, наладить гуманитарное и деловое сотрудничество, в целом заметно снизив барьерную функцию границ.

Самые большие организационные преобразования наднациональной региональной политики ЕС за последние 20 лет произошли с запуском очередного многолетнего периода финансирования (2007—2013 гг.). Были отменены все специальные инициативы, а новыми тремя основными целями стали «конвергенция» (бывшая «цель 1»), «региональная конкурентоспособность и занятость» и «европейское территориальное сотрудничество» (причем мероприятия последней цели основаны главным образом на инициативе «Interreg»). Из 347,7 млрд евро запланированных ассигнований (в ценах 2007 г.) на европейское территориальное сотрудничество предполагается выделить 2,5%, из них 1,8% — на трансгра-

ничное сотрудничество, 0,5% — на транснациональное сотрудничество, а по 0,1% — на межрегиональную/сетевую кооперацию и особую инициативу «Мир для Северной Ирландии» [6, с. 24]. Вместе с тем при довольно скромном для наднациональной региональной политики финансировании лишь цель «европейское территориальное сотрудничество» охватывает сразу все страны ЕС вне зависимости от уровня развития их регионов, а также предусматривает вовлечение территорий соседних стран, не входящих в Евросоюз.

Транснациональное сотрудничество, нацеленное прежде всего на стимулирование кооперации в сфере инноваций, экологии, обеспечения доступа к современной инфраструктуре и устойчивого развития городов, охватывает 13 масштабных ареалов кооперации (таких, как Северная периферия, Североморский регион, Атлантическое побережье и др.), тогда как трансграничное сотрудничество включает в себя 52 программы кооперации в 150-километровой приграничной (включая приморские районы) зоне. При этом, в отличие от целей «конвергенция» и «региональная конкурентоспособность и занятость», используется более дробная сетка европейских регионов третьего уровня (NUTS-3), а не второго уровня (NUTS-2). Основными целями трансграничного сотрудничества названы стимулирование приграничного предпринимательства (в особенности малого и среднего), туризма, культурных контактов и внешней торговли; отвечающее экологическим требованиям совместное использование природных ресурсов; поддержка связей городских и сельских территорий; улучшение доступа к транспортным и информационно-коммуникационным сетям; развитие совместного использования инфраструктуры; повышение эффективности управления и решения проблем занятости, включая обеспечение равного доступа к рабочим местам. Наиболее типичными проектам стали сооружение мостов, установление межуниверситетских контактов, проведение мероприятий по ликвидации языковых и культурных барьеров [7].

Вместе с тем еврорегионы с участием восточноевропейских стран, не входящих в ЕС, как одно из направлений трансграничного сотрудничества оказались лишь отчасти в сфере ответственности региональной политики ЕС. Ее основной структурный фонд ЕФРР финансирует мероприятия на территории стран-членов, тогда как на другой стороне внешних границ Евросоюза используется особый инструмент, созданный в рамках Европейской политики соседства и заменивший собой ТАСИС (в случае России и других стран СНГ), МЕДА и другие географические и тематические программы. Однако Россия отказалась участвовать в системе организованной в середине текущего десятилетия Европейской политики соседства, поскольку в ней соседи ЕС были разделены на «первый сорт» (Швейцария, Норвегия, балканские страны) и «второй сорт», причем с попыткой объединить Россию вместе с Сирией, Ливаном, Египтом и многими другими неевропейскими странами (что, скорее всего, затормозит диалог России с ЕС). Более того, в самом ЕС признается, что средиземноморские страны заметно отстают от России в развитии трансграничного сотрудничества с ЕС, не имеют

большого позитивного опыта софинансирования проектов (особенно если сравнивать с Карелией), да и отсутствие сухопутной границы с ЕС у средиземноморских государств не создает предпосылки для единого подхода к России и странам Ближнего Востока [8, с. 6, 12]. Тем не менее на практике ЕС игнорирует позицию России, лишь переименовав предусмотренный для данной политики фонд в Инструмент европейского соседства и партнерства (ИЕСП), указывая словом «партнерство» на Соглашение о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС. В результате с участием России реализуется одна программа морского трансграничного сотрудничества (причем, в отличие от аналогичных программ Черноморского и Средиземноморского регионов, для Балтийского региона параллельно создана специальная программа ЕФРР) и пять программ сухопутного трансграничного сотрудничества (при том что их всего девять на внешних границах ЕС).

Транснациональная Программа региона Балтийского моря 2007—2013 гг. охватывает масштабный ареал в границах регионов второго уровня (NUTS-2), включающий территорию трех стран Балтии, Польши, Финляндии, Швеции, Дании, а также 7 из 16 земель Германии (Мекленбурга-Передней Померании, Берлина, Бранденбурга, Шлезвиг-Гольштейна, Бремена, Гамбурга и частично Нижней Саксонии), а также Беларуси, Норвегии и северо-западных регионов России (Республики Карелия, Мурманской, Ленинградской, Псковской, Новгородской и Калининградской областей, Санкт-Петербурга, а для проектов сотрудничества в Баренцевом регионе — также Архангельской области, Ненецкого АО и Республики Коми) [9, с. 13]. При общем бюджете, равном 293,2 млн евро, на долю ЕС приходится 230,6 млн евро (из них 208 млн — ЕФРР, 22,6 млн — ИЕСП), национальное финансирование членов ЕС составляет 48,3 млн евро, вклад Норвегии — 12 млн, Беларуси и России — 2,3 млн [9, с. 131]. Именно в рамках Программы региона Балтийского моря возможно стимулирование развития еврорегиона «Балтика» (проект «Чайка») — самого большого еврорегиона с российским участием.

В целом на пять программ трансграничного сотрудничества с участием России, возникших еще при финансовой поддержке ТАСИС (в последнее время — в рамках программ соседства), ИЕСП планирует выделить в 2007—2013 гг. 118,5 млн евро [8, с. 30, 33]:

— Коларктик — Россия (финская Лапландия, шведский лэн Норрботтен, норвежские фюльке Финнланд, Тромс и Нурланн, российские Мурманская и Архангельская области, Ненецкий АО — при возможности, как и в случае других программ, в дальнейшем несколько расширить перечень регионов) — 10,13 млн евро (со стороны ЕФРР — еще 18,11 млн евро);

— Карелия — Россия (финские регионы Кайнуу, Северная Карелия, Северная Похьянмаа и российская Республика Карелия, то есть территория созданного еще десять лет назад еврорегиона «Карелия») — 10,75 млн евро (ЕФРР — 12,45 млн);

— Юго-Восточная Финляндия — Россия (финские регионы Южная Карелия, Кюменлааксо и Южное Саво, российские Санкт-Петербург и Ленинградская область) — 18,07 млн евро (ЕФРР — 18,11 млн);

— Эстония — Латвия — Россия (эстонские регионы Северо-Восточная Эстония, Средняя Эстония и Южная Эстония, латвийские Латгалия и Видземе, российские Санкт-Петербург, Ленинградская и Псковская области) — 23,89 млн евро (ЕФРР — такую же сумму);

— Литва — Польша — Россия (Клайпедский, Мариямпольский и Таурагский уезды Литвы, Трёхградский, Гданьский, Эльблонгский, Ольштынский, Элкский и Белостокско-Сувалкский регионы NUTS-3 Польши, а также Калининградская область Российской Федерации) — 55,63 млн евро (ЕФРР — 76,50 млн).

На практике получение средств ЕС российскими участниками проекта остается под вопросом из-за не подписанных Россией финансовых документов по ИЕСП. Очевидно, что отдельные мероприятия приграничного сотрудничества все же будут проходить — среди прочего за счет российского национального финансирования. Однако очевидно, что общая скорость интеграции России и ЕС еще больше замедлится. При этом и западные российские регионы, и соседние страны ЕС оказались заложниками дипломатической игры Брюсселя и Москвы.

Оценивая перспективы развития еврорегионов и других проектов трансграничного сотрудничества российских территорий и их соседей в ЕС, необходимо изначально определить, насколько амбициозные задачи ставятся перед участниками. Если для Евросоюза главное — создать на своих внешних границах более или менее благополучный с точки зрения социально-экономического развития пояс, а для России — решить какие-то локальные задачи с помощью средств ЕС (причем часто российские средства не могут поступить в небольшие приграничные города лишь из-за несовершенства системы национальной региональной политики), то перспективы открываются вполне радужные. Более того, при поступательном движении с любой скоростью «малая» интеграция вносит вклад в постепенное снижение культурных барьеров между соседними странами. Однако если хотя бы немного «приподнять планку» и рассчитывать на достижение уже в ближайшие годы ощутимых результатов в деле сближения российского общества и социума в соседних странах ЕС, на закладывание основы для формирования общего экономического пространства не только на уровне сверхкрупных компаний, то проблем оказывается, по моему мнению, значительно больше.

После очередного всплеска активности в начале десятилетия в диалоге России и ЕС, который не обошел стороной и развитие приграничного сотрудничества, наступило новое «топтанье на месте». В России его обычно принято связывать с происками некоторых восточноевропейских политиков, а в ЕС, по-видимому, надеются переждать период «наступления на демократию» в нашей стране. Однако я убежден, что в условиях нехватки значительных содержательных шагов время работает против сторонников тесной интеграции России и ЕС. В экономической сфере промедление не позволяет в условиях существующего протекционизма развивать полноценную конкурентную среду, консервирует практику дискриминации партнеров. К тому же постепенно в торговле полуфабрикатами и готовой продукцией ЕС во многом становит-

ся самодостаточной экономической группировкой, не оставляя России (как объективно более слабому хозяйственному партнеру) иного места, нежели поставщика сырья и готовых товаров с низкой добавленной стоимостью. Это, в свою очередь, вынуждает российские фирмы пытаться переориентировать внешнеэкономические связи на другие страны мира. В политической сфере наблюдается явное ослабление проевропейски настроенных политических сил в России, которые не смогли представить обществу каких-либо конкретных результатов позитивного продвижения диалога с ЕС. При этом в условиях отмены прямых выборов глав регионов и депутатов федерального парламента, а также введения крайне жесткого проходного барьера при выборах по партийным спискам шансы новых оппозиционных партий сводятся почти к нулю.

В результате Евросоюз уже упустил некоторые шансы. Например, несколько лет назад активно дискутировался вопрос скорого создания зоны свободной торговли России и ЕС. Этот шаг обычно рассматривался как следующий за вступлением России в ВТО, которое необоснованно затянулось. При этом если раньше проблемы возникали из-за попыток России противостоять чрезмерным требованиям зарубежных партнеров (в том числе несколько лет назад — со стороны ЕС), то теперь уже сама Россия не очень стремится брать на себя обязательства, налагаемые членством в ВТО.

На мой взгляд, в настоящее время самой критичной оказывается ситуация с визовым режимом. При этом решение проблемы видится не в его облегчении для отдельных категорий граждан, включая жителей приграничных районов (при том что на практике отдельные страны ЕС могут даже усложнять получение виз россиянами), а в отмене визового режима в течение ближайших нескольких лет. В противном случае не просто будут по-прежнему осложняться деловые и гуманитарные контакты. Дело в том, что наличие четкой границы между Россией и ЕС неизбежно отражается в сознании людей и вся их деятельность начинает восприниматься через призму «своя территория» — «чужая территория». К тому же довольно оскорбительны сами рассуждения чиновников из ЕС о возможности наплыва неблагонадежных лиц со стороны России (ведь возможна и обратная ситуация, что, в частности, в условиях нынешнего кризиса показал поток спекулянтов из прибалтийских стран).

Учитывая отмену виз и в ЕС, и в России по отношению к довольно большому числу стран, сохранение визового режима между Россией и Евросоюзом будет постепенно формировать отстраненное отношение к своим партнерам по другую сторону границы. Например, языковые курсы и культурные фестивали не приведут к сближению соседних народов, если оформление поездок через границу будет по-прежнему отнимать время и силы (при этом необходимо понимать, что выделение в особую категорию «приграничных» жителей при стремлении современного общества к мобильности населения абсурдно). Вряд ли окажется полностью использован и потенциал развития пограничной транспортной инфраструктуры. В результате вообще многие «малые» достижения еврорегионов и подобных им проектов потеряют смысл.

Список литературы

1. Кузнецов А. В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. №2. С. 48—59.
2. Кузнецов А. В. Возможности и барьеры для российского участия в еврорегионах // Мировое развитие. Вып. 2. М., 2007. С. 11—18.
3. Кузнецова О. В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М., 2002.
4. Региональная политика стран ЕС / Центр европейских исследований ИМЭМО РАН. М., 2009.
5. *The European Structural Funds. A solidarity policy.* URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/atlas/factsheets/pdf/fact_eu25_en.pdf (дата обращения: 17.07.2009).
6. *Cohesion Policy 2007—13. Commentaries and official texts.* URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/regulation/pdf/2007/publications/guide2007_en.pdf (дата обращения: 17.07.2009).
7. *Regional Policy — Inforegio. European Territorial Co-operation.* URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/cooperation/index_en.htm (дата обращения: 17.07.2009).
8. *European Neighbourhood & Partnership Instrument. Cross-Border Cooperation. Strategy Paper 2007—2013. Indicative Programme 2007—2010.* URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/country/enpi_cross-border_cooperation_strategy_paper_en.pdf (дата обращения: 17.07.2009).
9. *Baltic Sea Region Programme 2007—2013. Programme under European Territorial Co-operation Objective and European Neighbourhood and Partnership Instrument. Final approved version as of 21 December 2007.* URL: <http://eu.baltic.net> (дата обращения: 17.07.2009).

УДК: 65.012.6 (470.26)

Д. М. Давидов
Т. Н. Чекалина

**ТРАНСГРАНИЧНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО
КАК ИНСТРУМЕНТ
РЕГИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА
В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ**

Предлагается прагматичный подход к изучению некоторых аспектов феномена трансграничной регионализации. Маркетинговый компонент развития еврорегионов и реализации проектов трансграничного сотрудничества рассматривается как один из ключевых видов совместной деятельности приграничных регионов-партнеров. Рассматриваются возможности использования модели бренда территории для изучения механизмов трансграничного сотрудничества и разработки эффективной стратегии его развития как перспективного направления дальнейшего изучения феномена трансграничного сотрудничества и трансграничной регионализации.

The article offers a pragmatic approach to certain aspects of the cross-border regionalisation phenomenon. The marketing component of euroregion development and the realisation cross-border cooperation projects is considered as one of the key directions of the joint activity of cross-border partner regions. The authors analyse the possibilities of the application of the territory brand model to the research on the mechanism of cross-border cooperation and elaboration of an efficient development strategy as a promising direction of further research in the cross-border cooperation and regionalisation phenomena.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, трансграничная регионализация, еврорегион, бренд региона, Балтийский регион.

Key words: cross-border cooperation, cross-border regionalisation, Euroregion, regional brand, Baltic Sea region.

Содержание понятия «трансграничное сотрудничество», изучение его механизмов, определение роли трансграничного сотрудничества в развитии периферийных приграничных регионов и процесс становления и развития трансграничных регионов — все эти вопросы лишь недавно привлекли к себе внимание исследователей.

За последние несколько десятилетий трансграничное сотрудничество приобрело черты новой отдельной сферы управленческой деятельности, направленной на создание условий для развития других форм трансграничного взаимодействия (производственная кооперация, торговля, туризм, взаимодействие по вопросам безопасности и т. д.), оформилось как новый вид региональных общественных услуг в рамках кооперации правительственных и неправительственных структур со-

седних регионов граничащих государств. Трансграничное сотрудничество стало возможным только в условиях глобализации, когда регионы получили более широкие возможности для выстраивания собственных внешних отношений в пределах своей компетенции по всему спектру вопросов трансграничного взаимодействия.

Таким образом, трансграничное сотрудничество — это одна из форм трансграничного взаимодействия, представляющая собой совокупность двусторонних и многосторонних связей между органами власти, хозяйствующими субъектами, общественными организациями и населением приграничных регионов двух и более стран.

Существуют различные формы трансграничного сотрудничества:

— локальные приграничные контакты;

— взаимодействие на основе договоров о сотрудничестве между отдельными организациями (например, университетами) или административно-территориальными единицами государств или совокупностью таких единиц (может быть реализовано в рамках побратимских соглашений между городами, договоров о межрегиональном сотрудничестве и т. д.);

— временные сети сотрудничества, создаваемые с целью реализации трансграничных проектов в различных сферах (экономических, социальных, экологических, культурных и т. д.);

— новые пространственные формы международной интеграции (НПФМИ) — пространственные образования субнационального уровня, включающие в себя регионы нескольких государств и отличающиеся активным приграничным и межрегиональным сотрудничеством и постоянно растущим уровнем социально-экономической интеграции [1, с. 82]. Примерами НПФМИ являются еврорегионы, коридоры развития, трансграничные кластеры и т. д.

За последние годы в Балтийском регионе сформировалась многоуровневая сеть связей и контактов, обеспечивающая взаимодействие между отдельными организациями и правительственными программами, органами местного самоуправления и негосударственными организациями [2, с. 74]. Такие общерегиональные сетевые организации, как Совет государств Балтийского моря — основной политический форум межправительственного сотрудничества, Союз балтийских городов, инициатива в сфере пространственного планирования «Васаб», инициатива в сфере охраны экологии Балтийского моря «Хелком» и ряд других, играют роль ключевых узлов инфраструктуры развития трансграничного сотрудничества в Балтийском регионе.

В 1964 г. в Балтийском регионе появился первый еврорегион «Оре-зунд». Сегодня датский Копенгаген и шведский Мальмё являются примером полноценной трансграничной агломерации. Начиная с 1990-х гг. процесс создания и развития еврорегионов, в том числе с участием стран Восточной Европы и Российской Федерации, в значительной степени активизировался. Российские партнеры участвуют в 8 из 26 еврорегионов, существующих в Балтийском регионе (Центр трансграничного сотрудничества Чудского озера, еврорегионы «Псков-Ливо-

ния», «Нямунас-Немен-Неман», «Балтика», «Сауле», «Карелия», «Шешупе», «Лына-Лава»).

Важный финансовый инструмент политики ЕС в регионе Балтийского моря — программа «Interreg» — одна из крупномасштабных программ ЕС, направленная на поддержку приграничного сотрудничества и интеграционных процессов на внутренних и внешних границах Евросоюза. Трансграничная регионализация — один из приоритетов современной политики Европейского союза. Данный процесс может приобретать очертания определенных сетевых структур, которые позволяют формировать схемы приграничного (трансграничного) сотрудничества. Во-первых, приграничное сотрудничество рассматривается как перспективный инструмент ускорения развития периферийных территорий, расположенных на границах национальных государств. При этом интеграция и выравнивание развития на всей территории ЕС является главной его целью. Во-вторых, местные органы власти и экономические акторы активно пытаются использовать возможности формирования новых региональных альянсов (что также позволяет получить финансирование по линии программ Евросоюза и, кроме того, приобрести дополнительную политическую власть за счет участия в стратегическом сетевом сотрудничестве). В-третьих, в европейских регионах укрепилась устойчивая вера в то, что многообразие природных, культурных и экономических особенностей ЕС может значительно способствовать развитию разных сфер общественной жизни [9].

В 1997—1999 гг. в регионе осуществлялась программа «Interreg ПС» «Транснациональное сотрудничество в сфере регионального и пространственного планирования». Данная программа была, в частности, нацелена на поддержку реализации положений планов пространственного развития Балтийского региона, сформулированных в рамках инициативы VASAB 2010 [10]. Всего было реализовано 45 проектов общей стоимостью почти 24 млн евро в следующих областях деятельности: развитие городов, отношения между сельскими и городскими территориями, создание трансбалтийских сетей, телекоммуникации, энергетика и транспорт (кооперация между портами, транспортные коммуникации между портами и береговой инфраструктурой), управление развитием побережья, туризм, охрана окружающей среды и защита природы, сельские районы, острова.

Поддержка сотрудничества в Балтийском регионе Европейским союзом продолжилась и существенно увеличилась в рамках последующей программы — «Interreg ППВ РБМ 2000—2006». Целью программы было укрепление трансграничного сотрудничества в сфере пространственного планирования и регионального развития в Балтийском регионе. Транснациональные проекты сотрудничества «Interreg ППВ РБМ» осуществлялись в соответствии с планом действий программы «Северное измерение», стратегиями VASAB 2010, «Хелком» и «Балтика 21». Программа была направлена на достижение более высокого уровня пространственной интеграции и конкурентоспособности региона Балтийского моря на основе усиления межрегионального сотрудничества [6].

За период реализации программы из средств европейского фонда регионального развития (ЕФРР) было выделено 149 млн евро. Кроме того, 6 млн евро предоставило правительство Норвегии. В 136 проектах, реализованных в рамках программы, приняли участие 1805 организаций из 639 городов Балтийского региона. За период 2004—2006 гг. для партнеров из России и Беларуси общий объем финансирования из средств ЕС (TACIS) составил 7,5 млн евро [3]. Последние проекты, реализуемые в рамках данной программы, завершились в конце 2008 г.

Программа соседства «Регион Балтийского моря» (2007—2013 гг.), пришедшая на смену «Interreg IIIВ РБМ», также финансирует проекты транснационального сотрудничества, направленные на сбалансированное и устойчивое развитие территории Европы. В рамках программы определены четыре приоритетных направления: инновации, внутренняя и внешняя доступность, Балтийское море как общий ресурс, привлекательные и конкурентоспособные города и регионы. Программа предусматривает участие российских партнеров, однако до настоящего времени механизм финансирования партнеров из РФ не вступил в силу.

Из средств ЕФРР Европейским союзом также финансируются программы сотрудничества отдельных приграничных регионов разных стран. В Балтийском регионе к таким территориям сотрудничества относятся, например, регион Норд (Норвегия / Швеция / Финляндия / Россия); Кваркен-Митскандия (Норвегия / Швеция / Финляндия); Карелия (Финляндия / Россия); Орезунд (Швеция / Дания); Померания (Германия / Польша); Виадрина (Германия / Польша); Калининградская область / Литва / Польша; Эстония / Латвия / Россия и ряд других.

Средства, выделяемые Брюсселем в целях развития, особенно важны для участия стран Восточной Европы и регионов Российской Федерации. Активность организаций-партнеров из Польши, Литвы, Латвии и Эстонии в проектах программы «Interreg IIIВ РБМ» резко возросла после 2004 г., когда одновременно с вхождением в Евросоюз эти страны получили возможность финансирования проектных мероприятий из средств ЕФРР (вместо отдельной действовавшей для стран — кандидатов в ЕС программы PHARE).

Российские партнеры приняли участие в 83 из 136 проектов, реализованных в рамках программы «Interreg IIIВ РБМ». Из них 27 проектов относятся к двум последним раундам отбора заявок, когда появилась возможность непосредственного финансирования российских компонентов проектов программы из средств TACIS. До этого российское участие осуществлялось за счет привлечения финансирования из дополнительных источников или ограничивалось статусом партнеров-наблюдателей. В 54 проектах, отобранных в первых семи раундах, приняли участие 79 российских партнеров (7% от общего количества организаций-участников проектов программы за указанный период). В 16 проектах восьмого раунда отбора заявок, когда появилась возможность совместного финансирования мероприятий из фондов ЕФРР и TACIS, 40 организаций из России стали полноправными участниками проектов (12,7% от общего числа организаций). Проекты девятого раунда финансировались исклю-

чительно из средств TACIS. В 11 проектах приняли участие 37 российских организаций (39% от общего числа партнеров).

В то же время исследователи, изучающие развитие трансграничного сотрудничества в Евросоюзе, и в частности в Балтийском регионе, нередко задаются вопросом: не является ли трансграничная регионализация, а конкретно становление и развитие еврорегионов как гибких наднациональных форм территориального управления политической утопией, недостижимой (за редкими исключениями) мечтой?

Крамш и Хупер [15] отмечают, что среди защитников концепции еврорегионов как функциональных сетевых территориальных образований, обладающих существенной политической автономией, возникающей в результате обусловленной глобализацией концентрацией материальных и нематериальных потоков, преобладают представители структур Евросоюза. В свою очередь «реалисты» (среди которых немало представителей правительств крупных государств, в том числе России) рассматривают еврорегионы как удобный инструмент, используемый администрацией приграничных территорий для привлечения средств структурных фондов [15].

Значительное замедление (вплоть до полной заморозки) проектов трансграничного сотрудничества в условиях отсутствия европейского финансирования, особенно характерное для восточной части Балтийского региона, может служить дополнительным аргументом в поддержку второго подхода.

Лофгрэн [16] утверждает, что «многие трансграничные регионы Европы в большей степени являются воображаемыми политическими ландшафтами, нежели примерами активной международной интеграции», они прекрасно видны «из Брюсселя или из местных администраций и в гораздо меньшей степени заметны в повседневной жизни жителей этих территорий» [16, с. 195—196].

Более пристальное изучение феномена трансграничных регионов приводит многих исследователей к пониманию того, что существенную, а порой и ключевую роль в процессе развития приграничного взаимодействия продолжают играть органы государственного управления стран-партнеров [15]. В условиях глобальной конкуренции местные, региональные, национальные и супранациональные органы власти стремятся использовать потенциал трансграничных регионов для привлечения инвестиционных потоков [11, с. 178]. Локальные приграничные территории, стремящиеся привлечь инвестиционные и туристические потоки, используют региональные сети трансграничного сотрудничества как инструмент для выхода на глобальный уровень [16, с. 196; 11, с. 177].

Лофгрэн [16] на примере еврорегиона «Орезунд» наглядно демонстрирует, как строительство моста между Копенгагеном и Мальмё было выведено за рамки инженерного проекта, достаточно сложного как с технической, так и с административной точек зрения, и превращено в крупное культурное событие, реализованное в соответствии с наиболее передовыми маркетинговыми технологиями. Трансграничное странственное планирование, процесс строительства и торжественное

открытие моста в 2000 г. сопровождалось полномасштабной информационной и маркетинговой кампаниями, многочисленными культурными и политическими событиями. Мост стал брендом одного из наиболее успешных еврорегионов ЕС.

Метафора моста как модели формирования и использования бренда трансграничных регионов получила распространение и среди других территорий трансграничного сотрудничества. Так, еврорегион «Торнио-Хапаранда», объединяющий исторически взаимосвязанные соседствующие муниципалитеты на границе между Швецией и Финляндией, реализует инфраструктурный проект «Евро-сити» — строительство комплекса, включающего центр информационных технологий, гостиницу и два торговых центра, размещенных прямо на линии государственной границы. Главная цель, которую ставит перед собой этот еврорегион, расположенный в одной из наиболее удаленных и малонаселенных уголков Европы, — стать заметной точкой на карте и привлекательной территорией для бизнеса и туризма. В то же время Лофгрэн [16] отмечает, что в настоящее время проект «Евро-сити» нельзя считать успешным примером. Однако с открытием торгового центра «Икея» в 2006 г., также сопровождавшимся полномасштабной маркетинговой и культурно-событийной кампанией, роль еврорегиона «Торнио-Хапаранда» значительно возросла, причем не только для Швеции и Финляндии, но и для северных территорий Норвегии и России [16].

Пожалуй, ни один проект, реализованный в рамках программы «Interreg», не обошелся без маркетингового компонента. С одной стороны, получение средств из фондов ЕС накладывает обязательства соблюдения так называемых правил визуализации: продвижение результатов проекта с использованием различных медийных источников с обязательным использованием символики ЕС, что содействует формированию позитивного имиджа Евросоюза. С другой стороны, партнеры-участники трансграничных проектов активно используют ресурсы, а также печатные и электронные информационные каналы совместных проектов для продвижения интересов своих территорий, направленных на освоение новых рынков. Так, в проектах, реализованных в рамках программы «Interreg IIIВ РБМ», участвовали в основном организации, относящиеся к местным, региональным и федеральным органам власти. Трансграничное сотрудничество, с одной стороны, становится каналом для коммуникации национального и собственного регионального бренда региона-участника в рамках трансграничной сети сотрудничества, а с другой — воплощается в совместную маркетинговую стратегию трансграничной территории.

Возможности применения маркетинговой концепции бренда для продвижения интересов городов, регионов и государств связывают с именем Симона Анхольта, предложившего концепцию национального бренда [4]. Развитие данного направления позволило автору разработать теорию «конкурентной идентичности» [5], в значительно большей степени связанной с вопросами национальной идентичности, политики и развития конкурентоспособной экономики, нежели с концепцией бренда, характерной для сферы бизнес-администрирования.

На протяжении десятилетий под брендом понимали «название, термин, знак, символ или дизайн, а также их комбинации, которые предназначены для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и для отличия их от товаров или услуг конкурентов [13, с. 229]. В последние несколько лет понимание концепции бренда претерпело существенные изменения. Котлер и Келлер [14] предлагают понимать под брендом конкурентное предложение, поступившее из известного источника. В свою очередь конкурентное предложение — это физическое воплощение процесса позиционирования ценностей и благ, предлагаемых поставщиком потенциальному потребителю и способных удовлетворить потребности потребителя. Конкурентное предложение может представлять собой сочетание продуктов, услуг, информации и ощущений [14, с. 53]. То, что поставщиком ценностей и благ может выступать не только коммерческая компания, но и любой другой актор и даже территория (в том числе муниципалитет, регион, страна, трансграничный регион и т. д.), признается не только представителями таких новаторских направлений маркетинга, как брендинг стран и регионов, но и более широким кругом исследователей-маркетологов [12].

Изменение сущности концепции бренда произошло в связи с постепенным отказом от товароцентричного подхода к маркетингу и брендингу и переходом к пониманию сетевого характера взаимоотношений между поставщиками, потребителями, конкурентами, партнерами и любыми другими заинтересованными акторами. Этот подход в маркетинге сегодня связан с появлением таких концепций, как маркетинг услуг и маркетинг взаимодействия, претендующих на статус новой парадигмы изучения механизмов функционирования рынка и общества в целом [7; 8; 17].

Взаимосвязи и сети — центральный компонент формирующейся в настоящее время теории трансграничного сотрудничества. Таким образом, обновленную концепцию бренда можно использовать как модель для изучения механизмов трансграничного сотрудничества и разработки эффективной стратегии его развития как на уровне отдельных приграничных территорий-партнеров, так и для трансграничных регионов. Это направление исследований потребует установить взаимосвязи между моделью бренда территории и такими концепциями, относящимися к вопросам политической науки и теории международных отношений, как национальная идентичность, общественная дипломатия и трансграничное управление.

Список литературы

1. Каледин Н. В., Корнеевец В. С. Трансграничное сотрудничество в Балтийском регионе — к новым пространственным формам международной экономической интеграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. 2007. Вып. 3. С. 79—89.

2. Пальмовский Т. Новая Балтийская биполярная модель межрегионального сотрудничества // Вестник Калининградского государственного университета. Вып. 6: Сер. Регионоведение. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 66—75.

3. *Программа* соседства региона Балтийского моря. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lenobl.ru/economics/foreign/neighbor/Baltic_region#reg34
4. *Anholt S.* Nation Branding: A continuing theme. *Brand management*. 2002. № 10 (1). P. 59—60.
5. *Anholt S.* *Competitive identity: The new brand management for nations, cities and regions*. UK: Palgrave Macmillan, 2007.
6. *BSR Interreg ПИВ Co-operation Area*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spatial.baltic.net/programme.html> (дата обращения: 11.11.2009).
7. *Grönroos C.* *Service Management and Marketing. A customer relationship management approach*. 2nd edition. Wiley, 2000.
8. *Gummesson E.* Evert Gummesson: Stockholm University. In *Fisk // Services Marketing Self-Portraits: Introspections, Reflections, and Glimpses from the Experts*. Chicago, 2000. P. 109—132.
9. *Hakli J.* Cross-border identities in the new Europe: Chost of the past or sign-post to the next millennium. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.may.ie/staff/dpringle/igu/hakli.pdf>
10. *Interreg ИС Baltic Sea Region. Region Policy Info regio*. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/reg_prog/po/prog_664.htm
11. *Johnson C.M.* Cross-Border Regions and Territorial Restructuring in Central Europe: Room for More transboundary Space // *European Urban and Regional Studies*. 2009. № 16. P. 177—191.
12. *Keller K.L.* *Strategic Brand Management Building, Measuring and Managing Brand Equity*. 3rd ed. Ney Jersey, 2008.
13. *Kotler P.* *Marketing management*. 10th ed. Upper Saddle River. N.J., 2000.
14. *Kotler P., Keller K.* *Marketing management*. 13th ed. Pearson Prentice Hall, 2009.
15. *Kramsch O., Hooper B.* (eds). *Cross-border governance in the European Union*. Routledge, Abingdon, 2004.
16. *Löfgren O.* Regionautus: the transformation of cross-border regions in Scandinavia // *European Urban and Regional Studies*. 2004. 15 (3). P. 195—209.
17. *Vargo S.L., Lusch R.F.* The Four Service Marketing Myths: Remnants of a Goods-Based, Manufacturing Model // *Journal of Service Research*. 2004. 6 (4). P. 324—335.

УДК 339.97 (474/476),
341.176 (474/476)

Т. Мелькьорре

**БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
И ЧЕРНОМОРСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО:
ДВЕ ДЕТАЛИ
ОДНОЙ ГОЛОВОЛОМКИ***

Балтийский регион и Черноморское пространство являются регионами, обладающими определенными политическими, историческими и культурными особенностями. Они принадлежат к единой геополитической системе, развивая в ее рамках региональное взаимодействие, складывающегося под политическим и экономическим воздействием как внутренних региональных процессов, так и внешних акторов. Цель данного исследования — провести сравнительный анализ политических и экономических факторов, влияющих на региональное сотрудничество в регионах Балтийского и Черного морей, а также дать обзор этих стратегических районов, выделив их сходства и различия.

The Baltic Sea region and the Black Sea area are overlapping regions that have their own political, historical and cultural peculiarities. They belong to the same geopolitical system, within which they are developing two regional cooperation subsystems strongly influenced both by internal political and economic dynamics and by external actors. The aim of this research is to analyse the political and economic factors that influence the cooperation in the Baltic Sea region and the Black Sea area by means of comparative approach, which will help to determine the similarities and differences necessary to give an overview of two strategic areas in the European context.

Ключевые слова: регион Балтийского моря, регион Черного моря, региональная кооперация, ЕС, НАТО, ЧЭС, СГБМ.

Keywords: Baltic Sea region, Black Sea area, regional cooperation, EU, NATO, BSEC, CBSS.

Введение

Холодная война была залогом мира и стабильности. Биполярная система, разделив мир на два противоположных блока, не оставила в Европе места для военных конфликтов. Сложившаяся по окончании холодной войны международная ситуация привела к обострению тлеющих внутри- и межгосударственных конфликтов. Установился, по выражению Барри Бюзена и Оле Вэвера, «новый мировой беспорядок» [3, с. 3], в рамках которого регионы, по определению упомянутых исследователей, являются «группами государств, чьи первостепенные интересы безопасности

* Перевод с англ. А.В. Брюшкиной.

совпадают настолько, что их национальные политики безопасности не могут рассматриваться изолированно» [16, с. 6]. Следовательно, «взаимозависимость в вопросах безопасности приводит к трансформации регионов в "центры межнациональной безопасности"» [16, с. 6].

Олександр Павлюк разделяет взгляды Бюзана и Вэвера, отмечая, что окончание холодной войны «рассредоточило систему безопасности» [16, с. 3] и «мировая система безопасности регионализировалась: она приобрела региональное измерение, которое десятилетиями подавлялось биполярным конфликтом» [16, с. 3]. Причиной этого было то, что основой данной системы являлось взаимное сдерживание приблизительно равных по мощи сверхдержав [14, с. 14].

По мнению исследователей, регионализация стала одним из структурных изменений международной системы, обусловленных окончанием холодной войны. Ее характерная черта — то, что сотрудничество в одной и более сферах играет роль основы отношений государств региона. Это явление активно исследуется, так как оно имеет непосредственное отношение как к геополитике, так и к экономике и политике. Процесс формирования регионов Балтийского и Черного морей — перспективный объект исследования. Как отмечают исследователи, данные регионы имеют особое значение для европейской геополитической системы, так как, благодаря своему географическому положению, они имеют непосредственный доступ к стратегическим энергетическим ресурсам, в которых заинтересованы европейские державы.

Такой сценарий отводит особую роль региональным организациям, таким как Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Черноморское экономическое сотрудничество (ЧЭС). В сущности, согласно ряду исследований, эти организации вносят значительный вклад в укрепление регионального сотрудничества, оказывая влияние на отношения как внутри данных регионов, так и в рамках международной системы в целом.

В данной статье предпринимается попытка заполнить этот пробел в исследовании проблемы, возникший по причине того, что сравнительный анализ двух регионов почти не проводился в научной литературе. Автор задается целью проследить тенденции развития данных регионов на основе их сходств и различий. Несмотря на то что исторические, географические, политические и экономические характеристики регионов сильно разнятся, они имеют и определенные общие черты.

Мы утверждаем, что принадлежность регионов Балтийского и Черного морей к единой геополитической системе обусловлено не только географическим положением, но и региональным сотрудничеством Северной и Восточной Европы, а также внутренними и внешними факторами, которые будут рассмотрены ниже.

Статья разделена на три части. В первой проводится анализ сходств и различий двух регионов, определяются ключевые исторические, географические и политические аспекты. Во второй части рассматривается развитие феномена регионального взаимодействия в Балтийском регионе и Черноморском пространстве, подчеркиваются различия их внутренней динамики. Третья часть завершает обзор, анализируя внешние геополитические факторы, необходимые для понимания региональной динамики в глобальном контексте.

Различия и общность

Балтийский и Черноморский регион — стратегические по нескольким причинам. Во-первых, море исторически является связующим звеном между народами. Во-вторых, особое географическое положение Балтийского и Черного морей определило их военную и торговую значимость. Например, в XIV—XVI вв. Ганзейский союз, который зиждился на «объединении городов» [9, с. 9], включал в себя около 100 населенных пунктов. Целью этого объединения было развитие товарообмена и сотрудничества на Балтике. Аналогично и города Османской империи были процветающими «центрами торговли» [18, с. 42]. Позже, в советскую эпоху на берегах обоих морей строились новые порты с целью развития торговли и военной мощи Советского Союза. Сегодня оба региона сохраняют свою торговую значимость, но Черное море обладает большим военным потенциалом. Конечно, в данном контексте не стоит недооценивать и энергетический аспект, так как он играет важную роль и для Балтийского региона, и для Черноморского пространства. В-третьих, оба региона включают в себя Россию и другие страны бывшего СССР: Эстонию, Латвию, Литву (Балтийский регион), Украину, Молдову, Грузию, Азербайджан и Армению (Черноморское пространство). То, что Россия входит в оба региона, является ключевым для понимания не только стратегической значимости территорий, но и региональной динамики, регулирующей отношения между составляющими их странами.

Несмотря на данные сходства, существует множество различий между Балтийским регионом и Черноморское пространством. Первое из них — географическое положение, хотя, как было показано выше, в определенном контексте оно может рассматриваться как схожее. Балтийский регион расположен на севере Европы, то есть входящие в него страны удалены от центра континента, тяготея к Северному полюсу. Тем не менее данный фактор не уменьшает важности этих государств, так как данная область богата природными ресурсами, например нефтью, которая послужила причиной споров вокруг арктического шельфа и стала доступна для добычи в связи с таянием ледников [4, с. 50]. Черное море расположено между двумя континентами — Европой и Азией. Территории двух государств данного региона — Россия и Турция — также расположены на обоих континентах, что увеличивает стратегическую значимость Черноморского пространства. Две страны региона — Армения и Азербайджан — граничат с Ближним Востоком, регионом особой напряженности, а Турция формально является его частью. Как и в случае Балтийского региона, природные ресурсы играют здесь немаловажную геополитическую роль. Система трубопроводов оказывает существенное влияние на внешнюю политику стран Черноморского пространства, в частности России и Турции [11, с. 540].

Второе ключевое различие двух регионов — отношения входящих в них государств. В то время как отношения стран Балтийского моря носят мирный характер, несмотря на многочисленные конфликты в прошлом,

международным отношениям региона Черного моря свойственны конфликты и напряженность. В.М. Сергеев дает оригинальную интерпретацию конфликтам в регионе. Он утверждает, что в «Понто-Балтийском поясе»¹ — «полосе, идущей от Рижского залива через болота Беларуси на юг к Черному морю вдоль подножья Карпат» [17, с. 21] — существуют «стабильные конфликтные системы» [17, с. 22]. По его мнению, территории, входящие в эту полосу, всегда были конфликтными под влиянием следующих факторов: географии, геостратегической политики, вопросов этноса, экономики и культуры [17, с. 21]. В.М. Сергеев отмечает, что *Понто-Балтийская конфликтная система* может рассматриваться с двух точек зрения. Первая — точка зрения России, желающей в качестве великой державы оказывать влияние на соседние страны, таким образом открывая «окно в Европу» [17, с. 24]. Вторая — точка зрения граничащих с Россией государств, опасаящихся агрессии и контроля со стороны соседа.

Тем не менее, как было сказано выше, в Черноморском пространстве напряженности и конфликты укоренены глубже, чем в регионе Балтийского моря, по историческим, политическим, экономическим и культурным причинам, которые будут рассмотрены ниже. Важно отметить, что, согласно В.М. Сергееву, Балтийский регион и Черноморское пространство принадлежат к единой геополитической системе.

Характер регионального сотрудничества

Выше мы рассматривали Черноморское пространство и Балтийский регион как части единой системы не столько на основе их сходств (в данном случае более важны различия), сколько на основе того, что в оба региона входит мощный актор — Россия. Во второй части статьи будут проанализированы особенности регионов и дан обзор сложности региональных динамик.

Как уже было отмечено во введении, региональное взаимодействие является способом регулирования новой международной ситуации, сложившейся по окончании холодной войны. В этом контексте важную роль играют международные организации, так как региональное сотрудничество требует привлечения огромных ресурсов. Региональные организации создают структуру и нормативы сотрудничества в своей сфере. Поэтому в обоих регионах были созданы многочисленные международные структуры. В данной работе будут рассмотрены только две из них — СГБМ и ЧЭС. Они являются наиболее показательными, поскольку обе были первой реакцией их членов на угрозы и вызовы новой международной ситуации. Обе организации образованы в 1992 г. под влиянием различных факторов. Цель СГБМ — стимуляция и координация сотрудничества между странами Балтийского моря в сферах тор-

---

¹ В.М. Сергеев отмечает, что его интерпретация внешне схожа со «столкновением цивилизаций» Хантингтона, указывая, что такое сравнение было бы ошибочно, поскольку «подобный подход подразумевает неоправданное упрощение реальной ситуации» [17, с. 22].

говли, защиты окружающей среды, культуры и т. д. Задачей ЧЭС является поддержка экономического взаимодействия стран-участниц, способствующего установлению мира и стабильности в регионе. Конечно, в обоих регионах возникли и новые сферы сотрудничества. Тем не менее создание СГБМ и ЧЭС имело и геополитические причины. Например, в случае СГБМ страны-участницы хотели не только включить Эстонию, Латвию и Литву в региональное сотрудничество, но и ускорить процессы демократизации и модернизации в этих странах постсоветского пространства. Еще одним геополитическим соображением было привлечение России к сотрудничеству с целью повышения уровня безопасности в регионе. Что касается ЧЭС, оно создавалось по инициативе Турции, заинтересованной в развитии системы трубопроводов в регионе. Конечно, возможности развития энергетического комплекса в регионе привлекательны и для России. Суат Киниклиоглу и В. П. Морква подчеркивают, что «энергетическое измерение является наиболее важным аспектом турецко-российских отношений» [11, с. 540]. Газопровод «Голубой поток» — наиболее острый вопрос в отношениях этих государств, не только по экономическим причинам, но и из-за угрозы для окружающей среды на территории Турции [11, с. 541].

Небезынтересно рассмотреть, как данные организации характеризуют свое назначение и деятельность. СГБМ видит свою роль в качестве «форума, осуществляющего руководство и общую координацию деятельности стран-участниц» [23]. В то время как ЧЭС «был создан как уникальная и перспективная модель многосторонней политической и экономической инициативы, нацеленной на поддержку взаимодействия стран-участниц, а также обеспечение мира, стабильности и процветания посредством дружеских и добрососедских отношений в Черноморском регионе» [22]. Разность данных формулировок отражает ключевые различия сотрудничества в этих регионах. Различны и предпосылки. Для региона Балтийского моря проблемой является не мирное урегулирование, а координация деятельности в различных сферах. Цель ЧЭС — укрепление отношений стран-участниц, угрозу для которых представляют этнические конфликты и конкуренция входящих в него держав вокруг энергоресурсов, в частности нефти. Конечно, Балтийскому региону также присущи определенные напряженности, например между странами Прибалтики и Россией, обусловленные историческими и политическими причинами, а также положением русских сообществ в прибалтийских странах. Тем не менее в регионе Балтийского моря не существует открытых конфликтов таких, как, например, армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха или более недавний российско-грузинский.

В данном контексте особое значение приобретает ГУАМ, являющийся ключом к пониманию внутренней динамики региона. ГУАМ — это региональная организация, основанная в 2001 г. четырьмя странами бывшего СССР — Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдовой² — как субре-

² В 1999 г. Узбекистан вступил в данную организацию, сменив название на ГУУАМ, но вышел из нее в 2002 г.

гиональная альтернатива СНГ. ГУАМ стал еще одним источником напряженности в Черноморском пространстве, и тому существуют две причины. Первая — недоверие России, которая всегда рассматривала данную организацию как ущемляющую российские интересы в регионе. Вторая причина — энергетические проекты ГУАМ, которые ЧЭС может расценить как конкурирующие с ее инициативами в данном секторе [16, с. 49].

ЧЭС имеет большое значение для российской политики в регионе. Действительно, ЧЭС служит интересам России, укрепляя добрососедские отношения стран региона с целью развития сотрудничества, в частности в сфере экономики. В этой связи был создан Российский национальный комитет по Черноморскому экономическому сотрудничеству, координирующий деятельность и укрепляющий позиции российских предпринимателей в ЧЭС [19, с. 173].

Таким образом, политические и экономические интересы, этнические и исторические факторы обуславливают большую напряженность в Черноморском пространстве, чем в регионе Балтийского моря. Данные факторы важны для понимания различий в подходах государств этих регионов к вопросу региональной идентичности, тесно связанному с установлением границ региона, которые в обоих случаях весьма нечетки. Исследователи также не дают однозначного их определения, так как подходят к данному вопросу с различных исторических, культурных и политических точек зрения. Олаф Кнудсен, например, относит к Балтийскому региону «все страны, расположенные на берегах Балтийского моря» [12, с. 1], в то же время используя термин *Северно-Балтийский регион* «для обозначения пяти северных (Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции) и трех прибалтийских (Эстония, Латвия, Литва) стран [12, с. 1]. Другие исследователи, например Анника Бергман, относит Данию, Финляндию, Исландию, Норвегию и Швецию к Северным странам, используя термин «балтийский» для обозначения трех прибалтийских стран [2, с. 73]. Но, хотя и не существует единого определения Балтийского региона, есть тенденция включения в него стран, расположенных на берегах Балтийского моря, которая не только объясняет динамику региона с культурной, политической и исторической точек зрения, но и принимает во внимание геополитику всех территорий, прилегающих к Балтийскому морю.

В случае Черноморского пространства определение границ еще более запутанное, в регион включают «от шести прибрежных государств (Болгарии, Грузии, Румынии, России, Турции и Украины) до одиннадцати (двенадцати на данный момент. — *Т.М.*) стран-участниц крупнейшей международной организации региона — ЧЭС, а иногда и те страны, которые подали или собираются подать заявки на членство в организации» [16, с. 7].

Некоторые исследователи выражают сомнения в целесообразности рассмотрения Черноморского пространства как региона. Они утверждают, что данная территория не воспринимается как регион ни международным сообществом, ни расположенными там странами [1, с. 57]. Другие ученые определяют Черноморское пространство как «умозрительный регион» [1, с. 59], исходя из слабой идентичности, коренящейся-

ся как в экономических, политических и социокультурных различиях государств данной области, так и в незначительности ее стратегической роли в международном контексте [1, с. 59].

Следовательно, независимо от того, что многие исследователи определяют регионы как «воображаемые сообщества», можно утверждать, что Балтийский регион признан как внутри региона, так и за его пределами, несмотря на нечеткое определение его границ.

Геополитические, экономические, исторические и культурные проблемы Черноморского пространства, затрудняющие образование региона, препятствуют формированию региональной идентичности входящих в него стран.

Геополитика — ключ к решению проблемы

Развитие регионального сотрудничества в Балтийском регионе и Черноморском пространстве является решением проблем, вызванных радикальными структурными изменениями в международном контексте. Как было отмечено выше, политические, экономические, исторические и культурные факторы влияют на формирование региона. Геополитика также оказывает воздействие на данный процесс, так как в него вовлечены международные акторы, а именно Евросоюз и НАТО, играющие ключевую роль в определении политических и экономических приоритетов регионов и в отношениях расположенных в их пределах стран.

Важно отметить, что и Балтийский регион, и Черноморское пространство объединяют как стран-участниц ЕС и НАТО, так и государства, не входящие в состав этих организаций, что верно и для СГБМ и ЧЭС. Но в то время как Европейская комиссия является членом СГБМ, Евросоюз выступает лишь в роли наблюдателя ЧЭС. Эти обстоятельства необходимо учитывать при анализе как Балтийского региона, так и Черноморского пространства, потому что они оказывают значительное влияние на геополитическую динамику внутри региона и за его пределами.

ЕС и НАТО принимают активное участие в деятельности данных регионов, в особенности после расширения этих организаций, когда некоторые страны постсоветского пространства стали членами западных институтов. Таким образом, Балтийский регион и Черноморское пространство являются связующим звеном между акторами, ранее принадлежавшими к противостоящим блокам. Кроме того, расширение ЕС радикально изменило политическую карту Европы, так как сегодня ЕС граничит с Россией.

Поэтому если, с одной стороны, ЕС было необходимо модифицировать свои институты в соответствии с вызовами расширения на восток, то, с другой — отношение союза к обоим регионам сильно изменилось с окончания холодной войны, чему поспособствовало и расширение ЕС.

Стабильное и преуспевающее соседство — один из интересов Евросоюза. Поэтому ЕС всегда способствовал сотрудничеству в обоих регионах. К тому же, участие Евросоюза в их деятельности является ключевым, так как ЕС играет значительную роль в укреплении демократии

и экономическом развитии в данных областях. Конечно, то, что Россия входит в состав обоих регионов, также важно для Евросоюза и НАТО. Тому существует три причины. Во-первых, Россия — стратегический партнер как ЕС, так и Североатлантического альянса. Отношения России и Евросоюза регулируются «Стратегическим партнерством», включающим четыре так называемых «общих пространства»³; кроме того, Россия является крупнейшим партнером ЕС в сфере энергетики. Взаимодействие РФ и 28 членов Североатлантического союза осуществляется на равных основаниях в рамках Совета Россия — НАТО, созданного в 2002 г. Во-вторых, Россия является членом и СГБМ, и ЧЭС, участвуя в координации сотрудничества в обоих регионах. В-третьих, РФ все еще великая держава, интересы которой простираются не только на Европу, но и Ближний Восток.

Несмотря на то что ЕС и НАТО установили тесное сотрудничество с Россией, отношения этих стратегических партнеров не всегда просты. Например, напряженности между РФ и ЕС возникали во время российско-грузинского кризиса в 2004 г., российско-эстонских в 2003 г., а также российско-эстонского в 2007 г., когда Эстония уже являлась членом как ЕС, так и НАТО. Кроме того, Украина, Грузия и Азербайджан открыто заявили о своем желании вступить в упомянутые международные организации.

Не стоит забывать и о российско-турецких отношениях, о которых уже шла речь выше. Несмотря на то что «русские не до конца уверены, насколько можно доверять стране-члену НАТО» [11, с. 539] и на то, что Россия без энтузиазма относится к перспективе вступления Турции в Евросоюз, поскольку это ограничит пространство для маневров в рамках российско-турецких отношений, Турция рассматривается Россией как «дружественный актер» в данном регионе [11, с. 537].

Рената Дуон отмечает, что перспектива вступления в ЕС и НАТО является сильной мотивацией к сотрудничеству для государств Центральной и Восточной Европы, заставляя их прилагать все усилия для скорейшего достижения членства в этих организациях. Тем не менее, по мнению Ренаты Дуон, эти стремления могут в то же время и препятствовать сотрудничеству с другими странами. Причина заключается в том, что такие страны не хотят создать впечатление, что они удовлетворены условиями регионального сотрудничества без вступления в эти организации [6, с. 4]. Это в большей степени относится к Черноморскому пространству, так как в Балтийском регионе сотрудничество развивалось органично по ряду исторических и культурных причин, а также потому, что в регионе не существует этнических проблем, за исключением вопроса русских общин в Прибалтике.

Следует сделать еще одно важное замечание. И Балтийский регион, и Черноморское пространство являются объектами внешней политики ЕС, в

---

³ Общие пространства включают в себя экономические вопросы и защиту окружающей среды; вопросы свободы, безопасности и правосудия; внешнюю безопасность; исследовательскую и образовательную деятельность.

частности программ «Северное измерение» (СИ) и «Европейская политика добрососедства» (ЕПД). В то время как Россия включена в СИ как важный актор в регионе, она не принимает участия в ЕПД. Это объясняется тем, что программа СИ была запущена премьер-министром Финляндии П. Липпоненом в 1997 г. не только для того, чтобы приблизить прибалтийские государства к Евросоюзу, но и с целью развития сотрудничества между ЕС и Россией (особенно Северо-Западом РФ) [8, с. 7]. ЕПД была разработана в 2004 г., «чтобы избежать появления новых разделительных линий между расширенным ЕС и его соседями и, напротив, способствовать процветанию, стабильности и безопасности всех заинтересованных сторон» [21]. ЕС не включил Россию в ЕПД, поскольку их отношения развивались, как было отмечено выше, на иной основе. Конечно, не стоит недооценивать роль России в обеих программах, памятуя о ее геополитическом и экономическом значении в международном контексте.

Другой внешний актор — НАТО — установил двусторонние отношения со странами обоих регионов. Некоторые страны Балтийского и Черного морей входят в состав НАТО, большинство из них принимает участие в таких программах НАТО, как «Партнерство во имя мира», а Россия и Украина⁴ являются стратегическими партнерами альянса. Значительная роль НАТО в регионе обусловлена не только приведенными выше причинами, но и тем, что эта организация является возможным гарантом стабильной безопасности в регионах Балтийского и Черного морей.

Заключение

Регионы Балтийского и Черного морей — пересекающиеся. Оба включают Россию, которая является одним из крупнейших и важнейших акторов в этих регионах, а также страны бывшего СССР. Кроме того, данные территории — стратегические для НАТО и Евросоюза по целому ряду причин, таких как присутствие России, энергетика и расположенность стран ЕС и НАТО в этих регионах. Россия является стратегическим партнером стран региона не только исторически и ввиду соображений безопасности, но также и в качестве ключевого экспортера энергоресурсов. Данный фактор способствует повышению напряженности между Россией и Норвегией и странами Балтийского региона (и прибалтийскими, и северными странами), а также между Россией и Турцией в регионе Черного моря.

Кроме того, в обоих регионах развивается сотрудничество как ответ на угрозы безопасности вследствие радикальных изменений, вызванных окончанием холодной войны. Взаимозависимость национальных государств возрастает, что говорит об эффективности процесса формирования региона и регионального сотрудничества как инструмента стабильности и безопасности в международном контексте.

---

⁴ Отношения Украины и НАТО регулируются подписанной в 1997 г. Хартией об особом партнерстве.

В ходе данного процесса особую роль играет создание региональных организаций, определяющих рамки и правила развития регионального взаимодействия. В этом смысле региональные организации способствуют процессу формирования региона и более четкому определению его границ, которое зачастую бывает весьма неоднозначным, как, например, в случае рассматриваемых регионов. Несмотря на это, такие организации, как СГБМ и ЧЭС, играют важную роль в регионе, развивая диалог региональных акторов между собой и с внешними акторами (НАТО и ЕС). Очевидно, что причины различия регионов — не только географическое положение, что, конечно же, имеет важные геополитические последствия, но и историческое развитие, политические, экономические и культурные особенности. Даже в рамках одного региона эти особенности индивидуальны для каждой страны, и хотя они не являются причиной конфликтов в Балтийском регионе, но часто вызывают напряженность в Черноморском пространстве. ЕС и НАТО содействуют укреплению сотрудничества региональных акторов с целью установления их политической, экономической и социальной взаимозависимости, что должно в результате привести к процветанию и стабильности в регионах. В этой связи ЕС разработал программу «Черноморская синегрия», цель которой заключается не в «создании независимой стратегии региона Черного моря, так как общая политика ЕС в отношении региона уже действует в рамках ЕПД, Стратегического партнерства с Россией и программы подготовки Турции к вступлению в ЕС» [5, с. 3], а в разработке «дополнительной инициативы, действующей на региональном уровне и укрепляющей существующее сотрудничество» [5, с. 3]. Кроме того, в 2009 г. ЕС приняло соответствующее руководство, «координирующее взаимодействие стран-участниц, регионов, ЕС, пан-Балтийских организаций, финансовых учреждений и неправительственных структур в интересах планомерного развития Региона» [21].

Несмотря на эти немаловажные инициативы, ЕС и НАТО должны прикладывать еще больше усилий для ускорения процесса стабилизации в обоих регионах, в особенности в Черноморском пространстве, где напряженность между странами региона заметно увеличивается, будто подчиняясь эффекту домино, возникшему с окончанием холодной войны.

Список литературы

1. *Aydin M.* Regional cooperation in the Black Sea and the role of institutions // *Perceptions Journal of International Affairs*. 2005. Vol. 10.
2. *Bergman A.* Adjacent Internationalism, The Concept of Solidarity and Post-Cold War Nordic-Baltic Relations, in *Cooperation and Conflict* // *Journal of the Nordic International Studies Association*. 2006. Vol. 41.
3. *Buzan B., Weaver O.* *Regions and Powers, The structure of International Security*. Cambridge, 2003
4. *Børresen J.* Le autostrade dell'Artico, in *Limes, Rivista italiana di geopolitica, Partita al Polo* // *L'Espresso, Supplemento al*. 2008. № 3.
5. *Commission of the European Communities*, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, *Black Sea Synergy. A new regional cooperation initiative*. COM(2007) 160 final. 2007, Brussels.

6. *Dwan R.* Building security in Europe's new borderlands, Subregional cooperation in the wider Europe, EastWest Institute. New York, 1999
7. *Hansen L.* The foundations of regions: lessons from Europe and Nordic countries // Searching and researching the Baltic Sea region: proceedings from an international research seminar on Bornholm. 1998. April.
8. *Gerner K., Karlsson K.-G.* Baltic empires, people of the Baltic. Session 2. Lund University; The Baltic University, 1993.
9. *Heikkilä M.* The Northern Dimension. Europe Information. Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2006.
10. *Joenniemi P.* Bridging the Iron Curtain? Co-operation around the Baltic Rim, COPRI. Copenhagen, 1999.
11. *Kiniklioglu S., Morkva V.* An anatomy of Turkish — Russian relations // Southeast European and Black Sea Studies. 2007. Vol. 7.
12. *Knudsen O.F.* Cooperative security in the Baltic Sea Region // Chaillot Papers. 1998. № 33.
13. *Masegosa C., José L.* Regional Security — building in Europe, The Barents Euro — Arctic region // Northern Studies Programme. 1998. № 12.
14. *Mearheimer J.* Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War // International Security. 1990. Vol. 15. № 1.
15. *Paasi A.* The resurgence of the 'Region' and 'Regional Identity': theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe, in Review of International Studies. 2009. Vol. 35.
16. *Pavliuk O., Klymush-Tsintsadze I.* The Black Sea Region, Cooperation and Security Building. 2004.
17. *Sergeyev V.* The Historical Structure of Conflicts in the Baltic Area and the Long — term National Interests of Russia // Knudsen O.F. Stability and Security in the Baltic sea Region, Russian, Nordic and European Aspects. London, 1999.
18. *Ternon Y.* Empire ottoman, le déclin, la chute, l'effacement, Edition du Félin. Paris, 2005.
19. *Tunc A.* Politics of the Black Sea: Dynamics of Cooperation and Conflict. London, 2001
20. *Øberg J.* Nordic security in the 1990s, Options in the changing Europe. London, 1992.
21. *EUROPA* — The official website of the European Union. [Электронный ресурс]. URL: www.europa.eu (дата обращения: 17.08.2009).
22. *Home page.* [Электронный ресурс]. URL: www.bsec-organization.org (дата обращения: 17.08.2009).
23. *Welcome to the CBSS.* [Электронный ресурс]. URL: www.cbss.st (дата обращения: 17.08.2009).

УДК: 550.389.2, 64.012.6

А. И. Кузнецов**ДОБРОСОСЕДСТВО
И ЕВРОПЕЙСКАЯ
ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА —
В ЧЕМ РАЗЛИЧИЕ?**

Проводится сравнение содержания двух дипломатических понятий, важных для современной практики международного сотрудничества. С использованием исторических примеров и современных документов показана существенная разница между устоявшимся понятием добрососедства и нововведением — Европейской политикой соседства (ЕПС). ЕПС поглощает старый термин добрососедства, характеризующий симметричные отношения международных субъектов по вестфальской модели мира, и выводит на первый план евроцентристскую модель асимметричных отношений. Это создает определенные трудности в развитии отношений между Россией и Евросоюзом, в особенности для участия российской стороны в евросоюзных Программах соседства.

The article compares the scope of two diplomatic terms crucial for the contemporary international cooperation practice. Drawing examples from historical and contemporary documents, the author shows the difference between the settled notion of neighbourhood and the recently introduced one — the European Neighbourhood Policy. The ENP absorbs ab initio the old term that characterises the symmetric relation of international agents in the framework of the Westphalian system and foregrounds the Euro-centred model of asymmetric relations. It creates certain difficulties in the development of Russia-EU relations, especially, in terms of Russian participation in the European Neighbourhood programmes.

Ключевые слова: Европейский союз, добрососедство, Европейская политика соседства, «Восточное партнерство», суверенитет, европейские ценности, ассоциация.

Keywords: European Union, Neighbourhood, European Neighbourhood, «Eastern Partnership», Sovereignty, European values, Association.

Политика добрососедства относится к фундаментальным основам современных международных отношений. В Декларации ООН о принципах международного права, принятой на Генеральной ассамблее 24 октября 1970 г., сказано, что народы объединенных наций «...исполнены решимости жить совместно как добрые соседи...». В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.) в разделе «Сотрудничество между государствами» также говорится о том, что страны «будут стремиться... содейство-

вать... дружественным и *добрососедским* отношениям между собой...» (в обеих цитатах курсив мой. — А.К.). В первом случае речь идет о принципе международного права, а во втором — скорее о реальных отношениях между государствами, которые следует развивать.

Деятельность Европейского союза основывается на принципах ООН. Поэтому появление в начале нынешнего десятилетия программы Европейской политики соседства (ЕПС) (см., например, [12]), а затем проекта «Восточное партнерство» (ВП) [13] было совершенно закономерным, в духе современных международных отношений. Соседей не выбирают, существует вербальная необходимость выстраивать с ними добрые отношения, и поэтому ЕПС привлекает на практике к сотрудничеству и регионы Российской Федерации.

В документах ЕС, однако, редко употребляется термин «добрососедство». Если же все-таки о «добрых соседях» или «добрососедстве» и пишется, то эти слова используются не самостоятельно, а в связке с другими ключевыми словами. Например, в стратегическом документе [12] говорится о развитии добрососедских отношений (to develop good neighbourly relations). Видно, что само изначальное понятие «добрососедские отношения» подчинено другому слову, определенному через необходимость их развития. В докладе Европейской комиссии «Восточное партнерство» от 3 декабря 2008 г. [13] «добрососедство» не употребляется ни разу, хотя подчеркивается, что ВП является частью ЕПС («специфическое Восточное измерение в рамках Европейской политики соседства»). Не упоминается добрососедство и в таких важнейших документах, как Декларация Европейского совета (Брюссель, 19—20 марта 2009 г.) [15] и Общая декларация Пражского саммита «Восточное партнерство» от 7 мая 2009 г. [16].

Очевидно, что речь идет не о терминологическом дефиците, а о более принципиальных вещах, которые необходимо учитывать в практической работе на российско-европейском направлении сотрудничества. Расшифровка и контекст понятий «добрососедство» и «Европейская политика соседства» помогут лучше понять политику и России, и Европейского союза. Существует необходимость внимательно посмотреть на специфику этих терминов еще и потому, что, по неизвестным нам причинам, международные справочники и дипломатические словари не дают строгого определения понятию добрососедства, давно используемому в международной практике.

«Добрый сосед США»

Термин «добрососедство», по-видимому, впервые был введен в общий оборот дипломатических понятий президентом США Ф. Рузвельтом [12]: 4 марта 1933 г. в своем первом обращении в качестве президента к американскому народу он заявил, что будет проводить «политику доброго соседа» в отношении стран Латинской Америки. Это было добровольное изменение политики США, которое означало большой прогресс для того времени. До Рузвельта весь американский континент считался не

просто зоной влияния сильного соседа (это было очевидно для каждого еще со времени принятия доктрины Монро в 1823 г.), но сферой столь активного влияния, что США вели себя в странах всего западного полушария как полный хозяин (в соответствии с той же доктриной). «У себя дома» можно было наказывать другие страны, как провинившихся детей, и осуществлять вооруженную интервенцию по защите американских интересов. Президент США Кулидж в 1926—1928 гг. обосновывал законность вооруженного вмешательства для защиты американских инвестиций за рубежом. Рузвельт декларировал, что решил положить этому конец («отныне установленная политика США в отношении Латинской Америки будет противоположна политике вооруженного вмешательства»). Вслед за его заявлением постепенно изменялась и реальная внешняя политика: США отказались от прав на интервенцию на Кубе (1934) и в Панаме (1936 г.), прекратили непосредственный финансовый контроль в таких странах, как Гаити, ослабили нажим на другие страны. Можно сказать, что Ф. Рузвельт уже в 1930-х гг. прошлого века начал переход к стратегии «мягкой силы».

Важной стороной инициативы Рузвельта было то, что «политика доброго соседа» повышала суверенность независимых государств американского и других континентов. Значимым было и то, что теперь, по крайней мере теоретически, государственный суверенитет не ставился в зависимость от географического положения страны. До этого широко действовало иное геополитическое правило: чем ближе малая страна к сильному соседу, чем меньше у нее суверенитета. Принцип ограниченного суверенитета действовал и в отношении соседей СССР (так называемая доктрина Брежнева). После инициативы Рузвельта добрососедство как концептуальный принцип стало распространяться и на другие регионы мира, что означало большой прогресс в международных отношениях вообще. Это нашло отражение в документах ООН.

Можно отметить следующие важные особенности добрососедских международных отношений.

Добрососедство как существующая в соответствии с главными принципами международного права форма (тип) отношений между государствами, как правило, не получает специального институционального оформления, пока нет примеров секретариатов по реализации таких отношений либо председательства в кругу «добрых соседей». В этом отношении добрососедство — организационно слабая субстанция с довольно размытым смыслом¹.

¹ Приятно звучащее понятие не мешало (по крайней мере до начала президентства Б. Обамы) тем же США заниматься за «международными кулисами» выкручиванием рук «добрым соседям». Можно привести и трагикомический пример в виде следующей выдержки: «Последовательное дальнейшее проведение этой политики *добрососедства* (курсив наш. — А.К.)... принесет в будущем еще более благодатные результаты для обоих великих народов — таково мое убеждение. Во всяком случае Германия к этому готова и полна решимости пойти на это». Это из письма И. Риббентропа И. Сталину от 13 октября 1940 г. (цит. по: *Риббентрон И. фон. Тайная дипломатия III Рейха*. Смоленск, 1999. С. 234).

Во-вторых, добрососедство в настоящее время является не только и не столько географической ситуацией, сколько договорной формой сотрудничества и не должно интерпретироваться однозначно географически. Это понятие имеет более широкий смысл и применяется также в случае весьма отдаленных друг от друга стран-«соседей», которые могут находиться даже на разных континентах и в разных полушариях. Например, добрососедство упоминается в договорах России с Канадой (19.06.1992 г.) и с Колумбией (08.04.1994 г.). Очевидно, что понятие «доброе соседство» располагается в многомерном пространстве, определяемом и географическими координатами, и принципами, и целями, и формами международных отношений, и т.д. Иногда добрососедство, точнее «развитие добрососедства», присутствует в перечне европейских ценностей, таких как верховенство закона, соблюдение прав человека и национальных меньшинств и т.д. (см., например, раздел «Введение ...» к стратегии ЕПС [12]).

В-третьих, термин «доброе соседство» призван служить индикатором выстраивания строго симметричных отношений между договаривающимися сторонами, которые основываются на равенстве прав, обязанностей и получаемых партнерами выгод от сотрудничества. Добрососедство обычно нацелено на взаимовыгодное сотрудничество строго равных субъектов международного права. В добрососедских отношениях стороны являются в одинаковой мере субъектами и объектами, не допускается асимметричная ситуация, когда один из партнеров является более активным субъектом, а другой или другие играе(ю)т роль объекта его повышенного внимания или опеки. Синонимами добрососедства служат «равноправие», «невмешательство во внутренние дела друг друга» и «баланс интересов», то есть хорошо известный лейтмотив мирных международных отношений². Широко известные соглашения о партнерстве и сотрудничестве (или «соглашения об интересах») заключаются на основе принципа добрососедства.

В-четвертых, для поддержания добрососедских отношений ни одна из сторон не призвана финансово поддерживать другую сторону, за исключением оказания технической и гуманитарной помощи в соответствующих обстоятельствах. Для осуществления добрососедства целевые финансовые инструменты не создаются.

И, наконец, в-пятых, с высоты уникального европейского опыта, включающего в себя успешную интеграцию, добрососедство является пройденным историческим этапом, или «прочтенной и усвоенной классикой». Выражаясь языком математики, можно сказать, что добрососедство есть институт необходимый, но не достаточный для

---

² Правда, в некоторых случаях добрососедское сотрудничество условно называют «игрой с нулевой суммой», так как затраты на сотрудничество должны адекватно окупаться полученными выгодами. Игра с нулевой суммой — весьма частый случай в международных отношениях. Например, при делимитации взаимной границы равноправные стороны нередко производят обмен территориями по правилу «баш на баш».

решения задач современного европейского уровня, точнее дальнейшего продвижения европейской интеграции. Например, при приеме в члены Европейского союза у стран-кандидатов должны быть урегулированы территориальные вопросы со странами — членами ЕС. Этот постулат можно читать как наличие у интегрирующихся стран автоматически подразумеваемых добрососедских отношений между собой.

Непопулярное слово в объединенной Европе

В стратегии ЕС [1] о добрососедстве говорится только там, где речь идет об отношениях между собой стран-соседей, то есть третьих стран, а не об отношениях между ЕС и его партнерами и тем более не между союзниками внутри ЕС. Далекое не случайно все выглядит так, как будто международные отношения с участием Европейского союза выстраиваются не добрососедскими, а качественно иными — европейскими, нацеленными не только на поддержание добрых отношений, но и на эффект европеизации соседей.

Евросоюз, и в первую очередь Европейское сообщество, являются результатом особого типа взаимоотношений между государствами, которые базируются на добровольном отказе всеми союзниками от части суверенитета, на образовании новых органов власти и на получении, в конечном итоге, ненулевой суммы или добавленной стоимости (an added value). Получение добавленной стоимости Евросоюз преследует и при формировании отношений с прямыми соседями посредством своей ЕПС: основной добавленной стоимостью должно быть повышение внешней безопасности Евросоюза, включая, прежде всего, ее военную и энергетическую составляющие. При этом предполагается, что новые партнеры ЕС также будут готовы добровольно уменьшить свой государственный суверенитет.

Вследствие внутреннего устройства Евросоюз не стал традиционным субъектом международного права и поэтому вместо «политики доброго соседа» реализует ЕПС, а отношения с соседями строит, как уже сказано, не просто добрососедские, а особые, европейские. Так, в документе [13], сказано, что «Восточное партнерство» будет базироваться на шести обязательствах, которые участники проекта должны на себя взять и выполнять. К ним относятся обеспечение верховенства закона, качественного администрирования, прав человека, прав и защиты национальных меньшинств, принципов рыночной экономики и устойчивого развития (эти позиции часто называют также важнейшими европейскими ценностями). В этом состоит коренное отличие европейского соседства от добрососедства: при выстраивании добрососедских отношений предварительные условия обычно не ставятся. Основные принципы ООН Евросоюзом, конечно, не отвергаются. На них обычно дается «глухая» ссылка в форме упоминания о том, что проект ВП или стратегия ЕПС опираются на нормы международного права.

Важнейшей формой европейских отношений соседства призваны быть ассоциативные³ связи («политическая ассоциация и экономическая интеграция»), в которых Европейское сообщество играет определяющую (в английском тексте [13] — proactive) и цивилизующую роль. Не случайно во всех документах ЕС проект ВП называют «амбициозным». Можно было бы даже сказать, что Евросоюз намерен сыграть незавидную роль неокolonизатора XXI в. (некоторые российские авторы именно это и говорят: в публикации [4] проект ВП называют программой «экономически-инфраструктурного аншлюса», а в [3] — «энергетическим колониализмом»), если бы не одно фундаментальное обстоятельство.

Моральное и иное лидерство Евросоюза в современном мире столь велико, что страны-соседи добровольно выстраиваются в очередь за тем, чтобы отдать часть своего суверенитета и стать членами столь привлекательного клуба. Страны, которые сегодня не могут стать членами ЕС, все-таки рассчитывают на то, что в более отдаленной перспективе такая возможность появится. Особенно это касается Украины, которая настаивала на варианте «продвинутого соседства» (enhanced neighbourhood). Для полноты картины необходимо упомянуть и то, что моральное лидерство ЕС подкрепляется также специальными финансовыми инструментами, в частности ENPI (European Neighbourhood and Partnership Instrument) — Европейский инструмент для соседства и партнерства.

Необходимо отметить еще одно международное обстоятельство, причем достаточно парадоксальное. Оказалось так, что страны Восточной Европы (Беларусь, Молдова и Украина), а также Кавказа (Армения, Азербайджан и Грузия) в отношении сотрудничества с объединенной Европой сильно отстали, например, от стран Средиземноморья или государств группы Ломе, объединенных одноименной конвенцией. Указанные страны уже довольно давно имеют значительные преференции в торговле с ЕС, в то время как членам СНГ такие льготы пока недоступны. Одним из важных толчков в зарождении «Восточного партнерства» стало создание 7 июля 2008 г. Средиземноморского союза. На фоне этого события отставание сотрудничества в Восточной Европе становилось уже просто неприличным. Можно добавить, что уже много лет десятки стран, находящихся далеко от ЕС, имеют с ним безвизовые отношения.

До инициативы ВП географический (почти) центр Европы все больше превращался в «захолустье» в отношении сотрудничества с ЕС. Однако даже после окончательного положительного решения в пользу «Восточного партнерства» на конференции в Праге 7 мая 2009 г. данная инициатива в организационном плане заметно отстает от проекта

³ Известный теоретик европейской интеграции М. Эмерсон дает такое определение режиму ассоциации: «Самоуправляющаяся единица (entity) принимает некоторые или даже многие законы от внешнего субъекта — обычно гораздо более сильного соседа, но при этом не становится частью его политической системы. Такой режим считается легитимным ввиду его добровольного эвентуального либо реального принятия» [1]. Отметим также, что в работе [1] была описана, среди других, модель европейского соседства в форме функциональной паутины (cobweb), которая стала основой официального проекта.

соседства ЕС, развиваемого в Средиземноморье. Средиземноморский союз будет иметь штаб-квартиру и секретариат, расположенные в Барселоне, в то время как у ВП отдельного председательства, постоянной штаб-квартиры либо иной формы многосторонней бюрократии не создается. Основные контакты будут завязаны на Брюссель.

Популярное понятие в России

Во внешнеполитических и иных документах в Российской Федерации термин «добрососедство» используется часто, при этом нередко на весьма почетном месте — в названии или преамбуле. В частности, Договор между СССР и ФРГ от 9 ноября 1990 г. имеет название «О добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве». Понятие добрососедства используется не только в отношении государств как субъектов международного права, но и в том случае, если субъектами (актерами) являются региональные власти, юридические и физические лица на приграничных территориях [6; 7].

Хорошо известны случаи употребления термина «добрососедство» в документах, касающихся сотрудничества в военной сфере. Например, Совет глав государств СНГ 26 августа 2005 г. принял «Решение о Концепции военного сотрудничества до 2010 года», в котором говорится, что «развитие военного сотрудничества государств — участников СНГ в период до 2010 года осуществляется на основе принципов... обеспечения мирного и добрососедского развития государств — участников СНГ» [10].

Российское добрососедство может быть дипломатическим «тяжеловесом» и иметь огромное концептуальное значение. Именно в духе добрососедства происходит формирование всего обширного комплекса международно-правовых основ соседских отношений России и Китая [5]. Данный частный, но чрезвычайно важный случай выстраивания отношений с восточным соседом-гигантом говорит о том, в каком сложном геополитическом положении находится евразийское российское государство. Для продвижения соседских отношений на Западе целесообразно было бы сближать европейский и российский образы жизни и максимально «европеизироваться», возможно даже, что и ассоциироваться с ЕС, в то время как на восточном направлении крайне важно держаться за абсолютный суверенитет и концепцию добрососедства. Для того чтобы совместить две противоречащие концепции (это сделать гораздо труднее, чем разрешить в России ездить на автомобилях с правым и левым рулем), пришлось бы иметь два внутренних законодательства — отдельно для западного и для восточного направлений внешней политики. Так как это, наверное, невозможно, Россия оставляет в силе принцип добрососедства, потому что он пока более универсальный, чем европейское соседство.

В Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. [2] добрососедство играет одну из ролей, определяющих суть и содержание документа. В нем определены восемь целей внешней политики, при этом на четвертом месте находится «формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами». С другими государствами и межгосударственными объединениями, а это значит и с ЕС, ведет-

ся «поиск согласия и совпадающих интересов» (следующая в списке цель). Очевидно, что добрососедство на линии РФ — ЕС не размещается.

В Концепции добрососедство упоминается неоднократно, при этом также в направлении сопредельных государств, не входящих в СНГ, с которыми отношения являются особенно сложными: Япония, страны Балтии⁴.

Полнейший суверенитет, добрососедство и сохранение российского влияния в прямом соседстве⁵ — это «наше все» в современной Российской Федерации, это имеет наивысший приоритет. Это же является, на наш взгляд, одной из причин нарастающих противоречий геополитического характера между РФ и ЕС. Пространство, на котором находятся страны — объекты «Восточного партнерства», стало зоной контакта совершенно разных концепций: жесткого (рыночного) «добрососедства» со стороны России (пример из той же Концепции: «Продолжать согласованную линию на создание условий для эффективного строительства Союзного государства через поэтапный перевод отношений между Россией и Белоруссией на рыночные принципы...»); см. также [9]) и мягкого, с проявлением «финансовой заботы» европейского соседства со стороны ЕС⁶. Ввиду явного столкновения концепций все промежуточное пространство между Россией и ЕС активизировалось: к Украине и Молдове добавилась теперь и Беларусь, руководимая А. Лукашенко.

Сегодня ни о каком участии в программах, в которых Россия была бы «асимметричным» пассивным получателем помощи (примерно так, как это было при осуществлении программы TACIS в 1990-х гг.), не может быть и речи. Россия снова признает только симметрию и не может выступать пассивным объектом, она должна быть субъектом-объектом или «просто» субъектом. Поэтому, когда ЕС в 2007 г. предложил в закамуфлированном виде свою помощь в форме Программы соседства и партнерства, российское руководство ответило симметрично и предложило равнозначный финансовый вклад с российской стороны. Немного позднее оказалось, что внутреннее законодательство России не подготовлено к такой форме сотрудничества («контролю за россий-

⁴ Это вызывает некоторое недоразумение, так как согласно упомянутой цели Концепции «добрыми соседями» должны стать все сопредельные государства, включая, разумеется, и членов СНГ. Получается, что статус отношений в Содружестве и с государствами вне его — одинаков. Это создает трудности в понимании глубокого смысла добрососедства. Кроме того, есть и концептуальная неувязка: ведь в Декларации ООН о добрососедстве говорится как об одном из десяти важнейших принципов международного права, а в российской Концепции — как об одной из восьми целей внешней политики государства. Такой разницей не позволяет дать сегодня непротиворечивое определение добрососедства, что является, однако, весьма желательным.

⁵ Добрососедство можно рассматривать также как одну из форм оказания влияния или сопротивления намерению оказать влияние.

⁶ Выделяемая ЕС финансовая помощь восточным партнерам в сумме 600 млн евро на период до 2013 г. представляется невысокой. Однако для сравнения можно отметить, что США в 2002 г. в рамках Инициативы партнерства на Среднем Востоке первоначально выделяли всего 20 млн долларов, в последующем помощь была увеличена до 145 млн долларов.

скими финансами из-за границы)), и это всерьез затормозило участие России в данной программе.

Автору представляется, что если бы Россия вдруг стала членом ЕС, она не смогла бы получать деньги из его структурных фондов (таких, как, например, Фонд для развития отстающих территорий), ибо это ущемляло бы ее суверенное достоинство. Мы имели бы ремейк того, что уже было с помощью в рамках плана Маршалла, от которой в послевоенное время отказался Сталин. В соответствии с описанной стратегической позицией находятся и знаковое отсутствие России на первой конференции по Европейской политике соседства, состоявшейся в Брюсселе в сентябре 2007 г. и собравшей 16 из всех 17 географических соседей ЕС, а также в Праге в мае 2009 г. на старте проекта «Восточное партнерство», независимо от того, было это неучастие добровольным или Россию предусмотрительно не приглашали, зная, что она откажется от гуманитарной помощи в рамках восточного соседства и установления совершенно неприемлемого для нее сегодня ассоциативного режима, извне нацеленного на внутреннее реформирование соседей Евросоюза.

Где свет в конце туннеля?

В таких условиях трудно рассчитывать на быстрый прогресс в общей Европейской политике восточного соседства, которое должно включать также Россию. Отечественные и международные эксперты практически единодушно предсказывают трудный ход переговоров по заключению нового двустороннего соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС. Данная ситуация системного кризиса изобилует предложениями экспертов по выходу из него. Немецкие аналитики (точнее — фонд Бертельсмана) делают предложение искать пути развития на всем восточном направлении в межгосударственном формате Германия — Польша — Россия [14], то есть не очень рассчитывают на наднациональные евросоюзные институты⁷. В то же время эксперт Центра исследований европейской политики М. Эмерсон предлагает создать равносторонний треугольник ЕС — Россия — Украина для решения хотя бы одного острого вопроса — по энергетическому снабжению Европы российскими энергоносителями [11]. Российские специалисты предлагают [8] готовить «большую сделку» между Россией и ЕС сугубо прагматического характера, которая не только «при-

⁷ Представляется, что Россия и ЕС подошли к некоему пределу сближения, дальше которого двигаться не позволяет проблема концептуальной несовместимости ведения международного сотрудничества обеими сторонами. Суверенная симметрия, допускающая, однако, торг и сделки, из чего исходит Россия, несовместима с неизменностью *acquis* Европейского сообщества, который предоставляет партнерам только возможность подстраиваться под него. Особенно сложна для сотрудничества ситуация в тех сферах, где имеют место конкурирующие компетенции Еврокомиссии и государств — членов ЕС (к ним, в частности, относится энергетика).

крыла» бы разногласия в таких доменах, как, например, ценности или указанный выше опасный геополитический клинч на пространстве ВП, но и создала бы новый, довольно фантастический союз Россия — ЕС, который имел бы наднациональные институты для управления совместной энергетикой.

Очевидно, что в отношении генерации и развития идей на восточном направлении предстоит период больших и малых «мозговых штурмов». Частично для этой цели в проекте ВП предусмотрены четыре тематические многосторонние платформы и организация Форума гражданского общества. Было бы большой «многосторонней ошибкой», если бы от участия в этих мероприятиях оказались отстранены российские специалисты. В то же время потенциальные российские участники этих встреч должны быть хорошо мотивированы на совместный поиск развязок.

Заключение

Сформулируем еще раз, в чем на практике заключается разница между классическим понятием добрососедства и Европейской политической соседства.

Осуществлять добрососедские отношения призваны все страны мира — субъекты международных отношений, действующие на основе важнейших принципов *jus cogens* Организации Объединенных Наций. На этих принципах выстраивают свои внешние сношения также и Россия, и Европейский союз. Для России принцип добрососедства очень важен для сохранения в полном объеме государственного суверенитета и для сотрудничества с государствами-партнерами на основе общих прагматических интересов. Страны, входящие в Европейский союз, также, в принципе, придерживаются данной стратегии.

Одновременно Европейский союз, в лице прежде всего Европейского сообщества, являясь новым политическим субъектом с нечетким суверенитетом, разрабатывает и продвигает свои инициативы евроцентристского характера, объединяемые под названием Европейская политика соседства. Составной частью ЕПС стал проект «Восточное партнерство», нацеленный на шесть государств — бывших республик СССР: Беларусь, Украина, Молдова, Азербайджан, Армения и Грузия.

Можно указать три важнейших отличия ЕПС и ВП от стандартной политики добрососедства:

1) кроме интересов учитываются и в одностороннем направлении внедряются европейские ценности (обычно в количестве шести ценностных позиций: верховенство закона, качественное администрирование, права человека, права и защита национальных меньшинств, рыночная экономика и устойчивое развитие);

2) помимо партнерского сотрудничества, характерного для добрососедства, Евросоюз предлагает в рамках ЕПС двигаться к заключению соглашений о более тесных, ассоциативных отношениях. В предыдущие десятилетия двустороннее соглашение об ассоциации означало

перспективу вступления страны в ЕС; в настоящее время такой сценарий не предполагается;

3) для реализации ЕПС действуют целевые финансовые инструменты, создаваемые, в частности, за счет бюджета Евросоюза.

Отношение России к Европейской политике соседства носит амбивалентный характер. Российская Федерация не участвовала в стартовой международной конференции 2007 г., сформировавшей основы ЕПС. В то же время практическое участие различных российских ведомств, учреждений и неправительственных организаций в программах трансграничного сотрудничества ЕС осуществляется в настоящее время и предполагается в будущем.

Список литературы

1. *Дипломатический словарь*. М., 1948.
2. *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. [Сайт]. URL: www.mid.ru/ns-osndoc.nsf (дата обращения: 18.08.2009).
3. *Колеров М.* «Восточное партнерство»: чем доктрина Брежнева лучше. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1131431.html?forprint> (дата обращения: 18.08.2009).
4. *Колеров М., Зотов В.* «Уход Белоруссии на Запад»: игра и погибель. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1170588.html?forprint> (дата обращения: 18.08.2009).
5. *Планета* диссертаций. [Сайт]. [Электронный ресурс]. URL: http://planetadisser.com/see/dis_70488.html (дата обращения: 18.08.2009).
6. *Приложение к постановлению Совета Федерации ФД РФ от 30.05.2008 г. № 193-СФ*. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. *Проект Федерального закона «О приграничном сотрудничестве»*;
8. *Россия и Европа — возможен ли союз?* // Русский журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://russ.ru/pole/Rossiya-i-Evropa-vozmozhen-li-soyuz> (дата обращения: 18.08.2009).
9. *Россия разводится с СНГ*. [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mail.ru/politics/1309006/print/> (дата обращения: 18.08.2009).
10. *Решение о Концепции военного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств*. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.kulichki.com/megd2007/bz00/dcm00330.htm> (дата обращения: 18.08.2009).
11. *CEPS — The Centre for European Policy Studies Book Store*. [Электронный ресурс]. URL: http://shop.ceps.eu/BookDetail.php?item_id=1848 (дата обращения: 18.08.2009).
12. *Communication from the Commission "European Neighbourhood Policy"* // COM. 2004. 373 final.
13. *Communication from the Commission "Eastern Partnership"* // COM. 2008. 823/4.
14. *Ochmann C.* Im Osten was Neues // Spotlight Europe. 2009. 06.
15. *Council of the European Union. Presidency Conclusions. 7880. 09.* Brussels, 2009.
16. *Council of the European Union. 8435/09 (Presse 78).* Brussels, 2009.
17. *Emerson M.* The Shaping of a Policy Framework for the Wider Europe // CEPS Policy. 2003. № 39. [Электронный ресурс]. URL: www.ceps.be (дата обращения: 18.08.2009).

УДК: 316.44 (316.752)

В. В. Воронов

**СОСТОЯНИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ
И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
ВЫПУСКНИКОВ
ЛАТВИЙСКИХ ВУЗОВ**

Рассматривается отношение выпускников вузов одного из регионов Латвии к материальному благосостоянию и способам его достижения, удовлетворенность молодежи экономическим положением и выбор ее действий на рынке труда в случае с проблемами занятости. Дается оценка личностных ресурсов, интересов, способностей и квалификации выпускников вузов, степени их ориентированности на собственные силы и инициативу, уверенности в завтрашнем дне. Определены экономические интересы выпускников вузов и формируемые этими интересами мотивации и установки их практического экономического поведения в соответствии с определенными типами экономического сознания (мышления).

The article analyses the attitude of university graduates of one of Latvian regions to wealth and the means of its acquisition, their satisfaction with their economic status and preferences in the case of employment problems. The author estimates the personal capability, interests, skills and qualifications of university graduates, the extent of their reliance on their own initiative and resources, and the confidence about future. The article defines the economic interests of the graduates and the motivations and approaches of practical economic behavior formed by these interests according to certain types of economic attitudes.

Ключевые слова: экономическое сознание, экономическое поведение, ценности.

Key words: economic attitude, economic behavior, values, motivation.

Цель исследования — оценка состояния (уровня и характера) экономического сознания и ценностных ориентаций выпускников вузов Латгальского региона Латвии. Латгалия — восточный район Латвии, граничит с Россией (Псковская область), Беларусью, Литвой. Административный центр региона — Даугавпилс, второй по величине (после Риги) город Латвии. Латгалия отличается от других регионов страны (Курземе, Видземе, Земгале) выраженным славянским менталитетом (здесь компактно проживают русские, белорусы, поляки, украинцы), языком общения и традициями жителей, так как около полутора веков регион входил в состав Псковской и Витебской губерний Российского

государства. В Латгалии есть два региональных государственных вуза: Даугавпилсский университет и Резекненская высшая школа, а также филиалы Латвийского университета и Рижского технического университета. Кроме того, в городах Латгалии (Даугавпилсе, Резекне, Екабпилсе, Балви) работают филиалы 6 частных вузов Латвии. Всего в Латвии 34 вуза, из них 19 государственных и 15 частных. Есть и международные вузы, филиалы вузов других стран (скандинавские, российские и другие).

Государственная стратегия в области высшего образования направлена на повышение качества и конкурентоспособности рабочей силы в регионах как важного инструмента снижения региональных различий и обеспечения равномерного территориального развития Латвии. Поощряется сотрудничество с вузами стран ЕС, СНГ для реализации проектов мобильности, обмена. Так, крупнейший в Латгалии региональный вуз — Даугавпилсский университет — имеет (кроме научных связей с университетами стран ЕС, например Торуньским университетом в Польше) договора о сотрудничестве с российскими вузами — с некоторыми факультетами МГУ, СПбГУ, Псковским университетом и др. Это может быть привлекательным и для российской молодежи: Латвия недавно вступила в ЕС; имеется один язык общения; качество образования вполне европейское, особое внимание уделяется практике, а не только получению академических знаний.

Эмпирической базой первого по данной теме исследования в Латвии стало социологическое обследование выпускников вузов Латгалии (они составляют 13 % от общего их количества в стране), проведенное в конце мая — начале июня 2008 г., Центром экономических проектов Института социальных исследований Даугавпилсского университета на основе специально разработанной «Программы исследования экономического сознания выпускников вузов в регионе». По *квотной выборке*, заданной по трем параметрам — пол, возраст, вид полученного в вузе образования — был опрошен 241 выпускник дневной формы обучения по программам «бакалавр» или «специалист» социально-гуманитарных, естественно-научных и инженерно-технических факультетов Даугавпилсского университета, Резекненской высшей школы, а также двух региональных филиалов других латвийских вузов.

Выборка выпускников по полу (72 % — женщины, 28 % — мужчины); по возрасту (72 % — 21—24 года, 16 % — 25—29 лет; 12 % — старше 29 лет, но они не рассматриваются в исследовании), видам полученных в вузах профессий (социально-гуманитарные — 73 %, естественно-научные — 14 %, инженерно-технические — 13 %) соответствует, согласно статистическим данным Министерства образования и науки Латвии, структуре генеральной совокупности [10, p. 142—162; 12].

В статье под экономическим сознанием понимается совокупность знаний, идей, чувств, настроений и других компонентов сознания, которые составляют процесс и результат отражения экономических отношений, явлений и формируют особенности их понимания и восприятия (см. рис.) [4, с. 18; 13].

Рис. Структурная операционализация понятия «экономическое сознание»

Источник: составлено автором.

Главной детерминантой самого экономического сознания как сложной структуры выступает практическое экономическое мышление. Такое мышление включает в себя интересы, мотивы, оценки, которые могут меняться под влиянием внешних изменений экономической практики. Они и составляют содержание практического экономического мышления. Поэтому обществу, его различным институтам необходимо прилагать усилия, прежде всего по наполнению содержания практического экономического мышления молодежи, как и других социальных групп, социально значимыми модусами (ценностями), отвечающими устойчивому развитию экономики [2, с. 36—37, 114—115].

Среди респондентов мы выделили две возрастные группы. Первая — студенческая молодежь 18—24 лет. Процесс получения профессиональных знаний, умений и навыков наиболее интенсивно протекает в этой возрастной группе. Другая группа — 25—29 лет. В этот период первоначальное освоение профессии закончено, идет формирование квалифицированного специалиста. К 29 годам процесс социализации молодежи завершается, и личность полностью формируется как ответственная за свои дела и их результаты в сфере социально-экономических отношений [3, с. 248—249].

Отношение выпускников вузов к экономическим процессам в Латвии

Экономическое сознание респондентов характеризует принятие или непринятие современных правил и отношений в экономической деятельности и ее социальных последствий в стране. Сегодня в экономике Латвии господствует частная собственность (более 90% всех форм собственности). Однако лишь треть респондентов (34%) считают, что развитие и доминирование частной собственности способствует развитию экономики страны. Больше половины респондентов (59%) полагают, что развитие малого и среднего бизнеса — важное условие прогресса экономики Латвии. Это связано с надеждой на рост новых рабочих мест, способствующих занятости населения.

Возможно, такая позиция определяется тем, что основная доля частной собственности в регионе связана с предприятиями малого и среднего бизнеса в сфере услуг, где их невысокая рентабельность рассматривается как одна из форм индивидуального выживания частных собственников [14, с. 45—61]. Развитие конкуренции в бизнесе, на рынке труда и в обществе относят к позитивным процессам 55% выпускников, необходимость инвестиций иностранного капитала в экономику Латвии — 65%. Видимо, это соотносится с пониманием того, что для организации среднего и крупного конкурентоспособного на внешних рынках бизнеса нужны значительные вложения, которыми местные предприниматели не располагают.

Среди процессов, разрушающих экономику Латвии, наиболее часто называют безработицу или ее вероятность (67%), расширение платного образования и других услуг (31%), появление слоя богатых (26%). Тем самым выпускники вузов Латгалии выражают негативное отношение к трудностям реализации своих способностей, к усилению неравности возможностей для получения образования, обеспечения здоровья и т. д. Можно сказать, что наши респонденты достаточно определенно выступают против существующего либерально-прагматического типа развития рыночной экономики в Латвии, за социально ответственную экономику, то есть за более заметную роль государства в управлении экономикой и социальной сферой страны. Так, на вопрос анкеты «Какой вид собственности наиболее эффективен для экономики Латвии?» 34% выпускников вузов Латгалии ответили в пользу «частной собственности на природные ресурсы и капитал (земля, предприятия, финансы)»; 23% высказались за «сочетания частной и государственной собственности с преобладанием частной». То есть 57% респондентов считают преобладание частной собственности эффективным для экономики Латвии. В то же время, отвечая на данный вопрос, 15% респондентов выступили за «господство государственной собственности на природные ресурсы и капитал» и 28% — за «сочетание государственной и частной собственности с преобладанием государственной». В целом более половины (51%) респондентов предпочитают бы сочетание государственной и частной собственности в экономике Латвии, а безусловное господство частной собст-

венности в экономике страны, которое есть в настоящее время, поддерживает лишь треть выпускников вузов Латгалии — 34%.

Отвечая на вопрос «Какие группы работающего населения в наибольшей степени способствуют развитию Латвии?», 63% респондентов отдали предпочтение работникам индустриального сектора; работникам сектора традиционных услуг (торговля, финансы, транспорт, туризм и т.д.) — 60%; работникам информационного сектора услуг (телекоммуникации, связь, информационные технологии и т.д.) — 58%. Высоко оценили роль работников аграрного сектора 27%. По-видимому, зависимость Латвии от импортных продуктов питания, перешагнувшая порог экономической безопасности страны и разрушившая некогда сильное сельское хозяйство региона и страны, беспокоит студенческую молодежь.

Отношение выпускников вузов Латгалии к бедности и богатству

Что касается отношения выпускников вузов Латгалии к богатству, то опрос показал, что более половины респондентов отметили: богатство — не главное в жизни, 53% к нему как к самоцели не стремятся. Вместе с тем достаточно много сторонников получения богатства как законным путем (31%), так и с риском уголовного наказания (12%). Респонденты показали и высокий уровень толерантности в этом вопросе: лишь 4% отметили, что относятся к богатым с недоверием, считая, что они разбогатели за счет других. В целом можно отметить, что выпускники вузов Латгалии под богатством понимают не роскошь, а уровень и качество жизни с устойчивым материальным благополучием, достатком, основанными на личных усилиях и уровне квалификации работающего человека.

Отношение респондентов к труду и выбору профессии

Экономический кризис серьезно обострил проблемы занятости в регионе и в стране: безработица в Латвии за последний год увеличилась с 6,1 до 16,3% и имеет тенденцию к дальнейшему росту [7]. Однако даже в недавних условиях благоприятной экономической ситуации и относительной доступности информации о рынке труда значительное количество латгальских выпускников, как и в других регионах, оказывались в определенной степени не готовыми к переходу от учебы к работе.

Опрос показал, что абсолютное большинство респондентов осознанно выбрали свою профессию. На вопрос «Что привлекает Вас в вашей профессии?» 98% ответили, что специальность интересная и дает возможность для творчества в труде, для профессионального роста (карьеры); хорошо оплачивается (96%). Среди выпускников вузов, обучавшихся на платной основе (29%), удовлетворенные профессией встречаются чаще, чем в целом по совокупности. Эти данные согласуются с результатами исследований, проведенных в России, где анализируются отдельные характеристики экономического сознания и поведения квалифицированной

молодежи [8, с. 59]. При этом настораживает то обстоятельство, что в условиях жесткой рыночной конкуренции за рабочие места практически все 100% опрошенных отметили уверенность в стабильности трудовой деятельности, которую дает специальность. Такой ответ с позиции «должного», но с явным отрывом от реальных трудностей трудоустройства и адаптации на рынке труда в соответствии с полученной профессией и уровнем квалификации выпускников вузов свидетельствует об остроте и сложности процесса их приспособления к новым реалиям и требованиям, связанным с началом трудовой деятельности. При этом личный опыт подработки во время учебы в вузе (его имеют 55% выпускников) явно говорит об ином: лишь у 30% такая подработка была связана с полученной в вузе специальностью, у 33% — лишь частично связана, а у 37% — никак не связана. Кроме того, респонденты со знанием дела ответили на вопрос «Удовлетворяет ли Вас ожидаемый размер заработной платы квалифицированного специалиста в Латвии после окончания вуза?». Лишь 8% отметили, что «вполне удовлетворяет». Большинство же (52%) считает, что уровень зарплаты удовлетворяет лишь частично, и 40% полагают, что он совершенно их не удовлетворяет.

Конкретизация представлений выпускников вузов Латгалии о приоритетах профессий на рынке труда Латвии дала интересные, хотя и весьма субъективные, то есть не вполне отвечающие действительности, была дана в ответах на вопрос «Какие профессии высшей квалификации, по Вашему мнению, востребованы, а какие не востребованы на рынке труда в Латвии?» (табл. 1).

Таблица 1

**Приоритеты профессий высшей квалификации
на рынке труда в Латвии в оценках латгальских студентов
(% от числа ответивших, N = 239)**

Профессия	Востребована	Не востребована
Врач	89	11
Инженер производственных специальностей (энергетик, технолог и др.)	87	13
Инженер строительной специальности	85	15
Инженер по информационным технологиям	84	16
Специалист по транспорту, логистике	77	23
Педагог	74	26
Специалист по экономике, менеджменту, финансам	66	34
Специалист по точным наукам (математика, физика)	59	41
Специалист по естественным наукам (биология, химия и др.)	53	47
Юрист	49	51
Специалист-филолог (журналист, переводчик)	48	52
Специалист по социальным наукам (социолог, психолог, социальный работник и др.)	40	60
Специалист по искусству, музыке, архитектуре	19	81

Ответы респондентов показывают, что в первую тройку самых востребованных профессий высшей квалификации на рынке труда в Латвии, по мнению выпускников вузов, входят: 1) врачи (их отметили 89 % ответивших), 2) инженеры производственных специальностей — 87 %, 3) инженеры строительных специальностей — 85 %. А к первой тройке невостребованных профессий высшей квалификации респонденты отнесли: 1) специалистов по искусству, музыке, архитектуре — 81 % ответивших; 2) специалистов по социальным наукам — социологов, психологов, социальных работников и других (60 %); 3) специалистов-филологов — журналистов, переводчиков (52 %). Возможно, это произошло из-за ограниченного спроса на таких специалистов на региональном рынке труда. В настоящее время ситуация здесь характеризуется неопределенностью конъюнктуры квалифицированной рабочей силы из-за наступившего глубокого кризиса в стране.

Какие трудовые ценности и установки преобладают у студентов? Основными критериями трудовой деятельности респондентов стали «возможность самореализации в труде» (60 %), «поддержка и уважение других людей» (54 %). То есть более половины их рассматривают профессиональную трудовую деятельность как способ самореализации личности, а не только как средство заработка. Такое отношение к труду соотносится у них с высокой значимостью базовых ценностей, выступающих также в качестве ресурсных возможностей личности: образование, карьера, профессионализм (94 %), хорошее здоровье (94 %), крепкая семья (93 %) — и нацелено на «достижение материального благополучия» (83 %).

Отметим, что более половины выпускников вузов обладают опытом частичной занятости на местном и региональном рынках труда, следовательно, имеют вполне реальное представление о конъюнктуре рабочих мест на этих рынках. Примечательно, что 70 % респондентов подрабатывали не всегда по выбранной в вузе специальности. Одна из причин этого — отсутствие в Латгалии на региональном уровне действующей системы профессиональной практики по избранной специальности для студентов старших курсов.

При изучении экономического сознания выпускников вузов возникает необходимость исследовать структуру их значимых целей, притязаний, а также направления, вероятность и методы достижения ими материальных и социальных благ. У респондентов спрашивали: «Кем Вы видите себя через 5 лет, и что из перечисленного сможете иметь?». Предлагалось отметить несколько из возможных и достижимых вариантов. Наибольший процент в ответах выпускников вузов получила такая жизненная ценность, как «хорошая семья, работа по душе» (48 %). Достижимым благом для 25 % оказалось собственное жилье (дом, квартира); 27 % хотят продолжить образование (закончить магистратуру, докторантуру). Такое же количество выпускников рассчитывают жить там, где будут достойно оплачивать их труд, в том числе за пределами Латвии.

Считают достижимыми целями «жить лучше, чем родители» — 20 %, «иметь постоянную работу, но где — неизвестно» — 17 %,

«иметь прибыльный бизнес» — 16%. Последние два ответа свидетельствуют о невысокой предрасположенности респондентов к деловой активности, предприимчивости, что заметно отличается от ориентации российского студенчества, где такая склонность отмечается почти у половины опрошенных [7, с. 59; 9, с. 126]. Одно из последних значений по частоте упоминания получила такая возможность, как «свободно выбирать место жительства и вид деятельности» (10%). Ввиду открытых границ между 27 странами Евросоюза, но различных «фильтрующих» требований национальных рынков труда к специалистам высшей квалификации (сертификация, язык, навыки и опыт работы по специальности и др.) такая возможность становится малоактуальной для большинства выпускников вузов региона. Последнее место в ответах получила возможность «пройти квалификацию, сменить специальность на более востребованную» (9%). Следовательно, привлекательность избранной профессии для 9/10 выпускников вузов Латгалии является вполне осознанной.

Вместе с тем из ответов виден общий невысокий уровень достижения целей и притязаний выпускников вузов (ни один из вариантов ответов не получил хотя бы больше половины голосов респондентов). Данное обстоятельство свидетельствует о преобладании активно-адаптационного и пассивно-адаптационного типов практического экономического сознания (и мышления) выпускников вузов Латгалии над активно-деятельным типом. Это вполне соотносится и с отсутствием у более чем половины ответивших такой желанной цели, как быть богатым. Выше уже отмечалось, что 53% выпускников вузов выбрали ответ «богатство — не главное в жизни, специально к нему не стремлюсь».

Несмотря на происходящие процессы дифференциации в экономическом сознании респондентов, в нем одновременно уживаются две системы ценностей: традиционно-трудовая и индивидуалистическая (рыночно-прагматическая). При ответе на вопрос «Какие ценности Вы разделяете?» наиболее высокие ранги получили следующие жизненные ценности: 1) «образование, карьера», «хорошее здоровье» (94%), 2) «крепкая семья» (93%), 3) «материальное благополучие» (83%), 4) «любить и быть любимой(ым)» (71%). Аналогичные позиции эти ценности занимают и у студенческой молодежи России, других постсоциалистических стран [1, с. 113—119; 8, с. 339]. Более половины ответов получили и такие традиционные трудовые ценности, как «возможность самореализации в труде» (60%), «поддержка и уважение других людей» (54%). К ним примыкает и достаточно значительное число такого ответа, как «жить менее богато, с гарантированным уровнем доходов, без риска» (38%).

Менее трети ответов отражают индивидуалистические ценности: «расчет в жизни лишь на себя и свои силы» (30%), «жить богаче, но рискуя, действуя активно» (17%). Ценность богатства — на последнем месте среди всех ответов. Ее называют лишь 13% выпускников вузов Латгалии. Отношение респондентов к базовым ценностям (ценности-цели) и инструментальным (ценности-средства) показано в таблице 2.

Таблица 2

**Отношение респондентов к базовым и инструментальным ценностям
(% от числа опрошенных, N = 241)**

Вид ценностей	Пози- тивное	Ранг
Образование, карьера, профессионализм	94	1
Хорошее здоровье	94	1
Крепкая семья	93	2
Материальное благополучие	83	3
Любить и быть любимой(ым)	71	4
Возможность самореализации в труде	60	5
Поддержка и уважение других людей	54	6
Жить менее богато, с гарантированным уровнем дохода, без риска	38	7
Расчет в жизни лишь на себя и свои силы	30	8
Жить богаче, но рискуя, действуя активно	60	9
Религия	16	10
Богатство	13	11

Одной из задач исследования было выяснение соответствия между представлением выпускников вузов Латгалии о путях достижения жизненного успеха и представлением о преобладающих в латвийском обществе способах его достижения. Анализ ответов выпускников вузов показал отсутствие заметного разрыва между ними по ряду позиций. Общим в путях достижения жизненного успеха как отдельной личности, так и в общественном представлении является высокая оценка образования, профессиональной подготовки (1-е место в ранжировании ответов). Однако и роль внешних условий в достижении благосостояния заметна. Так, место работы (должность, уровень оплаты) важны для 76% студенческой молодежи, и эти же факторы представляются значимыми в Латвии для социального успеха у 74% опрошенных. «Удача, везение» важны для 80% выпускников вузов; 59% отметили, что это сегодня помогает в Латвии стать успешным. Представляется положительным, что инициативу и настойчивость выбирают как инструмент достижения личного успеха 81% респондентов, в то время как прагматизм, циничность в достижении целей как возможные для себя отметили 50% опрошенных. Вместе с тем о росте конформизма в массовом сознании свидетельствуют и последние места в ранжировании ответов выпускников о том, что сегодня в Латвии помогает стать успешным: «добросовестный труд» — 43% (8-е место), «прагматизм, циничность в достижении жизненных целей» — 38% (9-е место), «честность, принципиальность» — 23% (12-е место).

В ответах большинства респондентов прослеживается устойчивая корреляция между их притязаниями и способами достижения жизненного успеха (профессиональная подготовка, высокая квалификация, хорошее здоровье). Вместе с тем в их экономическом сознании проявляется двойственность установки — одновременно на авантюрно-

внешние способы достижения жизненного успеха («удача, везение» — 80 % ответов) и на трудовые активно-деятельные способы («инициатива, настойчивость» — 81 % ответов). Эту амбивалентность экономического сознания выпускников вузов Латгалии можно объяснить своеобразным приспособлением к складывающейся ситуации в современной социально-экономической среде Латвии. С одной стороны, в условиях членства страны в ЕС и резко возросшей территориальной мобильности молодежи, интеграции в глобальную экономику действительно возросла степень везения, случая в достижении жизненных целей молодежи. Однако, с другой стороны, на локальном уровне многое продолжают решать такие традиционные личностные трудовые установки, как компетентность, инициатива, настойчивость молодых людей.

Весьма положительно, что в экономическом сознании выпускников вузов Латгалии в аспекте достижимости социально-экономических целей заметно возросла роль высшего образования и профессионализма. Заслуживает положительной оценки и тот факт, что вузовская молодежь, получая высшее образование и жизненный опыт в условиях либеральной рыночной экономики Латвии, не демонстрирует подавляющего смещения интересов в сторону прагматизма как базовой категории рациональности рынка. Эти интересы разделяют от 38 до 50 % опрошенных.

На наш взгляд, это можно объяснить тем, что в Латгалии основной состав населения — латыши (около 44 %) и русские (около 40 %) [11, с. 142—143]. Оба эти народа принадлежат к «женскому» типу культуры (согласно этнометрическому подходу Г. Хофстеда к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей), для которого характерны забота о ближних, приоритет семейных ценностей и которому чужда эгоистическая установка на индивидуалистическую пользу и выгоду [6, с. 80—86]. Следовательно, мы имеем дело с определенным консерватизмом экономического мышления выпускников вузов Латгалии, несмотря на то, что современная молодежь мобильна, толерантна и легко принимает в свой ценностный мир материальные блага и деньги. Оказывается, для большинства жизненный успех может быть достигнут не любой ценой, а для почти половины респондентов его достижение окрашивается этической нормой справедливости, предполагающей, что социальный статус человека определяется его собственными усилиями в реализации способностей, а не только внешними обстоятельствами (личные связи, место жительства, место работы и другое).

На основе проведенного исследования можно сделать **вывод**, что для экономического сознания выпускников вузов региона противоречивая двойственность представлений в восприятии рыночных ценностей (индивидуализм, рациональность, стремление к выгоде и наживе) и нерыночных (коллективизм, стремление к справедливости, к материальному благополучию, а не к богатству как самоцели и др.) будет сохраняться и в обозримые годы. Сегодня у студентов региона преобладает промежуточный тип экономического сознания — активно-адаптационный. Что касается выпускников вузов региона, то они обладают

востребованным в имеющейся экономической ситуации личностным потенциалом: социально значимыми модусами (ценностями), пониманием современных требований к ним на рынке труда, возможностей и границ влияния на происходящие социально-экономические процессы в обществе на основе собственных усилий.

Сопоставительный анализ наших данных с данными, полученными российскими авторами, показывает сходство экономического сознания и ценностных ориентаций латгальских и российских выпускников вузов по отдельным характеристикам (отношение к труду, выбору профессии, богатству, к базовым, смысложизненным ценностям и т.д.) [1; 7—9]. Поэтому представленные результаты могут быть полезны в дальнейших сравнительных исследованиях по аналогичной проблематике.

Список литературы

1. Багдасарьян Н. Г., Немцов А. А., Кансузян Л. В. Послевузовские ожидания студенческой молодежи // Социологические исследования. 2003. № 6.
2. Бороноев А. О., Смирнов П. И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. 2-е, доп. изд. СПб., 2001.
3. Волков Ю. Г., Елифанцев С. Н., Гулиев М. А. Социология: учебное пособие. М., 2007.
4. Воронов В. В. Экономическое сознание и экономическая практика на рубеже XXI века. СПб., 2003.
5. Коляко Н. По уровню безработицы в мае Латвия — вторая в ЕС. URL: <http://www.baltic-course.com> (дата обращения: 20.06.2009).
6. Латова Н., Латов Ю. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // Вопросы экономики. 2008. № 5.
7. Мозильчак Е. Л. Экономические ориентации студенчества — их взаимосвязи и методы формирования // Социологические исследования. 2005. № 10.
8. Троцук И. В. Студенчество постсоциалистических стран: ценностные ориентации // Сорокинские чтения. Отечественная социология: обретение будущего через прошлое: тез. докл. IV Всероссийской научной конференции. Рязань, 2008.
9. Тюрина Ю. А. Образовательная ситуация в дальневосточном регионе в представлениях студентов // Социологические исследования. 2008. № 11.
10. Eglītis J. Izglītība zināšanu ekonomikā // Izglītība zināšanu sabiedrības attīstībai Latvijā. Zinātniski pētnieciskie raksti. 2007. № 2 (13).
11. Latvijas statistikas gadagrāmata 2007. Rīga, 2008.
12. Melnis A., Abizāre V. Pārskats par Latvijas augstāko izglītību 2008.gadā (skaitļi, fakti, tendences). Izglītības un zinātnes ministrija, Augstākās izglītības un zinātnes departaments. Rīga, 2009. URL: <http://izm.izm.gov.lv/registri-statistika/statistika-augstaka/3290.html> (дата обращения: 28.08.2009).
13. Voronov V. Sociology of economic practice and economic consciousness: questions of methodology. Daugavpils, 2008.
14. Voronovs V., Petrova I., Račko E. Reģionālās ekonomikas konkurētspējas paaugstināšana un aktīvā adaptācija globalizācijas apstākļos. Daugavpils, 2006.

УДК 811.161.1.

Н. В. Брунова**Л. В. Московкин****Е. Е. Юрков**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ (МАПРЯЛ)
И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СТРАНАХ
БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА**

Приводятся общие данные о Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и основных направлениях ее деятельности. Особое внимание уделяется деятельности МАПРЯЛ в странах Балтийского региона. Дается подробное описание Международного фестиваля русского языка в странах Балтии, мероприятий, проводимых МАПРЯЛ в Германии, Польше, Финляндии, Швеции и Дании.

The article offers general information about the International Association of Teachers of Russian Language and Literature (IATRLL) and its main lines of activity. The authors focus on the activity of the IATRLL in the Baltic Sea States offering a detailed description of the International Festival of Russian Language in the Baltic Sea States, and the events held by the IATRLL in Germany, Poland, Finland, Sweden, and Denmark.

Ключевые слова: Балтийский регион, русский язык, функционирование русского языка, фестивали русского языка, научные и культурно-просветительские мероприятия.

Keywords: Baltic Region, Russian language, Russian language functioning, Russian language festivals, cultural and educational events

Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) была создана на Учредительной конференции в Париже (7—9 сентября 1967 г.) по инициативе ученых ряда стран мира как общественная неправительственная организация. Именно в те годы научной ответственностью была осознана необходимость широкого распространения русского языка в мире, его изучения и преподавания. В 1975 г. ассоциации был предоставлен консультативный статус ЮНЕСКО категории «С». В настоящее время МАПРЯЛ является неправительственным общественным объединением, которое преследует цель популяризации, сохранения, развития и изучения русского языка и литературы как части мировой культуры.

Сегодня ассоциация объединяет русистов более чем 70 стран мира. Среди них теоретики и практики, вузовские преподаватели и школьные учителя, переводчики, культурологи, общественные деятели. Более 200 из них удостоены высшей награды МАПРЯЛ — медали имени А. С. Пушкина за заслуги в распространении и преподавании русского языка.

В состав ассоциации входят около 300 коллективных и индивидуальных членов. В своей деятельности МАПРЯЛ опирается прежде всего на коллективных членов, и главным образом на национальные ассоциации русистов. Можно считать заслугой МАПРЯЛ тот факт, что благодаря плодотворной работе национальных объединений русистов во многих странах Европы,

Азии, Америки и Африки созданы влиятельные научные школы, подготовлены высококвалифицированные кадры филологов, написаны интересные современные учебники русского языка, организован обмен мнениями и опытом на многочисленных международных научных конференциях.

Ассоциация ежегодно организует 25—30 научных конференций в разных странах мира, один раз в четыре года — международные конгрессы преподавателей русского языка и литературы, один раз в три года — международные олимпиады школьников по русскому языку. За 42 года ее существования в разных странах мира было проведено около 650 научных конференций, симпозиумов и конгрессов.

Большая роль в работе МАПРЯЛ по организации и координации деятельности русистов разных стран мира принадлежит периодическим изданиям: выпускаются научный и учебно-методический журнал «Русский язык за рубежом», информационный бюллетень «Вестник МАПРЯЛ», постоянно обновляется сайт МАПРЯЛ в Интернете (адрес www.maryal.org), который функционирует в рамках интернет-портала «Русское слово».

Объект особого внимания МАПРЯЛ — сохранение русского языка и поддержка его преподавания в странах Балтийского региона. Среди них особое место занимают Эстония, Латвия и Литва, ранее входившие в состав СССР. В этих странах проживает значительное число людей, для которых русский язык является родным. Многие эстонцы, латыши и литовцы прекрасно владеют русским языком и часто используют его в общении. Молодое поколение в этих странах — студенты и школьники — тоже заинтересовано в знании русского языка. При этом руководящие круги Прибалтийских государств проводят политику, направленную на «выдавливание» русского языка и из сферы образования, и из сферы межэтнического общения. В этих условиях возрастает роль мероприятий МАПРЯЛ, направленных на поддержку русского языка в данных странах, — научных конференций и методических семинаров, фестивалей и праздников русского языка и русской культуры.

Наиболее крупным из таких мероприятий был Международный фестиваль русского языка в странах Балтии, который проходил в декабре 2006 г. Главной задачей фестиваля была популяризация русского языка. Фестиваль включал широкую конкурсную программу — конкурс на лучшее владение русским языком, который был призван раскрыть творческий потенциал его участников, дать им возможность продемонстрировать свои знания и умение пользоваться богатством и выразительностью русского слова.

Конкурс проводится для четырех категорий участников: 1) школьники и учащиеся средних специальных учебных заведений (училищ, лицеев, колледжей и т. п.), для которых русский язык — родной; 2) школьники и учащиеся средних специальных учебных заведений, для которых русский язык является иностранным; 3) студенты высших учебных заведений, для которых русский язык — родной; 4) студенты высших учебных заведений, для которых русский язык является иностранным.

Конкурс состоял из трех туров. В первом туре его участники (а их оказалось около 2000 человек) выполняли 25 тестовых заданий, разработанных для каждой категории. Им нужно было продемонстрировать знание фонетических, лексических, грамматических и стилистических

особенностей русского языка, знание русской культуры. Победители этого тура (около 350 человек) приняли участие во втором туре, где им было предложено написать сочинение (эссе) на заданную тему:

— для школьников обеих категорий — «Если бы у людей не было языка, его стоило бы придумать»;

— для студентов обеих категорий — «Слово — мостик между человеком и жизнью».

Третий, финальный тур проходил в Санкт-Петербурге, куда были приглашены победители второго тура: 10 конкурсантов из Эстонии и по 12 из Латвии и Литвы. Основная задача состязаний участников этого тура — показать, как они владеют спонтанной устной речью. Именно это они и продемонстрировали на заключительной церемонии фестиваля, которая проходила 8 декабря 2006 г. в Санкт-Петербургском университете. Вот имена победителей:

Место	Школьники (родной русский)	Школьники (неродной русский)	Студенты (родной русский)	Студенты (неродной русский)
1-е	Елизавета Лукьянова (Эстония)	Анна Скрытника (Латвия)	Александра Самунина (Эстония)	Илзе Померанце (Латвия)
2-е	Ольга Иванова (Литва)	Анна Стрезева (Эстония)	Таисия Ковригина (Литва)	Илона Улявичюте (Литва)
3-е	Санта Кратуле (Латвия)	Анна Белинска (Латвия)	Николай Мамзелёв (Литва)	Кристина Гавина (Литва)

Для участников третьего тура в Санкт-Петербурге была организована интересная культурная программа. Школьники и студенты познакомились с Санкт-Петербургом, побывали в Золотых кладовых Государственного Эрмитажа, самого известного музея России. Но самый главный результат фестиваля в том, что его участники познакомились друг с другом и подружились. Общались они, конечно же, на русском языке. И не менее важен общественный резонанс этого события, которое широко освещалось средствами массовой информации Эстонии, Латвии, Литвы и России.

Важное направлением деятельности МАПРЯЛ — поддержка русского языка в Германии. В общеобразовательных школах этой страны русский язык изучается как обязательный предмет (в частности, в большинстве Вальдорфских школ, где этот предмет охватывает всю начальную ступень обучения), как обязательный предмет по выбору или как факультативный предмет. Изучают его и во многих университетах. Кроме того, в Германии в настоящее время проживает большое число бывших советских граждан, которые заинтересованы в сохранении русского языка в своих семьях. Вот почему МАПРЯЛ принимает активное участие в мероприятиях, которые проводятся на территории Германии.

В 2007 г., который был объявлен Президентом России В. В. Путиным Годом русского языка, МАПРЯЛ приняла активное участие в XX международной выставке языков и культур «Эксполингва» в Российском

доме науки и культуры (РДНК) в Берлине. В основе разработанной организаторами концепции российской экспозиции было понимание того, что русский язык — язык великой культуры, науки, авторитетной системы образования и быстро растущего бизнеса — является мощным инструментом формирования позитивного имиджа России, повышения ее международного авторитета. Работа российской экспозиции прошла под общим девизом: «Русский язык — ключ к взаимопониманию и деловому партнерству».

В 2008 г. в том же РДНК в Берлине силами МАПРЯЛ был организован Праздник русской словесности, который стал одним из подготовительных этапов Европейского фестиваля русского языка. В ходе его был проведен творческий конкурс для победителей первого тура фестиваля. Участникам конкурса из русских семей было дано задание составить монолог на тему «Что значит для меня русский язык и русская культура в моей жизни за границей», а иностранцам, изучающим русский язык, предложено рассказать о любимой русской книге. Кроме того, для них же был организован и конкурс русской песни.

При помощи МАПРЯЛ и немецких ассоциаций учителей русского языка в Германии проводятся научно-методические конференции и семинары, например конференция «Преподавание русского языка в объединенной Европе» (2008) методическое совещание-семинар по вопросам изучения и преподавания русского языка как иностранного (2009). Все они вызывают живой интерес педагогической общественности Германии.

Еще одно важное направление работы МАПРЯЛ в Балтийском регионе — поддержка русского языка в Польше. До 1990 г. русский язык занимал первое место среди иностранных языков, изучаемых в этой стране. В дальнейшем он утратил лидирующие позиции, уступив место английскому и немецкому языкам. Однако в последнее время число желающих изучать русский язык растет с каждым годом. Конкурсы на русские отделения университетов — одни из самых высоких в стране. В этих условиях снова возникает необходимость подготовки и повышения квалификации преподавателей русского языка. В последние пять лет при поддержке МАПРЯЛ прошел ряд крупных методических конференций в разных польских городах, например: в Варшаве конференция «Человек. Коммуникация. Интернет» (2008), в Люблине конференция «Современная русистика в формировании единого культурного и информационного пространства Европы» (2009).

В меньшей степени МАПРЯЛ сотрудничает с русистами других стран Балтийского региона — Финляндии, Швеции, Дании, и это во многом обусловлено тем, что изучение русского языка в них не так распространено, как в Германии, Польше или Прибалтике, однако в Финляндии и Швеции существуют национальные объединения учителей русского языка. Они являются членами МАПРЯЛ и тоже нуждаются в методической помощи. Вот почему в планах руководства МАПРЯЛ — расширение контактов с русистами из этих стран, проведение совместных мероприятий, привлечение их к более активному участию в мероприятиях, которые проводятся в других странах Балтийского региона.

РОССИЙСКИЙ ЭКСКЛАВ НА БАЛТИКЕ

УДК: 327

А. П. Клемешев

РОССИЙСКИЙ ЭКСКЛАВ НА БАЛТИКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ЭКСКЛАВНОСТИ И ПОИСК ПУТЕЙ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Рассматриваются особенности возникновения и эволюции эксклавности Калининградской области. Анализируется воздействие эксклавности на связи региона с основной частью России, его экономическое развитие, управление эксклавом и идентичность калининградцев; а также недостатки и пути их преодоления.

The author considers the peculiarities of emergence and evolution of exclavity of the Kaliningrad Region. This article analyses the influence of exclavity on the connections of the region with the Russian mainland, its economic development, exclave administration, and Kaliningrad identity and examines the ways in which the existing disadvantages can be overcome. Methods of overcoming these disadvantages are suggested in the article.

Ключевые слова: эксклавность, Калининградская область, отделенность эксклава, экономическое развитие эксклава, управление эксклавом, идентичность калининградцев, преодоление недостатков эксклавности

Keywords: exclavity, Kaliningrad region, exclave's isolation, exclave's economic development, Kaliningrad identity, overcoming disadvantages of exclave character.

Возникновение эксклавности

Калининградская область РСФСР была образована 7 апреля 1946 г. в соответствии с решениями Потсдамской конференции держав-победительниц во Второй мировой войне на трети территории бывшей немецкой Восточной Пруссии. Население области сформировалось за счет организованного переселения (на добровольной основе), начавшегося в 1945 г. и ставшего массовым после принятия в августе 1946 г. соответствующего решения Совета Министров СССР. Немецкое население или эвакуировалось вместе с отступавшими немецкими войсками, или было выселено в 1947—1951 гг. в Германию.

В связи с переселением на территорию Калининградской области жителей преимущественно из «русских» областей РСФСР здесь формируется эксклав с преобладанием русского населения (впрочем, по данным переписи 2002 г., 18% жителей Калининградской области относят себя к другим национальностям: белорусам, украинцам, литовцам и др.). Эксклавность в рамках единого государства была минимальной, и это обстоятельство в период существования СССР, как

представляется, не оказывало существенного влияния на социально-экономическое развитие региона.

В экономическом отношении эксклавность области была невелика, поскольку основная часть региональной экономики подчинялась общесоюзным министерствам. Однако «гарнизонный» характер области (которая была полностью закрыта для посещения иностранцами) усиливал ее специфику.

Базовые характеристики складывавшейся в регионе территориальной общности людей определялись не «оторванностью» от РСФСР, а особенностями формирования социума («регион переселенческого социализма»), предыдущей немецкой историей области и особенностями ее узкой («гарнизонно-рыбопромышленной») специализации в рамках всей страны.

Ситуация начала меняться с началом суверенизации республик Прибалтики на рубеже 1980—1990-х гг. и радикально изменилась еще до формального прекращения существования Советского Союза, а именно 6 сентября 1991 г., когда руководство СССР официально признало независимость Прибалтийских республик — Литвы, Латвии, Эстонии. Отделенность Калининградской области от основной части России из второстепенной черты превратилась в первостепенную особенность, определяющую характер социально-экономического развития и повседневной жизни региона. Возникла необходимость в определении этого нового положения. В этой связи наиболее подходящими оказались понятия «анклав» (или «полуанклав») и «эксклав», использовавшиеся в географической науке применительно к изолированным территориальным образованиям.

От юридической к реальной эксклавности

Эксклавность как признак, характеризующий специфику Калининградской области, не остается неизменной, а эволюционирует с течением времени. Можно говорить о процессе нарастания эксклавности в ходе становления и бывших союзных республик Прибалтики, и Российской Федерации как суверенных государств.

Калининградская область стала сначала советским эксклавом, а после распада СССР в декабре 1991 г. эксклавом Российской Федерации в окружении зарубежных стран. Изменившееся экономико-географическое и геополитическое положение создало значительные трудности в функционировании и реформировании региональной экономики. Разрыв традиционных хозяйственных связей между предприятиями, возникновение пограничных барьеров, проблемы транзита грузов привели к ослаблению конкурентоспособности традиционной для области продукции. Стало свертываться производство на предприятиях машиностроения, рыбной и целлюлозно-бумажной промышленности.

Условия не только развития, но и жизнеобеспечения области усложнились. Расстояние по прямой от границы Калининградской области до другой ближайшей российской области — Псковской — превы-

шает 370 км. Для того чтобы попасть сухопутным путем из Калининграда в Москву, нужно пересечь территории двух независимых государств — Литвы и Беларуси.

Своего рода «амортизатором» социально-экономического положения региона в первой половине 1990-х гг. стала приграничная (прежде всего, мелкая «челночная») торговля, развивавшаяся благодаря «прозрачности» границ и градиентам в ценах на товары в Польше, Литве и Калининградской области. Таким образом, «прозрачность» государственных границ в какой-то мере смягчала издержки эксклавного положения области, облегчая немалой части жителей региона выживание в новых экономических условиях. Но в то же время она создавала такие проблемы как контрабанда, неуплата налогов и т. д.

Возникшая с Калининградской областью ситуация первоначально не привлекла надлежащего внимания федеральных органов власти, поскольку в это время решались еще более сложные вопросы становления самой российской государственности. К тому же сначала не возникало острых проблем транзита пассажиров и грузов через территории бывших союзных республик, ставших независимыми государствами де-юре, но сохранившими часть прежних, характерных для единой страны, экономических взаимоотношений де-факто. Ведь становление суверенных государств не является одномоментным актом. Можно говорить о более или менее длительном процессе *суверенизации*, только начавшемся с провозглашения независимости Литвой, Латвией и Эстонией и признания этой независимости со стороны СССР. Суверенизация бывших союзных республик осуществлялась в рамках курса на свертывание экономических связей с Россией и на вступление в ЕС и НАТО.

Пограничный режим усиливался постепенно. До 2003 г. жители области могли посещать Польшу по загранпаспортам, но без виз, а Литву — по паспортам СССР с пропиской в Калининградской области и специальным вкладышем, удостоверяющим, что его владелец является гражданином РФ (позднее — по российским общегражданским паспортам с пропиской в Калининградской области).

Не ожидалось, что какие-либо проблемы с транзитом возникнут и в будущем — хотя бы потому, что до 1995 г. еще не вступили в силу Шенгенские соглашения и не предполагалось столь быстрое вступление в Евросоюз и присоединение к этим соглашениям Польши и Прибалтийских стран.

В самой Калининградской области ее эксклавность также не была осознана в должной мере и рассматривалась, прежде всего, как предпосылка ускоренного развития региона путем вхождения его в европейское экономическое пространство и использования западного опыта для развития рыночных отношений. С этой целью предполагалось использовать апробированный во многих странах механизм свободной экономической зоны, способный, как ожидалось, привлечь иностранные инвестиции и передовые технологии для модернизации региональной экономики.

Двадцать пятого сентября 1991 г. вся территории Калининградской области (за исключением участков, имеющих стратегическое значение)

была объявлена свободной экономической зоной (СЭЗ) «Янтарь». А 22 января 1996 г. был принят федеральный закон № 13-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области».

Режим СЭЗ «Янтарь» в условиях экономических трудностей, связанных с распадом СССР и становлением в стране и в регионе рыночной экономики, лишь частично оправдал возлагаемые на него надежды. Он не предотвратил деиндустриализацию хозяйства области, вызванную разрывом внешних экономических связей ставшего эксклавым региона. Более того, беспошлинный импорт дешевых и качественных товаров народного потребления способствовал спаду их производства в регионе.

ОЭЗ в 1990-е гг., по сути, превратилась в механизм выживания экономики региона в изменившихся условиях. Таможенные льготы в определенной степени компенсировали предприятиям и населению региона растущие затраты на транзит грузов и пассажиров через территории зарубежных стран в транспортном сообщении области с основной частью страны.

Экславность Калининградской области продолжала усиливаться с расширением ЕС и НАТО на восток. Проблемы связей области с основной частью России серьезно осложнили в 2002 г. отношения между Российской Федерацией и Евросоюзом. В конечном итоге на саммите ЕС — Россия в ноябре 2002 г. в Брюсселе было найдено решение о транзите людей, заключающееся во введении упрощенного транзитного документа (УТД) и упрощенного проездного документа по железной дороге (УПД-ЖД).

С введением УТД и УПД-ЖД при транзите через Литву, а с 2003 г. и визового режима посещения Литвы и Польши калининградцами Калининградская область превратилась в эксклав уже без всяких оговорок. С 1 января 2005 г., когда для получения россиянами УПД-ЖД стал требоваться уже не общегражданский, а заграничный паспорт, изоляция эксклавного региона от основной части России еще более усилилась.

После вступления 1 мая 2004 г. в ЕС Польши и Литвы область стала анклавом расширившегося Европейского союза. Из-за имевшихся разногласий России и ЕС так и не удалось достичь к тому моменту взаимоприемлемых договоренностей о калининградском грузовом транзите. В итоге процедура оформления грузов на границе стала более сложной и дорогой, а сам транзит через Литву (из-за фитосанитарного и ветеринарного контроля, а также других платных услуг, введенных литовской стороной) подорожал в 1,3—1,5 раза. И проблемы грузового транзита между Калининградской областью и основной частью России окончательно не решены до сих пор.

Дальнейшее усиление экславности Калининградской области связано с вступлением в силу Соглашения о взаимном упрощении выдачи виз гражданам РФ и Евросоюза. Оно облегчило получение виз в ЕС гражданам других регионов России, но одновременно привело к отмене с 1 июня 2007 г. бесплатных многократных виз в Польшу и Литву, которые выдавались с 2003 г. жителям Калининградской области. Визы стали платными, и для их получения необходимо иметь приглашение (за исключением некоторых категорий граждан). Упрощенный транзит для калининградцев в Россию и жителей основной части России в область на железнодорожном и автомобильном транспорте при этом сохранился.

С 21 декабря 2007 г. Литва и Польша присоединились к Шенгенскому соглашению. Это не сказалось на калининградском грузовом транзите через Литву, но вновь усложнило получение калининградцами польских и литовских виз (национальные визы этих государств было получить проще, чем шенгенские, открывающие доступ во всю Шенгенскую зону). К тому же Калининградская область оказалась внутри еще одного чужого для нее пространства, «играющего» по своим правилам, — на этот раз шенгенского. Создавшие это пространство страны Европейского союза жестко придерживаются согласованных принципов в отношении с внешним миром, и с учетом этих принципов приходится налаживать трансграничное сотрудничество Калининградского региона.

Таким образом, можно констатировать, что эксклавность Калининградской области с точки зрения возможностей ее сообщения с основной частью России и поездок в соседние государства за период с момента ее формального возникновения усилилась, и весьма существенно. Область превратилась из юридического в фактический эксклав, значительно усложнилось поддержание связей региона с основной территорией России.

Четыре аспекта эксклавности

Но эксклавность, понимаемую как отделенность территории от «материнского» экономического, политического и социокультурного пространства политическими границами, нельзя сводить только к проблеме свободы транзита людей и грузов. Можно выделить четыре основные группы проблем, связанных с эксклавностью Калининградской области.

1. Усиление отделенности области от основной части России (причем понятие «отделенность» является политическим, в отличие от географического понятия «удаленность»).

2. Необходимость разработки и ввода в действие адекватных механизмов решения экономических проблем, встающих перед эксклавным регионом.

3. Проблемы, связанные с управлением регионом («особость» геополитического положения предполагает и особые механизмы управления региональным развитием).

4. Проблемы идентичности регионального социума.

Остановимся на каждом из этих четырех аспектов эксклавности подробнее.

Отделенность эксклава

Связь с основной частью России имеет для Калининградской области жизненно важное значение, причем не только и не столько в экономическом, сколько в политическом и социокультурном планах. Этот вопрос может послужить (и нередко служит) источником серьезных конфликтов, как это уже происходило в отношениях России и ЕС в

2002 г. И хотя по проблеме доступа в Калининградскую область удалось найти компромиссное решение, более или менее устраивающее обе стороны, ситуация отнюдь не стала бесконфликтной. Это подтверждают, например, нынешние противоречия, связанные с применением к Калининградской области шенгенских правил и норм.

Эксклавность объективно усиливает зависимость Калининградской области от соседей, их законов, правил и регламентов, причем речь идет уже не о Польше и Литве, а о законах, правилах и регламентах расширившегося Евросоюза. Российская территория ставится перед необходимостью «играть» по чужим правилам, на формирование и применение которых она, даже с помощью федерального Центра, повлиять не может.

Экономическое развитие

Калининградская область с ее относительно небольшим населением сталкивается с проблемой недостаточной емкости внутреннего рынка, что препятствует развитию региональной экономики. Вместе с тем вследствие высоких транспортных издержек и требующих времени таможенных процедур при пересечении границы (причем не одной) региону достаточно трудно работать на общероссийский рынок. Работе же на внешние рынки препятствовали многочисленные тарифные и нетарифные барьеры, невысокое качество продукции или ее несоответствие зарубежным стандартам и др. В итоге способом преодоления неблагоприятных условий, как уже указывалось выше, стало придание Калининградской области статуса сначала свободной (СЭЗ), а потом Особой (ОЭЗ) экономической зоны.

Эффективность режима СЭЗ/ОЭЗ в Калининградской области однозначно оценить трудно. Но, так или иначе, именно благодаря этому режиму в регионе была создана новая, импортозамещающая и быстро растущая экономика, ориентированная, прежде всего, на поставки продукции в другие регионы России. Тем самым по крайней мере один важнейший недостаток эксκлавности — угроза автаркии — на настоящий момент преодолен.

Однако влияние эксκлавности на развитие региональной экономики все еще не устранено. Она сказывается на повышенной стоимости и увеличении сроков доставки потребительских товаров из других российских регионов в Калининградскую область. Отрицательным фактором является и необходимость прохождения таможенных и фитосанитарных процедур при транзите грузов через территорию Литвы. Поэтому российских товаров в магазинах области меньше, чем в среднем по стране, и они дороже. Удорожает стоимость потребительской корзины и более высокий удельный вес импортных товаров. В результате, согласно данным Росстата [3], в июне 2009 г. стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в Калининградской области была на 9 % выше, чем в среднем по России, а стоимость минимального набора продуктов питания выше на 15 %. При

этом среднемесячная заработная плата в I полугодии 2009 г. на 10 % уступала среднероссийской¹.

Эксклавность является фактором, увеличивающим зависимость экономического положения региона от внешних воздействий. Так, начавшийся во второй половине 2008 г. мировой экономической кризис сказался на экономике Калининградской области сильнее, чем в большинстве регионов страны. В I полугодии 2009 г. по сравнению с тем же периодом 2008 г. выпуск продукции калининградскими обрабатывающими производствами составил 74,7%, тогда как в среднем по России — 78,7%, строительство жилых домов — 81,4% (по России — 99,7%). Уровень общей безработицы, по данным обследований населения по проблемам занятости, в мае 2009 г. достиг 11,6% (по России — 8,5%). Почти в полтора раза снизился миграционный прирост населения, тогда как в среднем по России он даже несколько возрос [3].

Для того чтобы кардинально изменить ситуацию, необходимо, по нашему мнению, наполнить эксклав новым экономическим содержанием за счет больших («флагманских») проектов, которые значимы и для региона, и для России в целом и выгодны в плане участия области в общероссийском и международном разделении труда. Это не исключает поддержки малого и среднего бизнеса, но достичь экономической безопасности региона, преодолеть угрозу стать «двойной периферией» (и России, и Европейского союза), сформировать позитивный имидж области, сгенерировать необходимые ресурсы для реализации социальных программ можно, прежде всего, за счет «флагманских» проектов.

Именно такой курс и реализуется в настоящее время в регионе согласно утвержденным в 2006—2007 гг. документам — Стратегии социально-экономического развития Калининградской области на средне- и долгосрочную перспективу [4] и Программе социально-экономического развития Калининградской области на 2007—2016 гг. [1].

Стратегия и Программа опираются на новый закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области», стимулирующий привлечение крупных инвестиций в экономику региона [7]. В итоге реализации намеченных планов Калининградская область должна превратиться в один из регионов-лидеров на Балтике.

Примерами реализуемых и перспективных больших проектов могут служить Приморское транспортное кольцо, паромная линия Балтийск — Усть-Луга, реконструкция и строительство Пионерского порта. Одним из наиболее перспективных проектов является Балтийская АЭС, которая не только обеспечит растущие энергетические потребности области и реализацию других больших проектов, но и по-новому позиционирует ее в системе международного разделения труда (за счет экспорта электроэнергии в страны Балтийского региона).

---

¹ Правда, следует учитывать развитость в регионе малого бизнеса и индивидуального предпринимательства, приграничной торговли, доходы от которых трудно поддаются точному статистическому учету. В действительности уровень доходов населения существенно выше официальных данных.

Управление эксклавом

С точки зрения управления ключевым является то, что в Калининградской области трудно отделить внутреннюю политику от внешней, так как многие вопросы ее развития обусловлены отношениями Российской Федерации с третьими странами. Например, решения федерального Центра по изменению таможенного законодательства, по ограничению импорта мяса из Польши и т. п. сильно и часто негативно сказываются на экономике области, тогда как для других российских регионов они могут иметь положительное значение.

Как часть России Калининградская область является объектом ее внутренней политики. Вместе с тем, находясь в окружении зарубежных стран, она непосредственно зависит и от внешней политики, причем ее реализация часто определяет решение внутренних социально-экономических задач. Так, обеспечение дешевого и устойчивого транзита пассажиров и грузов через территорию Литвы и Беларуси (или Латвии) оказывается одним из условий нормальной жизнедеятельности и развития области. Поэтому разделение предметов ведения и компетенции, привычное для «внутренних» регионов страны, в эксклавном регионе нередко не работает или дает сбои.

Многочисленные проблемы имеют все 270 эксклавных территорий, насчитывающихся в мире, и соответствующим государствам также приходится искать приемлемые решения. Но попытки использовать зарубежный опыт управления эксклавами в России затруднительны, так как каждый из эксклавов уникален, отличается своеобразием проблем и путей их решения.

В дискуссии о совершенствовании управления развитием эксклавного региона существуют две противоположные позиции, сторонники которых по-разному трактуют возможный «особый» статус области. Первая позиция исходит из предоставления органам власти области дополнительных полномочий (особенно в отношениях с соседними государствами) с тем, чтобы оперативно реагировать на изменение внешних условий. Вторая отстаивает усиление роли федерального Центра в управлении регионом.

По нашему мнению, дискуссия себя исчерпала, поскольку наметился перспективный подход, не связанный с оформлением «особого» юридического статуса региона. Речь идет о повышении роли Федеральной целевой программы развития области. Правда, такие программы принимались и корректировались неоднократно. В 1997 г. была принята Программа развития Особой экономической зоны в Калининградской области на 1998—2005 гг., но она реализовывалась в крайне малой степени [8]. В 2001 г. — программа «Развитие Калининградской области на период до 2010 года», которая выполнялась более последовательно. В 2008 г. эта программа была существенно скорректирована, а ее действие продлено до 2014 г. [5].

Новая программа более ориентирована на создание необходимой инфраструктуры, что должно дополнительно способствовать привлечению

частных (в том числе иностранных) инвестиций. Кроме того, она показывает инвесторам, что область находится в поле неослабного внимания федерального Центра, что дополнительно способствует улучшению регионального инвестиционного климата. Дальнейшее усиление роли Федеральной программы, реализация с ее помощью больших проектов ведет к изменению отношения федерального Центра к Калининградской области, которая превращается из региона, требующего дотаций и субвенций, в одну из точек роста российской экономики и регион, самостоятельно зарабатывающий необходимые доходы.

Идентичность калининградцев

Идентичность калининградского социума во многом определяется историческими особенностями его образования и этнодемографическими характеристиками населения. Это регион переселенческий, сформировавшийся в результате нескольких волн переселений. Как уже указывалось выше, население Калининградской области как своеобразного «региона переселенческого социализма» [9] сформировалось за счет организованных переселенцев из России, а также (в меньшей степени) из Беларуси и Украины. Социально-территориальная общность (социум) «калининградцы» все еще не вполне сформировалась и недостаточно устойчива. Слой творческой интеллигенции, формирующей региональное самосознание, недостаточно велик. В советское время ее почти не существовало, интеллигенция была преимущественно технократической.

Не способствовали формированию региональной идентичности и миграции 1990-х гг., когда в Калининградскую область прибыли десятки тысяч человек из других республик бывшего СССР. Хотя среди прибывших преобладали русские и русскоязычные переселенцы, Калининградская область не была их «малой родиной», и требуется время, чтобы они осознали себя калининградцами.

В то же время приток мигрантов имел и позитивные последствия: в регион прибыли прежде всего лица трудоспособных возрастов с активным стремлением к повышению уровня жизни и социального статуса, энергичные новые жители, которые вплоть до начала 2000-х гг. компенсировали естественную убыль населения, возникшую из-за превышения смертности над рождаемостью. Приток переселенцев из разных концов бывшего СССР свидетельствует об этнокультурной толерантности Калининградской области, в которой никогда не было серьезных столкновений или противоречий на этой почве.

Отделенность эксклава ослабляет ментальные и социокультурные связи между ним и «материнской» страной. В связи с этим в сознании большинства жителей области (что подтверждают социологические опросы [6]) возникает «синдром эксклава» — обеспокоенность отделенностью, пространственной изолированностью от основной части страны. Чтобы воспрепятствовать этому, приходится принимать специальные программы, стимулирующие двустороннее движение населения

(примером могут служить акции «Дети России едут в Россию», которые, однако, не имели достаточно системного характера).

Но несмотря на территориальную отделенность от основной части России, Калининградская область не имеет оснований для социокультурного сепаратизма, поскольку все ее жители — россияне, носители русского языка. Так называемое славянское ядро — русские, украинцы и белорусы — составляют более 94 % населения. Не следует преувеличивать «особость» калининградцев, их российская идентичность неоспорима. Основная возможная проблема: при определенных социально-экономических ошибках может возникнуть социальная напряженность, которая при неблагоприятном развитии событий может принять и сепаратистскую окраску. Это особенно опасно в условиях эксклава, окруженного зарубежными соседями. В этом плане Калининградская область более конфликтогенна по сравнению с другими российскими регионами и потому ей должно уделяться особое внимание.

Не имеет под собой оснований и время от времени появляющаяся в прессе тема «германизации» Калининградской области. Численность этнических немцев здесь не превышает 1 % от общей численности населения. Причем это потомки так называемых российских, или «екатерининских», немцев, более двух веков являющихся частью полиэтнического социума России. Единичные попытки радикальных представителей организаций выходцев из Восточной Пруссии и их наследников из «Союза изгнанных» в Германии актуализировать «восточнопрусскую проблему» вызывают информационный резонанс, несопоставимый с реальным воздействием этих инициатив на положение в Калининградской области и дискуссию о ее будущем.

Всплеск во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. (прежде всего, у части творческой интеллигенции) интереса к немецкому прошлому региона сменился более ровным отношением и даже, пожалуй, падением этого интереса. Пришло понимание того, что вместо «выращивания в себе прусса» лучше оставаться российским человеком, говорящим на русском языке и принадлежащим к отечественной культуре, при этом знающим и уважающим сложную историю этой земли. В целом же у большей части населения, в том числе молодежи, преобладают совсем другие темы для обсуждения — такие же, как и во всей России.

Проблема не в пресловутом «калининградском сепаратизме», а в социально-экономических условиях жизни населения региона. Снижение уровня и качества жизни в условиях финансово-экономического кризиса может привести к прогрессирующему недовольству деятельностью органов власти, протестному поведению, в том числе с сепаратистскими лозунгами (как вызывающими наибольшую реакцию властных структур).

Другая важная проблема состоит в соседстве других стран, предъявляющих спрос на рабочую силу. Рост открытости Калининградской области и прекращение экономического кризиса в государствах Балтийского региона и ЕС в целом могут привести к последствиям, аналогичным оттоку молодежи и квалифицированных работников из Литвы. Ведь уже и Польша (где средняя зарплата вдвое выше, чем в Калинин-

градской области [2; 10]) готова приглашать работников из СНГ. Поэтому надо поддерживать молодежь, квалифицированных работников, способствовать их закреплению в регионе.

Уменьшение различий между уровнем и качеством жизни, социальной дифференциацией населения Калининградской области и соседних регионов Польши и Литвы является условием того, что российский эксклав станет не изолированным островом среди моря чуждой ему европейской культуры, а центром взаимодействия и сближения культур. Но для этого область должна получить долговременные стимулы экономического развития, что возможно только в том случае, если будут использованы конкурентные преимущества российского эксклава и определена его важная роль в территориальном разделении труда как внутри России, так и в Балтийском регионе.

Пути преодоления недостатков эксклавноности

Развивается не только эксклавноность Калининградской области, но и осмысление этой ситуации, накапливается опыт преодоления недостатков эксклавного положения региона и использования выгод, связанных с близостью стран ЕС. С течением времени и ученые, и представители власти, и жители области стали спокойнее относиться к формальным аспектам эксклавноности (территориальной обособленности региона от остальной России) и более внимательно — к реальным (наличию рабочих мест, уровню жизни, условиям сообщения с другими российскими регионами и пр.).

В глобализирующемся мире у эксклавов, в сущности, есть два пути развития — (само)изоляция и интеграция, встраивание в глобальные процессы. Понятно, что изоляция — тупиковый путь, способный только усугубить тяготы эксклавного положения. Однако и интеграция не должна предполагать «растворения» эксклава в некоем наднациональном глобальном сообществе. Речь должна идти об установлении нового баланса интересов между «материнским» государством, эксклавым регионом, заинтересованными государствами и новыми глобальными акторами (ТНК, межправительственными и негосударственными организациями и т. д.).

Калининградская область не является исключением из общих закономерностей развития эксклавов. Поэтому именно встраивание ее экономики и социальной сферы в интересы России в характерные для Балтийского региона процессы глобализации представляется единственной возможностью обеспечить условия устойчивого и динамичного развития региона. Это будет способствовать реализации национальной стратегии России как в зарубежной Европе в целом, так и в Балтийском регионе в частности.

Это обстоятельство осознается и в Москве, и в самом регионе. Так, в уже упоминавшейся Стратегии социально-экономического развития Калининградской области на средне- и долгосрочную перспективу ставится задача обеспечения конкурентоспособности региона в Балтийском макрорегиональном пространстве, его продуктивной интеграции в базо-

вые социально-экономические процессы на Балтике. Для этого уже недостаточно таможенных и налоговых льгот, необходима качественная перестройка региональной экономики на основе повышения производительности труда и капитала, использования новых источников роста, нового «портфеля ресурсов», на которые может опереться область.

Географическое соседство Калининградской области со странами Евросоюза обуславливает ее большую по сравнению с другими регионами России приспособленность к требованиям мирового рынка. Именно в Калининградской области могут быть созданы производства, способные после ожидаемого вступления России во Всемирную торговую организацию с успехом работать на внешний рынок. Тем самым экономика региона изменит исчерпавшую себя ориентацию на доработку поступающих из-за рубежа полуфабрикатов с поставками готовой продукции в другие субъекты России.

Чтобы достичь поставленных целей и преодолеть недостатки эксклавноности, федеральный Центр должен определиться, какую роль может играть Калининградская область с ее своеобразным географическим положением и в международных связях, и в экономическом развитии страны. И именно его задачей является преодоление недостатков отделенности региона от основной территории России.

Необходим эффективный диалог с Европейским союзом, что должно обеспечить решение вопросов свободы передвижения калининградцев, а также посещения области жителями других регионов РФ. Должны быть решены и проблемы, существующие с грузовым транспортным сообщением между Калининградской областью и основной территорией страны. Так, целесообразно вернуться к удачной идее создания в Калининграде авиахаба, которая, на наш взгляд, изначально должна была реализовываться именно федеральным Центром (а не основываться на частной инициативе, которая, в конечном счете, не смогла обеспечить реализацию проекта и обусловила трудности его восстановления). Следует усилить роль Федеральной целевой программы развития области в реализации больших проектов и создаваемых на их основе кластеров. Больше внимания должно быть уделено инновационному компоненту в развитии экономики — формированию технополиса, технопарков (в том числе международных) и бизнес-инкубаторов, стимулированию развития передовых отраслей производства (как экспортно-ориентированных, так и импортозамещающих). Реализуемая на такой основе стратегия регионального развития позволит преодолеть угрозу превращения российского эксклава на Балтике в «двойную периферию» — России и Европейского союза, сделать эксклав регионом сотрудничества.

Список литературы

1. *Об утверждении* Программы социально-экономического развития Калининградской области на 2007—2016 годы: закон Калининградской области от 28 декабря 2006 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультатПлюс».

2. *Klops.ru* [Калининград]. [Электронный ресурс]. URL: <http://klops.ru/news/14235.html> (дата обращения 23.12.2009).

3. *Основные* показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в I полугодии 2009 года // Российская газета. 2009. 16 сент.

4. *О Стратегии* социально-экономического развития Калининградской области на средне- и долгосрочную перспективу: постановление Правительства Калининградской области от 9 марта 2007 г. №95. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультатПлюс».

5. *О Федеральной* целевой программе развития Калининградской области на период до 2014 года: постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2001 г. №866 (в ред. Постановления Правительства РФ от 10 декабря 2008 г. №942). [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультатПлюс».

6. *Регион* сотрудничества. Вып. 3 (46): Проблемы сепаратизма в условиях анклавных территорий / под ред. А. Ю. Мельвиля, А. П. Клемешева. Калининград, 2005. С. 43—45.

7. *Об Особой* экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2006 г. №16-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультатПлюс».

8. *Федеральная* целевая программа развития Особой экономической зоны в Калининградской области на 1998—2005 годы / утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 сентября 1997 г. №1259. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультатПлюс».

9. *Федоров Г. М., Зверев Ю. М.* Калининградские альтернативы / Калинингр. ун-т. Калининград, 1995.

10. *Фондовые* индексы растут, а зарплаты — нет // Fintimes.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://fintimes.km.ru/tsennye-bumagi/torgi/9113> (дата обращения 23.12.2009).

УДК: 910.3

С. С. Артоболевский

**КАЛИНИНГРАДСКАЯ
ОБЛАСТЬ:
УНИКАЛЬНЫЙ РЕГИОН
И ТИПИЧНЫЙ ЦЕНТР**

Многолетние усилия федеральных властей по развитию Калининградской области не дали ожидаемого результата. Область может быть отнесена к депрессивным территориям, характеризуется и неустойчивостью социально-экономической жизни. Основная причина невысокой эффективности деятельности государства состоит в применении стандартных инструментов государственного регулирования регионального развития, не учитывающих уникальность этого российского региона: анклавно/эксclave положение, история заселения, зависимость от внешних рынков и т. д. Для решения проблем Калининградской области государству необходимо пересмотреть часть своей идеологии, в том числе относительно внешних связей субъектов РФ; кроме того, необходимо координировать свою деятельность на Балтике, особенно учитывая повышенную чувствительность Калининградской области.

The longstanding efforts of federal authorities aimed at the development of the Kaliningrad Region did not meet the expectations. The region can be considered as a depressed one; it is characterised by the instability of the socioeconomic situation. The main reason for the reduced efficiency of state activity is the application of standard mechanisms of governmental regional development regulation that neglect the unique nature of this Russian region: the enclave/exclave status, the inhabiting of the region, the dependence on external markets etc. To solve the problems of the Kaliningrad region, the state should partially revise its ideology, including the views on external connections of constituents. Moreover, Russia should coordinate its activity in the Baltic Sea States taking in account the increased sensitivity of the Kaliningrad Region.

Ключевые слова: Калининградская область, региональное развитие, региональная политика.

Keywords: Kaliningrad Region, regional development, regional policy.

Две разные страны, две разные области

Нынешние социально-экономические проблемы Калининградской области во многом связаны с такими объективными процессами, как распад

СССР и превращение региона в эксклав РФ¹. В результате возросла транспортная изолированность области, распались устоявшиеся связи, продукция традиционных отраслей специализации оказалась невостребованной. Область уже более 15 лет функционирует в абсолютно ином, «равнодушном» социально-экономическом и политическом пространстве.

Возникшие в результате социально-экономические и политические проблемы могли быть решены лишь на федеральном уровне. И это объясняется не столько масштабом проблем, сколько их отношением к сфере внешних сношений, которая в РФ в высшей степени централизована. Пока Центр² запаздывает с решениями, не учитывает все действующие факторы, заменяет проведение последовательной стратегии и политики в отношении региона шумными разовыми кампаниями (например, начало и середина 1990-х гг. и 2001—2002 гг.). Масштабы его помощи области, предоставляемые ей права недостаточны для предотвращения роста ее изолированности, достижения устойчивого развития. Можно утверждать, что у Центра пока нет (или, во всяком случае, до недавнего времени не было) в отношении региона адекватной его проблемам стратегии и политики.

Стало почти общепринятым подчеркивать благоприятное географическое положение Калининградской области. Говорят о ее близости к Западной Европе и странам ЕС, транспортным магистралям «общеевропейского значения», историческом «тяготении» к Западной Европе и т. п. При этом область рассматривается сама по себе, а не как часть страны и, главное, эксклав РФ. Оторванность региона от «материка», необходимость пересечения государственных границ позволяют не столь оптимистично оценивать географическое положение области. Кроме того, ее положение таково, что основные транспортные потоки Балтийского региона проходят недалеко, но не через территорию области. Вопрос о грядущем обслуживании значительных транзитных потоков весьма проблематичен. Не следует забывать и неустойчивость взаимоотношений РФ со странами ЕС (Западной Европы).

Расширение ЕС и изоляция Калининградской области

Как уже отмечалось, эксклавное положение области во многом определяет ее кризисное состояние. Значимость этого фактора для развития региона еще более возросло после вступления Литвы и Польши в ЕС, что чревато для Калининградской области прежде всего усилением экономической (а не политической и гуманитарной) изоляции. Центр настолько озабочен решением политических проблем, сохранением своего лица в решении вопроса виз, в том числе транзитных, что практически игнорирует иные аспекты расширения ЕС, в том числе и особо

---

¹ Общие для всех российских регионов проблемы, связанные с переходом к рынку, здесь не рассматриваются. Это же относится и к изменениям на политической карте Европы после Второй мировой войны.

² Далее речь пойдет преимущественно об исполнительной власти.

важные для Калининградской области. Не исключено, что имеет место и недопонимание или упрощенное понимание процессов европейской интеграции, особенно их влияния на «третьи» страны.

После вступления новых стран в Евросоюз идет очевидное усиление барьерной роли границ с третьими странами, переориентации связей новой периферии ЕС на его ядро. Следует учитывать, что часть связей области с соседями следует отнести к серому/черному сектору экономики и именно они пострадают в первую очередь — как объект особого внимания институтов ЕС. Все это усилит изолированность области, и намного сильнее, чем введение любых виз, а также потребует значительно больше времени для решения возникших проблем. И бороться с этой изолированностью можно лишь на федеральном уровне, учитывая уровень принятия решений в ЕС (а также бюрократизированность Евросоюза) и отдельных входящих в него странах, масштабы необходимой финансовой интервенции.

Привычка действовать в «режиме скорой помощи» привела к тому, что федеральный Центр запоздало отреагировал на очевидно возникающие в связи с европейской интеграцией проблемы области, ограничившись в значительной мере внешнеполитической сферой (да и то недостаточно эффективно³). Уже с начала 1990-х гг. было абсолютно ясно, что Польша и Литва начнут быстро переориентироваться на Запад, а с середины 1990-х — что обе страны войдут в ЕС (вопрос касался лишь сроков и очередности). Центр же начал реагировать на «уход» соседей лишь в 2001 г., потеряв 10 лет. Не учитывается огромная инерционность, свойственная процессам регионального развития. Даже если сегодня принять правильные решения, их позитивные последствия скажутся еще не скоро.

Для реальной интеграции области в общеевропейское пространство, сохранения и расширения связей с соседями необходимо ее ускоренное социально-экономическое развитие, увеличение открытости региона. Это единственный путь сохранения и расширения связей с соседями. Альтернатива — рост изоляции и перманентный кризис. Собственных ресурсов развития очевидно мало. Надежды на помощь других стран явно преувеличены. Роль катализатора развития может выполнить только Центр, который «вне очереди» может дать власти и населению регионов особые права в сфере внешних сношений.

«Отделяет» область от остальной РФ еще и Беларусь. Транзит через эту страну уже сегодня значительно увеличивает транспортные издержки для калининградских грузов. Непредсказуемость решений руководства Беларуси общеизвестна. Попытки шантажа экономических партнеров (в том числе и российских) уже имели место. Кроме того, Беларусь вполне можно рассматривать как потенциального конкурента Калининградской области в сфере транзитных перевозок между РФ и странами Центральной и Западной Европы. Как результат — вполне возможно, что политика Беларуси будет способствовать существенно-

³ Высшее достижение: спасая реноме нового Президента РФ, удалось договориться о другом названии литовской транзитной визы.

му увеличению изолированности Калининградской области, что также потребует вмешательства федеральных властей.

В настоящее время в политике федерального Центра в отношении Беларуси калининградский фактор практически не учитывается. Речь обычно идет лишь о потенциальной обработке белорусских грузов в Калининградском порту для блага последнего. В принципе, Калининградский порт вполне мог бы увеличить переработку белорусских грузов, но ограничителями выступают кризисная экономика Беларуси и то состояние полуизоляции, в котором страна находится.

Как уже говорилось, после вступления Польши и Литвы в ЕС грядет очевидное усиление барьерной роли границ с третьими странами, переориентации связей новой периферии ЕС на его ядро. Положение региона «в рамках» РФ и ЕС периферийно и не особенно привлекательно для потенциальных инвесторов с обеих сторон. Область может стать полигоном сотрудничества РФ и ЕС только при постоянных усилиях обеих сторон, в определенной мере даже искусственно. Но это невозможно без усилий Центра, его постоянного «давления» на институты власти ЕС и отдельных стран Балтийского региона.

Наверное, для Литвы и Польши тоже важно быть окраинной периферией ЕС, или центром «Евразии». Эта логика явно прослеживается при формировании политики Финляндии в отношении РФ и Польши в отношении Украины.

Улучшить географическое положение Калининградской области может только большая вовлеченность региона в процессы европейской интеграции, что в перспективе вполне вероятно. Но это может быть осуществлено только при последовательной политике федеральных властей.

А Центр и ныне там

С самого своего образования область была в сфере особого внимания Центра: сначала как военная база, затем как самый западный регион, позднее как регион, имеющий границу с государствами ЕС. Причины этого внимания находились и находятся в сферах политики и национальной безопасности.

Федеральные приоритеты развития Калининградской области многократно формулировались и обсуждались. Суммируя имеющиеся высказывания и публикации, можно сказать, что речь идет о преодолении минусов анклавно/эксклавного положения региона, развитии диверсифицированной экономики (ориентированной на экспорт и импортозамещение), налаживании сотрудничества с ЕС, резком повышении качества жизни населения. Но основной вопрос состоит в том, достаточно ли имеющиеся ресурсы для достижения указанных целей. Вполне обоснованны некоторые сомнения в этом.

При сравнительном анализе базовых федеральных документов разного времени, касающихся области, видно их значительное сходство (совпадают даже конкретные цифры). С одной стороны, это показатель

преимущества в политике Москвы, с другой — ее хронической неэффективности. В достаточной мере удалось добиться лишь одной цели — за счет таможенных льгот роста импорта с последующей его переработкой и вывозом в другие регионы РФ. На этом основывается экономика области, но ее уязвимость очень высока (как и любой филиальной экономики), что и показывает нынешний кризис.

Вся территория Литвы и Польши вошла в число «отстающих» регионов ЕС, и оба государства получают значительную помощь от структурных фондов. Часть территории обеих стран получает помощь в рамках национальных региональных политик. Эта помощь усиливает инвестиционную привлекательность Польши и Литвы, что может иметь негативные последствия для Калининградской области из-за оттока потенциальных иностранных инвестиций в эти две страны.

В последние 8—9 лет в РФ очевидна тенденция к централизации власти. Центр сосредотачивает в своих руках все больше прав и средств, отбирая их у регионов (подобные попытки предпринимались и в отношении Калининградской области), выстраивая вертикаль власти. Наверное, принятие принципиальных решений, мониторинг и контроль следует закрепить за федеральными институтами власти (в Москве и Калининграде), а повседневную деятельность оставить за Правительством области (используя уже имеющуюся у нее институциональную инфраструктуру). Можно подумать и о делегировании некоторых полномочий на муниципальный уровень (с учетом его прошедшей реформы).

Стабильный кризис

Оценка эффективности 15-летних усилий Центра по решению проблем Калининградской области является основной задачей не только данного раздела, но и статьи в целом.

По состоянию экономики, качеству жизни населения Калининградская область уступает средним по РФ показателям и может считаться типичным депрессивным регионом.

Депрессивным районом сейчас называют разные территории. Но существуют его четкие признаки: высокий уровень развития в прошлом (и это основное отличие депрессивного региона от слаборазвитого) и кризис/застой в последние годы; потребность в помощи государства для решения своих проблем. В качестве критерия (единственного или одного из нескольких) применяется уровень душевого ВРП. Так, в 2007 г. в Калининградской области он составлял менее 70% от среднего по стране. По нормам ЕС (а РФ своих еще не ввело) этого достаточно для признания района объектом региональной политики. Область никак не отнесешь к слаборазвитым, так что вполне логично назвать ее депрессивной. При этом нельзя не заметить улучшение указанного показателя в последние годы.

Область не относится к самым кризисным территориям РФ, но отличается большей степенью неустойчивости социально-экономического

развития, чем многие кризисные регионы. Ее выживание обеспечивается преференциями Особой экономической зоны, отмена или значимое ограничение которых может иметь для области «фатальные» последствия. Затрудняет развитие региона и его негативный имидж — как в РФ, так и за рубежом (для чего есть вполне объективные основания).

Как и другие депрессивные регионы, область имеет довольно значимый потенциал развития, сохранившийся от предыдущего этапа (инфраструктура, квалифицированная рабочая сила, культурное и природное наследие и т. д.). Но он может быть реализован лишь при достаточно масштабной помощи извне, компенсирующей все минусы реализации инвестиционных проектов в регионе.

Федеральная региональная политика и развитие Калининградской области

Федеральный Центр не имеет законодательно оформленной региональной стратегии и региональной политики ни в отношении всей территории страны, ни в отношении отдельных ее частей. Центр исходит из вульгарно трактуемой идеи полного равноправия субъектов⁴ Федерации, стараясь максимально ограничить федеральное вмешательство в процессы территориального развития и не учитывая при этом остроту региональных проблем в стране. Излишние надежды возлагаются на регулирующие возможности свободного рынка. Опыт развитых стран однозначно отвергает сам принцип одинакового подхода государства к различным своим регионам и подтверждает, что чрезмерные социально-экономические диспропорции реально угрожают единству страны и требуют интервенции государства.

Все слабости российской региональной политики отразила Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации, одобренная в феврале 2001 г. Она предусматривает интенсификацию приграничного сотрудничества, но на пути его централизации и унификации. Практически все это сотрудничество пойдет через федеральные органы власти, мало что оставив региональным и местным уровням. Вряд ли такой подход рационален при практической реализации приграничного сотрудничества, особенно когда речь идет об эксклавной Калининградской области. Последняя отдельно в Концепции не упоминается, что вполне логично для документа данного жанра. Плохо другое: предлагаемая повсеместная унификация приграничного сотрудничества, без учета особенностей российских регионов и соседствующих с ними территорий (такая возможность практически не предусматривается документом). В случае Калининградской области подобный подход сильно сужает возможности использования приграничного сотрудничества в качестве инструмента развития региона.

Отсутствие в РФ последовательной и прозрачной региональной политики дает особо негативные последствия именно для Калининград-

---

⁴ Правильная идея равноправия регионов подменяется положением об одинаковом отношении к ним Центра.

ской области⁵. Она не имеет дополнительных прав, средств и институтов ни как депрессивный, ни как приграничный регион. Конечно, еще в 1996 г. был принят (и частично действует) федеральный закон «Об Особой экономической зоне...», реализуется уже вторая по счету Федеральная целевая программа развития области. Но и они не способны полностью компенсировать отсутствие последовательной и, главное, долгосрочной региональной политики (подробнее ниже).

В отсутствие долгосрочной (и масштабной) региональной политики Центр постоянно меняет территориальные объекты приложения усилий, преимущественно по политическим соображениям. В результате идет борьба с проявлениями, а не причинами кризиса. Естественно — и опыт Калининградской области это подтверждает — Центр вынужден по несколько раз возвращаться к недорешенным им же проблемам одних и тех же регионов.

Федеральные органы власти воспринимают область как точку, не уделяя достаточно внимания ее внутренним социально-экономическим диспропорциям. В то же время «разрыв» между центром и периферией региона весьма значителен. Соответственно политика федерального Центра не способствует сглаживанию внутриобластных диспропорций, что затрудняет развитие региона. Более того, концентрируя свою помощь в «столичном» ареале, Центр способствует росту указанных диспропорций.

Как уже отмечалось, после вступления Польши и Литвы в ЕС развитие большей части их территории будет стимулироваться в рамках единой региональной политики ЕС⁶. Особенно интенсивна она будет в периферийных районах обеих стран, к числу которых относятся и территории, примыкающие к Калининградской области. Увеличатся масштабы национальных региональных политик и их помощи своей «периферии». Как результат — прилегающие к Калининградской области территории получат новые стимулы развития за счет помощи институтов ЕС (структурных фондов), национальных правительств, притока привлеченных частных капиталовложений. Увеличится социально-экономический и даже структурный «отрыв» этих территорий от Калининградской области. Как уже отмечалось, сократятся возможности и заинтересованность данных территорий Польши и Литвы в приграничном сотрудничестве с Калининградской областью. В этих условиях требуется адекватный ответ федеральных российских властей. Нынешние масштабы федеральной помощи недостаточны для поддержания конкурентоспособности Калининградской области в окружении стран Евросоюза.

Первая Федеральная целевая программа (на 1998—2005 гг.) слабо финансировалась со стороны Центра (в период 1998—2000 гг. поступило 3 % обещанных средств) и в значительной мере не была реализо-

⁵ В период между двумя мировыми войнами территория области уже находилась в положении германского анклава и была включена в сферу национальной региональной политики в качестве слаборазвитого региона.

⁶ В отношении своих эксклавов, например заморских департаментов Франции, ЕС проводит интенсивную региональную политику.

вана. Сейчас реализуется новая программа — на 2002—2010 гг. (уже упомянутая Федеральная целевая программа «Развитие Калининградской области на период до 2010 года»).

Принимаемые Центром в отношении Калининградской области решения (в том числе Федеральный закон об ОЭЗ и первая Федеральная целевая программа) стали результатом лоббистской деятельности властей региона, местного бизнеса и связанных с ним столичных структур (и отражали их видение проблем). Нет реальной инициативы федеральных властей по развитию региона, не просматривается их видение территориальной организации страны и роли Калининградской области в ней. И до сих пор властные институты области активнее центральных на федеральном уровне (можно вспомнить многочисленные законодательные федеральные инициативы Областной думы).

Федеральный закон «Об Особой экономической зоне ...», принятый в 1996 г., способствовал развитию торговли, созданию новых рабочих мест, стабилизации уровня жизни населения. Но он мало помогал достижению устойчивого развития, и это следует считать недоработкой Центра. Прописанные им инвестиционные льготы (основа западной региональной политики) оказались недостаточными для привлечения необходимых инвестиций (для новых проектов и модернизации существующих мощностей). Упор был сделан на предоставлении таможенных льгот по ввозу и вывозу товаров, и поставленные в этой сфере задачи были решены. Но, во-первых, в результате пострадали традиционные отрасли производства. Во-вторых, область попала в зависимость от одного вида деятельности, к тому же весьма уязвимого. Все это не способствовало увеличению стабильности ее социально-экономического положения. Таким образом, федеральный закон более пролоббировал интересы определенных региональных групп, нежели федерального уровня управления. Недаром управление Особой экономической зоной было передано в ведение администрации области. Да и в названии первой федеральной программы декларировалось развитие Особой экономической зоны, а не области, как во второй программе.

В 2006 г. был принят новый федеральный закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области». Он местами более «стратегичен» — дает 10-летний переходный срок, обещает неизменность правил игры на 25 лет. Но коренной децентрализации он не предусматривает. Некоторые эксперты предполагают, что этот закон привлечет прежде всего российский капитал.

Можно добавить, что реально режим свободной экономической зоны действовал еще с 1991 г., когда Правительство РСФСР утвердило его для области (свободная экономическая зона «Янтарь»). И в течение более чем 10 лет федеральные органы управления не нашли возможности изменить ситуацию для достижения своих целей. Ограничения, периодически накладываемые Государственным таможенным комитетом, скорее сеяли неуверенность среди инвесторов (в том числе потенциальных) и имели и для области, и для Центра негативный эффект. И в целом политика Центра в отношении региона сильно «страдает» от постоянных изменений, уточнений, поправок.

Вторая Федеральная целевая программа — документ, безусловно, более взвешенный, более ориентированный на достижение устойчивого развития, в нем четче прописаны федеральные интересы (чем в предшествующем). Эта программа уже значительно ближе к западным образцам такого «жанра». Впервые в российской практике разработки региональных программ упор делается не только на реализации некоторых уже зафиксированных проектов, но и на комплексном повышении инвестиционной привлекательности региона. Это предполагается достичь за счет развития инфраструктуры, повышения качества жизни населения, улучшения состояния среды, увеличения открытости региона и т. д. Недаром в программе всего 60 инвестиционных проектов (и при этом много инфраструктурных) и 89 некоммерческих мероприятий, преимущественно ориентированных на улучшение инвестиционного климата (и имиджа области). Полная реализация программы может сделать федеральную политику реальным фактором притяжения инвестиций в область.

Основная проблема — реализация программы. Как Центр будет выполнять свои институционально-правовые и финансовые обязательства в течение всего срока? Не много ли намечено приоритетов? Достаточен ли уровень государственной поддержки программы (в среднем 11,5%) для привлечения частных инвесторов? Не выпадут ли из программы отдельные компоненты, что девальвирует ее ценность? Удается ли достичь поставленных целей за намеченный срок? Ответы на эти вопросы будут получены через 2—3 года. Опасения вызывает и тот факт, что некоторые институционально-правовые обязательства Центра сформулированы в программе не очень конкретно, декларируется лишь намерение решить проблему.

Проблемы Калининградской области на федеральном уровне

Проблемы Калининградской области слабо учитывались и в «отраслевых» решениях Центра. Оба транспортных Министерства (транспорта и путей сообщения) реально не считают калининградское направление приоритетным для своей деятельности. Так, стратегия развития транспорта в РФ отдает приоритет (на Балтике) развитию портов в Ленинградской области. На втором плане находится и проблема укрепления железнодорожных и автомобильных связей с областью. Министерства иностранных и внутренних дел, Государственный таможенный комитет не обеспечили необходимую степень открытости области («проницаемости» границ) — в этом она недостаточно отличается от других регионов страны, и это странно, если учитывать ее эксклавность, зависимость от внешних связей. Министерство внутренних дел ограничивает приток внешних и внутренних мигрантов в область (особенно в последнее время), хотя никто не оценивал потребность местной экономики в них.

В условиях слабости федеральной региональной политики приоритеты развития области слабо учитываются в деятельности практически всех федеральных институтов. Центр признает уникальность положения региона, но не готов признать его право на особый подход во всех сферах. Предполагается, что новая федеральная программа и (в перспективе)

улучшенный федеральный закон решат все проблемы области. Однако не менее важно обеспечить учет интересов региона не только в рамках указанной программы, но и в текущей деятельности федеральных институтов.

Сложилась довольно интересная ситуация. Региональные органы власти четко представляют себе, что им нужно от Центра: особые права и дополнительное финансирование. Лоббируя свои интересы, они справедливо ссылаются на уникальность геополитического положения области. А вот федеральные власти не совсем четко представляют себе, что они «хотят» от региона, его роль в социально-экономическом ландшафте страны⁷. Они вынуждены принимать нестандартные решения, действовать под своего рода международным контролем, что вызывает их «скрытое» раздражение. Федеральная целевая программа «Развитие Калининградской области на период до 2010 года» была разработана и принята в период резкого сокращения региональных программ федерального уровня и, в определенной степени, противоречит проводимой в стране региональной политике.

Боязнь предоставления особых прав Калининградской области часто связывается с возможностью дезинтеграции РФ («все регионы потребуют особые права») и потерей области (выходом ее из состава РФ). Оба эти опасения представляются необоснованными. В РФ нет больше субъектов-анклавов, которые могут потребовать аналогичных прав. Федеральный закон об ОЭЗ действует уже более 10 лет и остался уникальным явлением в российском правовом поле. На область не посягает ни одна из европейских стран, ни ЕС в целом, она не может выйти из состава РФ ни теоретически, ни практически. А расширение прав региональных и местных властей могло бы значительно повысить уровень развития области, сняв многие социально-экономические и политические проблемы.

Но можно обеспечить развитие региона и в рамках идущей централизации, хотя и не столь эффективно. Самое важное, чтобы Центр понял: развитие региона невозможно без перераспределения в его пользу дополнительных прав и средств. Эти права и средства могут быть переданы на региональный и местный уровень, могут остаться в руках федеральной власти. Но должен быть официально признан особый правовой статус области и реализован принцип ее позитивной дискриминации (основа региональной политики развитых стран).

Есть огромная вероятность того, что, достигнув политического компромисса в вопросе о визах, Центр опять забудет о социально-экономических проблемах региона. И этому уже есть косвенное подтверждение. Так, на заседании Государственного совета Российской Федерации в январе 2003 г. достаточно подробно рассматривались проблемы приграничного сотрудничества российских регионов. Но при этом Калининградской области было уделено минимальное внимание — как в подготовленных документах, так и в процессе обсуждения.

---

⁷ Политика ЕС в отношении Калининградской области тоже четко не сформулирована, но это вполне допустимо в отношении территории, не находящейся под юрисдикцией Евросоюза.

Единственная страховка от этого — законодательное оформление «исключительности» региона, с закреплением за ним ряда преференций (хотя бы в той же транспортной сфере они пока явно недостаточны, а также в оформлении иностранных паспортов).

Область не обделена вниманием Центра, получает от него помощь. Основные претензии — к «качеству» этой помощи. Она предоставляется главным образом в результате регионального лоббирования и из чисто политических соображений, а не исходя из долгосрочных федеральных приоритетов. Последние пока четко не сформулированы.

Международное сотрудничество и развитие Калининградской области

Как уже отмечалось, положение региона «в рамках» РФ и ЕС очевидно периферийно и не очень привлекательно для потенциальных инвесторов с обеих сторон. Область может стать полигоном сотрудничества РФ и ЕС только при постоянных усилиях обеих сторон и определенном воздействии Центра на властные институты ЕС и отдельных стран Балтийского региона.

Уникальное положение области (ее эксклавность) не позволяет рассматривать ее в качестве пилотного региона сотрудничества с ЕС. Ее опыт вряд ли может быть использован в других пограничных с ЕС регионах, ибо они территориально не отделены от остальных субъектов РФ и т. д.

Переговоры с зарубежными партнерами было бы вести значительно легче, если бы федеральные власти сделали все необходимые шаги для развития области. Необходимо четко сформулировать стратегию и политику Центра в отношении региона во всех сферах, законодательно закрепить его особый статус и преференции, принять необходимые институциональные решения, обеспечить открытость области и т. д.

Не оправдан «обвинительный» уклон федеральных властей при переговорах с ЕС, властями Польши и Литвы. Почему последние должны уделять проблемам Калининградской области больше внимания, чем российские власти, нести ответственность и платить за их решение? В конечном счете, именно российские власти (и прежде всего федеральные), признав в начале 1990-х гг. независимость Литвы, не позаботились об интересах Калининградской области, за 10 лет не сумели привлечь в регион достаточно инвестиций, оперативно не обеспечили население области иностранными паспортами и достаточными доходами для покупки авиационных билетов (или постоянные низкие цены на них), не справились с преступностью и т. д.

Политическая декларация «проблемы Калининградской области — внутреннее дело РФ» включает в себя и обязанности Центра в социально-экономической сфере, которые он пока выполняет неудовлетворительно. В этих условиях апелляция к соседям (странам ЕС) со стороны российских властей некорректна.

Основные выводы

1. Эксклавное положение (отягощенное повышением барьерной функции границ после расширения ЕС) — это безусловно существенный недостаток для региона, и для его устранения ничего другого, кроме льгот, мир еще не придумал. Весь вопрос в том, какие льготы предоставлять. Они должны стимулировать не просто рост экономики, но ее устойчивость, повышать качество жизни населения. В идеале область должна бы стать одним из направлений федеральной региональной политики с особым статусом (как Северная Ирландия в Соединенном Королевстве Великобритании или Заморские территории Франции) и особым набором мер помощи. Но ждать, пока страна получит внятную региональную политику, нельзя, а вот использовать ее принципы можно.

2. В западной региональной политике налоговые льготы — явление редкое. Они считаются самыми непрозрачными из всех видов финансовой помощи, с неясной эффективностью. Предпочтение отдается субсидиям (оплата определенной доли стоимости проекта или каждого рабочего места), льготным займам и созданию инфраструктуры (в самом широком ее понимании). Система льгот организована таким образом, что стимулируют и новые капиталовложения, и функционирование действующих мощностей. Это достигается при таких мерах помощи, как плата за каждое рабочее место, субсидирование модернизации производства, создание инфраструктуры и т. д. Кроме того, указанные меры позволяют выбирать отрасли, оказывать более интенсивную помощь малому и среднему бизнесу.

3. Льготы, предоставляемые официальным проблемным территориям, не противоречат правилам ВТО (на этом дозволенном исключении держится вся региональная политика ЕС). Надо просто озаботиться легализацией статуса области как проблемной территории.

4. Расширение самостоятельности региона — такая же льгота, как и финансовая помощь. Поэтому можно рекомендовать и безвизовое посещение области, и особые ее права в сфере приграничного сотрудничества, связей с ЕС и т. д.

5. В развитых странах льготы предоставляются не до фиксированной даты, а до исправления ситуации. И это прерогатива Центра. В Западной Европе есть ареалы, получающие помощь уже более 50 лет.

6. Лучше не рассматривать всю область как точку, а выделить на ее территории несколько зон, различных по интенсивности и набору мер помощи. При этом надо соблюсти баланс между территориальной справедливостью и развитием полюсов роста.

7. Никаким пилотным регионом в отношениях РФ и ЕС область быть не может (если считать, что пилотный регион — это образец («первопроходец»), на который ориентируются другие), даже для других соседствующих с ЕС регионов. Географическое положение делает Калининградскую область *уникальной*, как и меры по стимулированию ее развития. Лучше сделать регион пилотным в сфере сокращения регулирующей роли государства (прежде всего Центра).

8. Область получила от Центра много привилегий. Основная проблема состоит в «качестве» федеральной политики. Социально-экономические проблемы области во многом связаны с отсутствием у Центра последовательной и ясной стратегии и политики ее развития. Очередная ФЦП (до 2014 г.) пока энтузиазма не вызывает.

9. Решение проблемы Калининградской области возможно лишь на пути ее ускоренного социально-экономического развития как основы преодоления ее эксклавности и периферийности. Упор Центра на решении политических проблем не оправдан.

10. Развитие области — это проблема общероссийского масштаба, она может быть решена только на федеральном уровне. Регион должен стать объектом масштабной, долговременной и четко ориентированной федеральной политики (предпочтительнее в рамках общестрановой региональной политики), закреплённой законодательно и институционально, обеспеченной материально и рассчитанной на длительный период времени. Только таким образом можно обеспечить постоянный интерес Центра к области.

11. Привлечение капиталовложений за счет прямых инвестиционных льгот и общего улучшения инвестиционного климата (а не только преференций Особой экономической зоны) может обеспечить устойчивость развития области. Упор следует делать на максимальной диверсификации экономики региона.

12. Расширение ЕС, общий «поворот» новых независимых государств на Запад усиливают изолированность региона. Но страны Европы (в том числе и члены ЕС) не имеют никаких обязательств перед РФ по развитию области. Их можно лишь привлечь к данному процессу, предоставив уже указанные льготы и обеспечив открытость территории региона.

13. Усиление приграничного сотрудничества с Литвой и Польшей — наиболее эффективный способ вовлечения области в процессы европейской интеграции. Именно через соседей региону будет легче интегрироваться в общеевропейское пространство.

Попытки найти в РФ «территориальные аналоги» Калининградской области привели автора к Курильским островам. Главное их сходство — многие годы федеральные власти, исходя из политических соображений, «накачивали» их деньгами с к. п. д. первого парового двигателя. Обе территории явно отличаются от «материковых» субъектов РФ и требуют нестандартных решений. Но как совместить их с бесполезной для России нормой равноправия субъектов РФ (и муниципальных образований одного уровня)?

Не вызывает сомнения сам факт необходимости специального экономического режима в Калининградской области, закреплённого федеральным законом. Уникальное для России анклавное положение региона в ЕС требует особых подходов к вопросам его экономического развития.

Уникальность региона вступает в противоречие с политикой Центра, часто оперирующего «простыми» истинами, иногда уходящих эпох (промышленность — это хорошо, а тяжелая еще лучше).

Будущее области зависит от ее включения в западноевропейскую интеграцию. И без передачи прав и денег от Центра региону этого не достичь. Нынешний переход страны от федеративного государства к унитарному процессу децентрализации не благоприятствует.

Использованные документы⁸

1. *Договор* о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Калининградской области (подписан 12 января 1996 г.).

2. *Концепция* приграничного сотрудничества в Российской Федерации, одобренная распоряжением Правительства РФ от 9 февраля 2001 г. № 196-р.

3. *Концепция* федеральной социально-экономической политики в отношении Калининградской области (подготовлена Правительством РФ). URL: www.komersant.ru/documents/doc23.htm

4. *О государственной* политике в отношении Калининградской области: постановление Государственной думы. (от 13 декабря 2001 г. N 2198-ГД).

5. *О государственной* политике в отношении Калининградской области: постановление Совета Федерации. (от 25 сентября 2002 г. N 373-СФ).

6. *О первоочередных* мерах по развитию свободных экономических зон в Калининградской и Читинской областях: постановление Совета Министров РФ. (от 25 сентября 1991 г. № 497).

7. *О внесении* изменений и дополнений в Федеральный закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области» (№ 101961-3): проект федерального закона.

8. *Сайт* представительства Европейской комиссии в России. URL: www.eur.ru

9. *Территориальное* социально-экономическое развитие РФ на период до 2004 года. URL: www.economy.gov.ru/socsec2004.html

10. *О Калининградской* области: указ Президента РФ (от 7 декабря 1993 г. № 2117).

11. *Федеральная* целевая программа "Модернизация транспортной системы России (2002—2010 гг.)» (утв. постановлением Правительства РФ от 5 декабря 2001 г., № 848). URL: www.mintrans.ru/Pressa/Modern_Soder.htm

12. *Федеральная* целевая программа «Развитие Особой экономической зоны в Калининградской области на 1998—2005 гг.» (утв. Постановлением Правительства РФ от 29 сентября 1997 г. № 1259).

13. *Федеральная* целевая программа «Развитие Калининградской области на период до 2010 года» (утв. Постановлением Правительства РФ от 7 декабря 2001 г. № 866).

14. *Федеральная* целевая программы развития Калининградской области на период 2009—2014 гг. (утв. Постановлением Правительства РФ от сентября 1997 г.).

15. *Об особой* экономической зоне в Калининградской области: федеральный закон (№ 13-ФЗ; подписан Президентом 22 января 1996 г.).

16. *Об особой* экономической зоне в Калининградской области. ... : федеральный закон (№ 16-ФЗ; от 10 января 2006 г.; начал действовать с 1 апреля 2006 г.).

---

⁸ Если не указано особо, то документы имеются в базе справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК: 65.012.6 (470.26)

3. Шильберг

**ПРИГРАНИЧНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
РФ С ЛИТВОЙ И ПОЛЬШЕЙ:
ПРЕПЯТСТВИЯ
И ВОЗМОЖНОСТИ***

Проводится анализ трансграничного сотрудничества между Калининградской областью и соседними регионами Литвы и Польши. Статья содержит краткий обзор истории развития сотрудничества, анализируются существующие его структуры. Автор описывает асимметрии в отношениях, препятствующие трансграничному сотрудничеству. Приводятся примеры реализации культурных и социальных проектов, которые служат доказательством того, что трансграничное сотрудничество может быть успешным даже в непростых условиях. Анализ основан на авторском эмпирическом исследовании и проведенных интервью с экспертами по данному региону¹.

This article analyses the cross-border co-operation between the Kaliningrad Region and the neighbouring Polish and Lithuanian regions. It provides, firstly, a short overview of the cross-border co-operation formation and development. The author outlines the present-day co-operation structures. Secondly, the article reviews the asymmetries that hinder the cross-border co-operation. Finally, it offers some examples of the cross-border cultural and social projects proving that the co-operation under difficult conditions can be successful. The analysis is based on the author's empirical research and interviews with regional experts¹.

Ключевые слова: Калининградская область, приграничное сотрудничество, Европейский союз (ЕС), программа TACIS, программа PHARE, программа «Interreg».

Key words: Kaliningrad region, cross-border cooperation, European Union (EU), TACIS programme, PHARE programme, Interreg programme.

* Перевод с англ. А.В. Брюшинкиной.

¹ В 2004 и 2005 гг. автор посетил эти районы во время работы над докторской диссертацией на тему «Региональное трансграничное сотрудничество в аспекте асимметричной взаимозависимости. Сотрудничество Калининградской области РФ с приграничными районами Польши и Литвы». Автор взял 47 интервью у сотрудников региональных администраций и парламентов, городских администраций, еврорегионов и университетов, а также у представителей бизнеса и некоммерческих организаций.

¹ In 2004 and 2005, the author visited these regions in the framework of her «Regional Cross-border Co-operation under the Conditions of Asymmetric Interdependence. The Co-operation of Kaliningrad with the neighbouring Polish and Lithuanian Regions» PhD project and conducted 47 interviews with the staff of regional administrations and parliaments, city halls, Euro-regions and universities as well as with the representatives of business sector and NGOs.

История

Во времена Советского Союза Калининградская область Российской Федерации была закрытой военной зоной и основной базой Балтийского флота. Административная граница отделяла область от Литвы. Трансграничное сотрудничество было минимальным. Граница с другим соседом, Польшей, была полностью закрыта. Весь культурный обмен осуществлялся под централизованным контролем. Распад Советского Союза положил конец этой системе, а Калининградская область превратилась в открытый регион.

В 1991 г. Литва стала независимым государством, а Калининградская область — эксклавом России, отделенным со всех сторон от основной территории РФ территориями Литвы и Польши. С одной стороны, политические и территориальные изменения в этот период дали толчок трансграничному сотрудничеству с Польшей, но с другой — они положили конец минимальным контактам с приграничными районами Литвы. Возникла настоятельная потребность и появилась возможность наладить и развивать трансграничные контакты с соседними странами. Такое сотрудничество могло также укрепить связь эксклава с основной территорией России. Калининграду было необходимо избежать политической, экономической и культурной изоляции.

Формирование и развитие трансграничного сотрудничества с соседними странами

В начале 1990-х гг. Российская Федерация как преемник Советского Союза заключила соглашения с Литвой и Польшей. Эти соглашения заложили основу трансграничного сотрудничества между Калининградом и соседними районами Литвы и Польши. Стороны договорились о создании советов по сотрудничеству, которые должны были координировать всю работу и реализовывать различные инициативы. Российско-польский совет по сотрудничеству был основан в 1994 г.; российско-литовский совет начал свою работу в 2000 г. в результате заключения дополнительного соглашения между национальными правительствами в 1999 г.

На основе данных межправительственных соглашений были заключены сходные соглашения между региональными властями, парламентами и администрациями крупных приграничных городов. Соглашения с польскими регионами были заключены в начале 1990-х гг. и обновлены после реформы административной системы Польши в конце 1990-х. Соглашения с регионами Литвы вступили в силу только в конце 1990-х гг. Приоритетом всех этих документов было расширение экономического сотрудничества и развитие приграничной инфраструктуры. В числе других приоритетов назывались охрана окружающей среды, развитие науки и культуры. Несмотря на то что были поставлены конкретные цели и определены проекты, представляющие взаимный интерес, в течение первых двух лет особой активности не наблюдалось². Большин-

² Следующие данные были частично опубликованы автором в предыдущих его статьях.

ство проектов так и остались нереализованными. В 1990-х гг. отношения с приграничными районами Литвы почти полностью прекратились. Одновременно между 1996 и 1999 гг. не было ни одного заседания российско-польского совета. Новый толчок трансграничному сотрудничеству был дан возникшей возможностью получить финансирование от ЕС.

С 1997 г. Калининград подавал заявки на участие в проектах по трансграничному сотрудничеству в рамках европейской программы TACIS. Начиная с 1999 г. участники проектов со стороны Польши и Литвы вместе со своими российскими партнерами из Калининграда имели возможность подать заявки на участие в программе PHARE, осуществляющей финансирование небольших по масштабам проектов.

Кроме того, Калининград и приграничные регионы Литвы и Польши могли вместе подать заявки по программе «Interreg», финансирующей реализацию проектов в регионе Балтийского моря. Финансирование поступало также от программ PHARE (Польша и Литва) и TACIS (Калининград). С момента расширения ЕС в 2004 г. функционирует программа «Interreg», предназначенная поддерживать трансграничное сотрудничество между Калининградом, Польшей и Литвой. Калининград не играл активной роли в большинстве проектов, финансировавшихся Евросоюзом до 2004 г. Причина заключалась в том, что, по сравнению с программой PHARE, требования к финансированию по программе TACIS были более жесткими. Например, значительно был объем требуемого финансового участия, поэтому российские партнеры не могли обеспечить равный уровень софинансирования.

До конца 2004 г. было реализовано всего шесть проектов TACIS по трансграничному сотрудничеству между Калининградом, Литвой и Польшей. Это не идет ни в какое сравнение со 138 проектами, реализованными Литвой и Польшей за тот же период по программе PHARE. Хотя ситуация несколько улучшилась после запуска новой программы «Interreg», в целом по программам TACIS и PHARE реализуется еще недостаточно проектов. В результате лишь в нескольких случаях европейское финансирование помогло реализовать проекты, направленные на трансграничное сотрудничество, в которых стороны участвовали в равной степени, играли одинаково активную роль и которые были одинаково выгодны всем участвующим сторонам.

До 2004 г. по программе PHARE финансировались проекты в области культуры, развития местного самоуправления, туризма и социальной сферы. Несколько менее масштабных проектов в сфере охраны окружающей среды, экономики и образования выполнялось в рамках более крупных инфраструктурных проектов. С 2004 по 2008 г. по программе «Interreg» финансировались в основном проекты в области культуры и менее масштабные местные инициативы. Европейские проекты привлекали внимание политических институтов в регионах, а также неправительственных организаций, работающих в социальной сфере и сфере культуры.

Помимо деятельности в рамках контрактов и соглашений по сотрудничеству на региональном уровне, с конца 1990-х гг. наладились регулярные контакты между районами и муниципалитетами регионов. Эти контакты были более неофициальными по своему характеру. Ос-

новное внимание уделялось культурному обмену и проведению совместных спортивных мероприятий. С целью упрочения взаимосвязей были предприняты общие усилия по открытию дополнительных пунктов пересечения границы.

Калининград также сотрудничает с регионами Швеции, Дании и Латвии в рамках еврорегионов «Балтика», «Неман», «Сауле», «Шешупе» и «Лава-Лына» с конца 1990-х гг. Данное сотрудничество многоаспектно. В еврорегионе «Балтика» проводятся самые разнообразные мероприятия по широкому спектру тем (защита окружающей среды, содействие экономическому развитию регионов, развитие демократии в регионах и проведение молодежных обменов), тогда как еврорегион «Неман» в основном заинтересован в постоянном развитии туризма. Еврорегион «Сауле» занимается социально-экономическим развитием европейского транспортного коридора «Виа Ганзеатика». Еврорегионы «Шешупе» и «Неман» основное внимание уделяют поддержанию туристической отрасли и принятию мер по защите окружающей среды.

В целом с начала 1990-х гг. наладились трансграничные контакты, в дальнейшем оформившиеся через советы по сотрудничеству и еврорегионы. Несмотря на многочисленные проекты, которые финансировались ЕС с конца 1990-х гг., до сих не создано трансграничное сотрудничество в форме совместно выработанной стратегии, по которой осуществляется общее планирование и реализация проектов в регионах по обе стороны границы. В основном содержание проектов было направлено на цели, определенные программами ЕС, которые часто не совпадали с согласованной и целенаправленной стратегией по дальнейшему развитию приграничного региона.

Пограничный режим как препятствие для развития сотрудничества

Помимо отсутствия стратегии по развитию пограничного региона и недостаточного финансирования соответствующих проектов, ситуация на границе также не способствовала установлению трансграничного сотрудничества; наоборот, взаимодействие только затруднялось. В начале 1990-х гг. национальные правительства заключили соглашение по безвизовому режиму пересечения границы, что позволило населению приграничных регионов свободно пересекать границу, иногда по несколько раз в день. Такая ситуация существовала вплоть до 2003 г.

Почему же открытая визовая политика 1990-х не привела к установлению прочного приграничного сотрудничества? Значительные различия в уровне жизни и ценах на товары в Калининграде, с одной стороны, и в Польше и Литве — с другой, привело к тому, что население приграничных районов ежедневно пересекало границу с целью контрабандного ввоза товаров. Из-за этого на пропускных пунктах возникали очереди, а время пересечения границы иногда достигало 30 часов. Это затрудняло межрегиональные контакты между людьми, которые не участвовали в такой незаконной торговле. В результате большая часть личных контактов в 1990-х гг. приходилась на долю этих торговцев.

Другим препятствием для развития приграничного сотрудничества стало плохое состояние таможенных объектов. Правительства и советы по сотрудничеству не согласовывали реконструкцию пограничных переходов. В большинстве случаев одна сторона границы находилась в процессе реконструкции, а инфраструктура другой оставалась неизменной. Только в конце 1990-х гг. некоторые погранпереходы были открыты для движения велосипедистов. До сих пор нет ни одного пункта пропуска пешеходов.

Ситуация на границах изменилась в 2003 г., когда Польша и Литва в результате переговоров о вступлении в ЕС ввели визовый режим для поездок в Калининград и для поездок жителей области в эти страны. В итоге усилилась разделительная функция границы, а возможности для сотрудничества стали еще более ограниченными. Хотя многократные визы оставались бесплатными, новый приграничный режим препятствовал совершенствованию уже установленных трансграничных контактов. Для получения визы необходимо было подать заявление и ждать некоторое время, пока ее выдадут. Прекратились спонтанные визиты и встречи. С тех пор Калининград стал не только российским эксклавом, но и анклавом Европейского союза.

Со вступлением Польши и Литвы в Шенгенскую зону в конце 2007 г. россиянам перестали выдаваться бесплатные визы в эти страны, введенные в 2003 г. Теперь жителям Калининградской области приходится получать шенгенскую визу, если они хотят посетить Литву или Польшу. Установление более строгих визовых процедур стало результатом относительно нового регламента малого пограничного движения, который был определен ЕС в 2006 г.³ Согласно данному регламенту два соседних государства могут оговорить такую ситуацию, когда граждане стран, живущие на расстоянии 30 км от границы и имеющие соответствующие документы, могут пересекать границу в любое время.

Еще одним препятствием стало введение российским правительством в 2007 г. зон, закрытых для посещения, вдоль границы в Калининградской области.

Неравные экономические и правовые условия мешают сотрудничеству. Помимо вышеописанных проблем с пограничным движением, различный уровень социального и правового развития в регионах после распада СССР также сдерживает трансграничное сотрудничество. Калининград столкнулся со структурными проблемами, вызванными тем фактом, что промышленность области была ориентирована на оборонную отрасль. Являясь эксклавом, регион также зависел от поставок энергии из России. Оба эти фактора негативно отразились на экономическом развитии Калининградской области в 1990-х гг. Регион в высокой степени зависел от импорта из России и соседних стран, в то время как экспорт был также достаточно высоким. Уровень жизни населения

---

³ Регламент (ЕС) № 1931/2006 Европейского парламента и Совета ЕС от 20 декабря 2006 г. устанавливает правила малого пограничного движения на внешних сухопутных границах стран — членов ЕС и дополняет положения Шенгенской конвенции.

оставался низким, а окрепшая теневая экономика служила для многих жителей источником существования. К концу 1990-х гг. экономическая ситуация в области начала улучшаться. Экономический рост продолжался, и к 2005 г. региона области была в очень хорошем состоянии. Основная доля инвестиций в то время приходилась на российские компании, однако были и иностранные инвесторы.

По сравнению с Калининградом необходимые изменения в экономике Польши и Литвы после распада СССР произошли быстрее и имели более весомые результаты. Главной причиной этого — финансирование со стороны Евросоюза в преддверии вступления этих стран в ЕС. Калининградская область не имела таких финансовых возможностей. Таким образом, возникло и стало расти социально-экономическое неравенство между приграничными регионами. Калининграду стало особенно сложно участвовать на равных в трансграничных проектах.

Другая причина осложнения процесса трансграничного сотрудничества заключается в способе функционирования политических институтов. Согласно Конституции Российской Федерации, российские регионы имеют высокий уровень представительства, они участвуют в процессе принятия политических решений в государстве через Совет Федерации. По сравнению с ними польские и литовские органы самоуправления имеют, вероятно, меньшее политическое влияние. В действительности же у российских регионов гораздо меньше законодательной власти, чем у регионов Польши и Литвы. Все решения по вопросам регионального и муниципального сотрудничества с соседними странами для Калининграда как российского эксклава принимает Москва.

В целом трансграничное сотрудничество между Калининградом и его польскими и литовскими соседями имеет место, несмотря на неравные экономические и институциональные условия. Однако вышеперечисленные виды асимметрии препятствуют развитию трансграничного сотрудничества.

Возможности для развития сотрудничества в социальной и культурной сферах

Несмотря на существующие препятствия, многообразное и устойчивое приграничное сотрудничество развивается в социальной и культурной сферах независимо от того, есть финансирование ЕС или его нет. Осуществляются различные проекты, такие как вовлечение людей с ограниченными возможностями в жизнь общества, обмен опытом и информацией в сфере социального обеспечения граждан, планирование и использование паллиативной медицины, борьба с наркозависимостью и привлечение безработных к выполнению общественных работ. В сфере культуры разрабатываются информационные системы, проводятся семинары и выставки художников, осуществляются музыкальные, танцевальные и театральные постановки и, наконец, идет осмысление общей истории культуры. При этом подобные мероприятия происходят регулярно. Работа в социальных и культурных проектах способствовала укреплению сотрудничества между организациями-участниками.

Помимо финансируемых проектов регулярными стали и мероприятия, проводимые на местном уровне, которые не финансируются международными проектами. Жители приграничных регионов пересекают границу, чтобы принять участие в городских и муниципальных фестивалях, выставках и чтениях, музыкальных, танцевальных и спортивных соревнованиях, например гонках на каяках, велосипедных гонках, соревнованиях по шахматам и футбольных матчах.

В то время как трансграничные проекты в сфере инфраструктуры, экономики и окружающей среды не всегда приводят к желаемому результату, проекты в культурной и социальной сферах реализуются с большим успехом, несмотря на описанные ранее асимметрии в регионах. Большая часть всех приграничных инициатив — культурные или социальные по своему характеру. Эти проекты оказываются успешными благодаря тому, что взаимодействие между участниками по обеим сторонам границы прямое, чаще основанное на взаимодействии человека и группы или группы и человека. Эти проекты в меньшей степени страдают от бюрократических проволочек, они более независимы от определенных национальных интересов, а участники обладают большей свободой действия. Размер и масштаб проектов также может быть отрегулирован в зависимости от имеющихся финансовых возможностей.

Выводы и перспективы

На фоне вышеописанных препятствий, мешающих установлению прочного трансграничного сотрудничества между органами власти, компаниями, неправительственными организациями и другими структурами, культурные и социальные проекты должны реализовываться в первую очередь. Несмотря на социально-экономические и институциональные асимметрии в регионах, жители приграничных районов продолжают поддерживать контакты и с помощью данных проектов расширяют сотрудничество. У них есть реальная возможность лучше узнать друг друга, избавиться от страхов и предрассудков. В результате появляется доверие к соседям по другую сторону границы и улучшается трансграничное сотрудничество. Имея возможность общаться друг с другом, люди по одну стороны границы становятся более восприимчивы по отношению к соседям по другую сторону границы, условиям их жизни. Они могут осознать различия и начать уважать друг друга. Необходимо поддерживать процесс коммуникации, развивать совместную деятельность. Способствовать этому могут организуемые встречи, семинары и симпозиумы. Цель заключается в том, чтобы устранить различия и неравномерность развития, существующие по обеим сторонам границы. Прогресс, который был достигнут в сфере культуры и социальной сфере, показывает, что трансграничное сотрудничество становится успешным при условии участия в нем жителей всех регионов. В связи с этим важно уделять внимание развитию гражданского общества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артоболевский Сергей Сергеевич, доктор географических наук, профессор, заведующий отделом экономической и социальной географии Института географии РАН.

E-mail: artob@aha.ru

Баженов Юрий Николаевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии факультета географии и геоэкологии СПбГУ.

E-mail: bajenov@politreg.pu.ru

Брунова Наталья Владимировна, старший преподаватель СПбГУ, старший референт МАПРЯЛ.

E-mail: info@mapryal.org

Воронов Виктор Васильевич, доктор философии, доктор социологии, ведущий научный сотрудник Даугавпилсского университета (г. Даугавпилс, Латвия).

E-mail: viktor.voronov@du.lv

Давидов Денис Михайлович, соискатель, РГУ им. И. Канта.

E-mail: politology101@rambler.ru

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, профессор, ректор, заведующий кафедрой политологии и социологии РГУ им. И. Канта.

E-mail: aklemeshev@kantiana.ru

Корнеев Валентин Сергеевич, кандидат экономических наук, проректор по экономическим вопросам, заведующий кафедрой социально-культурного сервиса и туризма, РГУ им. И. Канта.

E-mail: vkorneevets@kantiana.ru

Кузнецов Алексей Владимирович, доктор экономических наук, руководитель Центра европейских исследований Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН.

E-mail: kuznetsov@imemo.ru

Кузнецов Артур Иванович, доктор физико-математических наук, проректор по международным связям Балтийского института экономики и финансов, профессор, старший научный сотрудник.

E-mail: kuznetsov5a@mail.ru

Мельчорре Тицьяна, аспирант кафедры истории экономики Стокгольмского университета (Швеция).

E-mail: melchiorre@ekohist.su.se

Московкин Леонид Викторович, доктор педагогических наук, профессор СПбГУ, директор секретариата РОПРЯЛ.

E-mail: moskovkin@ropryal.ru

Никутьченков Кирилл Евгеньевич, аспирант кафедры финансов и государственного регулирования экономики Северо-Западной академии государственной службы.

E-mail: kenptz@yandex.ru

Федоров Геннадий Михайлович, доктор географических наук, проректор по научной работе, заведующий кафедрой социально-экономической географии и геополитики, РГУ им. И. Канта.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

Чекалина Татьяна Николаевна, кандидат географических наук, докторант Европейского исследовательского института туризма при Университете Средней Швеции.

E-mail: astellar@mail.ru

Шаститко Андрей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, генеральный директор фонда «Бюро экономического анализа».

E-mail: a_shastitko@beafnd.org

Шильберг Зильке, доктор политологии, научный сотрудник Шлезвиг-Гольштейнского института исследований проблем мира (SHIFF) в Киле (Германия).

E-mail: silke@schielberg.eu

Юрков Евгений Ефимович, кандидат филологических наук, доцент, директор Института русского языка и культуры СПбГУ, заместитель генерального секретаря МАПРЯЛ.

E-mail: info@mapryal.org

ABOUT AUTHORS

Prof. Sergey Artobolevsky, head of the Department of Economic and Social Geography, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: artob@aha.ru

Dr. Yuri Bajenov, Associate Professor, Department of Regional Policy and Political Geography, Faculty of Geography and Geoecology, Saint Petersburg State University.

E-mail: bajenov@politreg.pu.ru

Natalia Brunova, Assistant Professor, Saint Petersburg State University, Senior Secretary of the IATRLL.

E-mail: info@mapryal.org

Dr. Tatyana Chekailina, postdoctoral student, European Tourism Research Institute, Mid-Sweden University.

E-mail: melchiorre@ekohist.su.se

Denis Davidov, PhD student, IKSUR.

E-mail: politology101@rambler.ru

Prof. Gennady Fedorov, Vice-Rector for Academic Activity, head of the Department of Social and Economic Geography and Geopolitics, IKSUR.

E-mail: gfedorov@kantiana.ru

Dr. Andrey P. Klemeshev, professor, rector, head of the Department of Political Science and Sociology, Immanuel Kant State University of Russia (Russia).

E-mail: aklemeshev@kantiana.ru

Prof. Alexei Kuznetsov, head of the Centre for European Studies, the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: kuznetsov@imemo.ru

Prof. Artur Kuznetsov, Research Professor, Vice Rector for International Relations, Baltic Institute of Economics and Finance.

E-mail: kuznetsov5a@mail.ru

Dr. Valentin Korneevets, Associate Professor, Vice Rector for Economic Affairs, head of the Department of Social and Cultural Service and Tourism, IKSUR.

E-mail: vkorneevets@kantiana.ru

Tiziana Melchiorre, PhD Student, Department of Economic History, Stockholm University.

E-mail: melchiorre@ekohist.su.se

Prof. Leonid Moskovkin, Saint Petersburg State University, head of the Society of Teachers of Russian Language and Literature.

E-mail: moskovkin@ropryal.ru

Kirill Nikulchenkov, PhD student, Department of Finance and Governmental Regulation, North-West Academy of Public Administration.

E-mail: kenptz@yandex.ru

Dr. Silke Schielberg, MA (Political Sciences), Institute of Social Sciences, Kiel University.

E-mail: silke@schielberg.eu

Prof. Andrei Shastitko, Faculty of Economics, Mikhail Lomonosov Moscow State University.

E-mail: a_shastitko@beafnd.org

Dr. Viktor Voronov, Research Professor of the Institute of Social Investigation at Daugavpils University, Associate Professor of Daugavpils University, Latvia.

E-mail: viktor.voronov@du.lv

Dr. Yevgeny Yurkov, Associate Professor, head of the institute of Russian Language and Culture, Saint Petersburg State University, deputy secretary general of the IATRLL.

E-mail: info@mapryal.org

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2009
2

Редактор *Л. Г. Ванцева*. Корректор *Е. В. Владимирова*
Оригинал-макет подготовлен *О. М. Хрустальной*

Подписано в печать 20.12.2009 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×108 ¹/₁₆.
Гарнитура «Times». Ризограф. Усл. печ. л. 12,1. Уч.-изд. л. 8,4.
Тираж 1000 экз. Заказ 18.

Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14